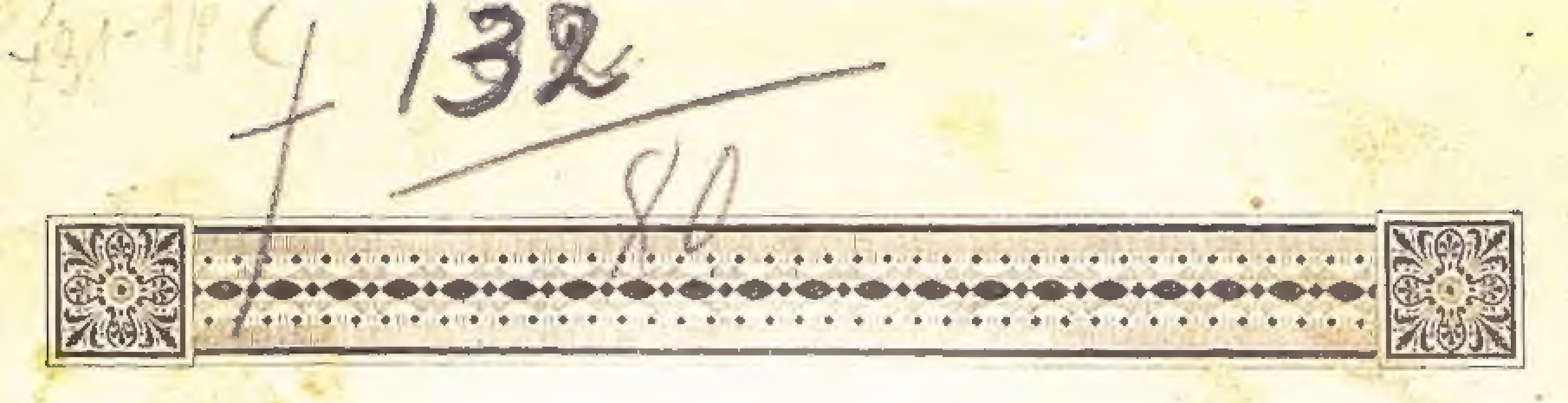
F 132/80

СОЕДИНЕНІЕ ФИНЛЯНДІИ

съ

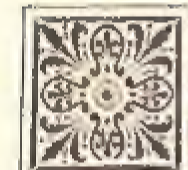
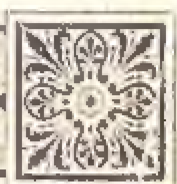
РОССІЙСКОЮ ДЕРЖАВОЮ.

ПО ПОВОДУ СОЧИНЕНІЯ К. ОРДИНА „ПОКОРЕНІЕ ФИНЛЯНДІИ“.

РИХ. ДАНІЕЛЬСОНА.

БОРГО, 1890.
Вернеръ Седерстремъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій пр. 20.
А. Цинзерлингъ.

СОЕДИНЕНІЕ ФИНЛЯНДІИ

съ

РОССІЙСКОЮ ДЕРЖАВОЮ.

По поводу сочиненія К. Ордина „Покореніе Финляндіи".

РИХ. ДАНІЕЛЬСОНА,
профессора Императорскаго Александровскаго Университета въ Гельсингфорсѣ.

Переводъ.

ГЕЛЬСИНГФОРСЪ, 1890 г.

Предъявлено: А. Геймбюргеръ.

ГЕЛЬСИНГФОРСЪ,
Типографія И. К. Френкеля и Сына, 1890 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

вается, 1

I. Введеніе.

Въ 1887 г. г. К. Ординъ, нынѣ Гофмейстеръ Императорскаго Россійскаго Двора, ознакомилъ русскую публику съ сочиненіемъ сенатора, бывшаго профессора государственнаго права при Гельсингфорсскомъ университетѣ, Л. Мехелина „Précis du droit public du Grand-Duché de Finlande“. Притомъ онъ не ограничился ролью простого переводчика, а снабдилъ текстъ примѣчаніями, въ которыхъ старался доказать, будто г. Мехелинъ, хотя и ясно излагаетъ взгляды финляндцевъ, однако систематически игнорируетъ права Россіи. Примѣчанія касались почти исключительно историческаго введенія, которое авторъ предпослалъ своему очерку. Въ этомъ введеніи указывается, что государственное положеніе Финляндіи, а слѣдовательно и характеръ ея соединенія съ Россіею, основывается, прежде всего, на торжественномъ актѣ, который состоялся 17/29 марта 1809 г. въ Боргоскомъ соборѣ. Здѣсь, въ присутствіи Императора Александра I, было прочитано и передано земскимъ чинамъ удостовѣреніе, собственноручно подписанное Императоромъ двумя днями ранѣе, въ которомъ Государь обѣщалъ хранить религію и основные законы края

въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи; земскіе же чины, также подтвердивъ присягою конституцію Финляндіи, принесли присягу на вѣрность Императору, какъ Великому Князю Финляндіи. Г. Ординъ, съ своей стороны, въ примѣчаніяхъ къ переводу развиваетъ ту мысль, что Боргоскій актъ имѣлъ лишь нравственное значеніе и что объявленнымъ удостовѣреніемъ Императоръ не принималъ на себя и не возлагалъ на своихъ преемниковъ никакихъ положительныхъ обязательствъ. Отношеніе Финляндіи къ Имперіи, по мнѣнію г. Ордина, установлено не какими либо документами Боргоскаго сейма, а Фридрихсгамскимъ мирнымъ договоромъ отъ 5/17 сентября 1809 г., въ которомъ король Швеціи уступилъ Императору Всероссійскому всѣ свои прежнія права на Финляндію. Г. Мехелинъ полагаетъ, что Великое Княжество Финляндское, будучи неразрывно соединено съ Имперіею, тѣмъ не менѣе составляетъ государство (état) и пользуется особою конституціею, на вѣчныя времена утвержденною Императоромъ Всероссійскимъ. По мнѣнію же г. Ордина, Финляндія есть просто русская провинція, въ которой, въ концѣ концовъ, какъ и въ прочихъ частяхъ Имперіи, все зависитъ отъ благоусмотрѣнія русскаго правительства.

Непріятныя чувства, вызванныя въ Финляндіи переводомъ г. Ордина, усилились вслѣдствіе положенія, занятаго русскою печатью. Никого не удивило, что газеты, издавна непріязненно относившіяся къ Финляндіи, какъ напримѣръ Новое Время, съ восторгомъ привѣтствовали эти новые историко-политическіе взгляды. Но и другіе органы печати, которые до того руководились иными взглядами, немедленно по выходѣ въ свѣтъ перевода г. Ордина, не выжидая отвѣта съ финляндской стороны, посвѣ-

шили выразить согласіе съ примѣчаніями переводчика, не признающаго за удостовѣреніемъ Императора Александра I никакого опредѣлительнаго значенія по вопросу о государственномъ строѣ Финляндіи. Понятно, что въ Финляндіи съ тревогою спрашивали себя, не является ли г. Ординъ простымъ орудіемъ въ чужихъ рукахъ и не слѣдуетъ ли видѣть въ его полемическихъ примѣчаніяхъ лишь предвѣстниковъ общаго нападенія. Поддержка, оказанная г. Ордину, указывала на то, что сравнительно важные элементы русскаго общества желаютъ уничтоженія законовъ и учрежденій, которыя торжественно подтверждены не только Императоромъ Александромъ I, но и всѣми его преемниками и подъ сѣнью которыхъ Финляндія въ продолженіе восьмидесятилѣтняго періода развивалась въ матеріальномъ и духовномъ отношеніи.

Возникшая полемика, продолжавшаяся въ теченіе первой половины 1888 года, велась со стороны Финляндіи, главнымъ образомъ, Гельсингфорсскими газетами; кромѣ того сенаторъ Мехелинъ помѣстилъ въ Вѣстникѣ Европы возраженіе на примѣчанія г. Ордина. Г. Ординъ отвѣчалъ въ Новомъ Времени и въ Русскомъ Вѣстникѣ. При этомъ вполнѣ выяснились задушевныя желанія г. Ордина и его единомышленниковъ. Въ майской книжкѣ Русскаго Вѣстника за 1888 г., г. Ординъ называетъ удостовѣреніе Императора Александра I „приличною обстоятельствамъ фразою" и откровенно заявляетъ, что не имѣется никакихъ законныхъ препятствій къ лишенію Финляндіи дарованныхъ ей правъ.

Еще до выхода въ свѣтъ перевода очерка г. Мехелина, пишущій эти строки собиралъ въ русскихъ и финляндскихъ архивахъ матеріалы по вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ

Россіи и Финляндіи съ 1721 по 1809 г. и, въ частности, о рѣшительныхъ событіяхъ 1809 г.[1]

Поэтому мы сочли бы своимъ долгомъ немедленно отвѣтить на нападки г. Ордина, если бы не нѣкоторыя обстоятельства, въ виду которыхъ казалось желательнымъ отложить на нѣкоторое время исполненіе этого намѣренія. Во первыхъ, въ отвѣтѣ г. Мехелина въ Вѣстникѣ Европы возбужденный вопросъ, въ главныхъ чертахъ, разсматривался достаточно ясно, чтобы убѣдить всякаго безпристрастнаго читателя; но кромѣ того для насъ представлялось особенно важнымъ выраженное г. Ординымъ желаніе, чтобы финляндскіе его противники выждали изданія подробнаго сочиненія о покореніи Финляндіи, надъ которымъ онъ въ то время трудился. Между тѣмъ, г. Ординъ самъ не считалъ себя обязаннымъ соблюдать сдержанность, которой требовалъ отъ своихъ противниковъ. Тогда какъ полемика уже весною 1888 г. успѣла затихнуть, онъ въ декабрѣ того же года помѣстилъ въ Русскомъ Вѣстникѣ статью, въ которой доказываетъ, будто ст. 4 основныхъ законовъ Россійской Имперіи, опредѣляющая, что: „съ Императорскимъ Всероссійскимъ престоломъ нераздѣльны суть престолы Царства

---

[1] Плодомъ этихъ занятій является изданное въ началѣ 1888 г. сочиненіе: Die Nordische Frage in den Jahren 1746—1751. Mit einer Darstellung russisch-schwedisch-finnischer Beziehungen 1740—1743 von Joh. Rich. Danielson. Helsingfors. Раньше, въ рядѣ статей, напечатанныхъ въ финскомъ журналѣ „Valvoja“, нами разсмотрѣны различныя направленія, боровшіяся въ 1808 г. при русскомъ дворѣ по вопросу о будущемъ политическомъ положеніи Финляндіи, а въ докладѣ, читанномъ въ финляндскомъ историческомъ обществѣ, мы изложили содержаніе различныхъ проектовъ, которые, наконецъ, въ 1809 г. повели къ установленію для Финляндіи туземнаго правительства.

Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго", помѣщена въ Сводѣ Законовъ вслѣдствіе редакціонной ошибки, такъ какъ ни шведскими ни русскими монархами особый престолъ финляндскій никогда не былъ установленъ. Въ виду постоянно повторявшихся нападковъ, дальнѣйшее молчаніе болѣе не оправдывалось и потому мы помѣстили въ журналѣ „Valvoja" статью: „Императоръ Александръ I и политическое положеніе Финляндіи".[1] Такъ какъ въ этой статьѣ вкратцѣ излагаются и опровергаются важнѣйшія положенія г. Ордина, то передача главнаго ея содержанія можетъ служить введеніемъ къ послѣдующему.

Въ своихъ полемическихъ статьяхъ г. Рдинъ неоднократно утверждалъ, что постановленія и акты 1808 и 1809 г.г., обнародованные въ Финляндіи на шведскомъ языкѣ и служащіе вообще основаніемъ для мнѣній финскихъ авторовъ, въ существенныхъ частяхъ разнятся отъ русскихъ и, прибавимъ, французскихъ подлинниковъ, подписанныхъ Императоромъ. Онъ хочетъ увѣрить читателей, что эти неточности имѣли пагубныя послѣдствія, что онѣ „въ теченіе 75 лѣтъ разрослись въ большое дерево, дающее обильные плоды, — сладкіе для Финляндіи, но горькіе для Россіи". Другими словами, г. Ординъ считаетъ государственное положеніе Финляндіи плодомъ ошибокъ перевода, причемъ оставляетъ нерѣшеннымъ, слѣдуетъ ли признать эти ошибки умышленными.

Что же содержатъ подлинные акты?

---

[1] Январская книжка 1889 г. Содержаніе статьи передано болѣе или менѣе подробно во всѣхъ ежедневныхъ Гельсингфорсскихъ газетахъ.

Прежде всего г. Ординъ утверждаетъ, будто они нигдѣ не говорятъ о Финляндіи, какъ о государствѣ, а лишь какъ о провинціи. По его объясненіямъ: „упорно и систематически повторяя это выраженіе, несомнѣнно на актахъ неоснованное, финскіе писатели достигли того, что въ понятіи весьма многихъ Финляндія составляетъ особое государство".[1]

По этому поводу, мы сослались на Высочайшія предложенія, переданныя земскимъ чинамъ при открытіи Боргоскаго сейма и на учрежденіе правительствующаго совѣта Великаго Княжества Финляндскаго, данное въ Петергофѣ $^{6}/_{18}$ августа 1809 г. Въ французскомъ, подлинномъ текстѣ этихъ актовъ, о Финляндіи нѣсколько разъ говорится какъ о государствѣ. Такъ напр., Императоръ въ введеніи къ учрежденію правительствующаго совѣта выражается слѣдующимъ образомъ: „Parmi les moyens d'assurer la prospérité de la Finlande, l'établissement d'une administration générale Nous a paru d'une nécessité urgente. Il importait au bien-être de l'Etat que les administrations provinciales eussent un point central, un tribunal suprême qui pût les diriger — —". Императоръ слѣдовательно называетъ всю Финляндію государствомъ, въ отличіе отъ отдѣльныхъ ея частей, провинцій.

Другое изъ главныхъ положеній г. Ордина заключается въ томъ, что въ Высочайшемъ удостовѣреніи всѣмъ жителямъ Финляндіи, данномъ Императоромъ Александромъ I въ Борго $^{15}/_{27}$ марта 1809 г., слово „конституція" въ шведскомъ текстѣ употреблено въ единственномъ числѣ, въ русскомъ же текстѣ — въ множественномъ. Это различіе, по мнѣнію г. Ордина, имѣетъ весьма важное значеніе, такъ какъ въ единственномъ числѣ слово „консти-

[1] „Конституція Финляндіи", стр. 15.

туція“ означаетъ государственный строй страны, а во множественномъ числѣ — лишь постановленія, учрежденія.[1]

Въ отвѣтъ на это замѣчаніе мы сослались на оффиціальныя выраженія Государя, относящіяся къ упомянутому утвержденію, въ которыхъ слово „конституція“ встрѣчается именно въ единственномъ числѣ.

На церемоніалѣ торжественнаго акта въ г. Борго по случаю принесенія земскими чинами присяги на вѣрноподданство Императору, надписано „approuvé par S. M. l'Empereur le 22 février 1809. Secrétaire d'état Speransky“ т. е. утвержденъ Его Императорскимъ Величествомъ 22 февраля 1809 г. Седьмой параграфъ церемоніала гласитъ слѣдующимъ образомъ: „Après quoi le Gouverneur Général déclarera que Sa Majesté Impériale a daigné confirmer solemnellement la *Constitution de la Finlande*, en la sanctionnant de Sa signature: il lira à haute voix l'Acte de Confirmation et le remettra au Maréchal de la Noblesse“. (Затѣмъ Генералъ-Губернаторъ объявитъ, что Его Императорскому Величеству благоугодно было торжественно утвердить собственноручною подписью конституцію Финляндіи: онъ прочтетъ Актъ Удостовѣренія и передастъ его Ландмаршалу).

Уже при открытіи сейма $^{16}/_{28}$ марта Императоръ велѣлъ прочесть земскимъ чинамъ переданныя имъ Высочайшія предложенія. Введеніе къ этимъ предложеніямъ начинается слѣдующими словами: „Sa Majesté Impériale, en réunissant les états de la Finlande en une Diète générale, a bien voulu donner par là une preuve solemnelle de ses intentions généreuses de conserver et maintenir inviolablement la religion, les loix, *la constitution du pays*, les droits et

---

[1] Новое Время, $^{9}/_{21}$ января 1888 г.

privilèges de tous les états en général et de chaque citoyen en particulier",—созывая земскіе чины Финляндіи на общій сеймъ. Его Императорскому Величеству благоугодно было дать торжественное доказательство великодушныхъ своихъ намѣреній ненарушимо хранить религію, законы и конституцію края, а также права и привилегіи всѣхъ сословій вообще и каждаго гражданина въ особенности.

Пожалуй еще болѣе торжественное заявленіе о намѣреніи Императора утвердить именно конституцію Финляндіи заключается въ рѣчи, произнесенной Государемъ на французскомъ языкѣ при открытіи сейма. Рѣчь эта впервые обнародована въ нашей статьѣ, о которой упомянуто выше. Въ ней Императоръ положительно говоритъ: *„J'ai promis de maintenir votre Constitution, vos loix fondamentales;* votre réunion ici vous garantit Ma promesse". Словами „я обѣщалъ хранить вашу конституцію" Императоръ, очевидно, указывалъ на удостовѣреніе, подписанное имъ наканунѣ, но, по церемоніалу, прочитанное Генералъ-Губернаторомъ лишь на слѣдующій день. Это и есть то удостовѣреніе, въ шведскомъ текстѣ котораго слово „конституція" встрѣчается въ единственномъ числѣ — „ошибка", имѣвшая, по мнѣнію г. Ордина, столь пагубныя послѣдствія для политическихъ отношеній Финляндіи и Россіи. Оказывается, что смыслъ акта удостовѣренія вслѣдствіе этой т. н. „ошибки" не подвергся ни малѣйшему измѣненію, такъ какъ шведскій текстъ во всѣхъ отношеніяхъ точно передаетъ намѣренія Государя.

По вопросу о финляндскомъ престолѣ, существованіе котораго отрицается г. Ординымъ, мы указали прежде всего на вышеизложенное. Въ законѣ „престолъ" очевидно понимается въ переносномъ смыслѣ. Признавъ Финляндію

государствомъ и утвердивъ конституцію, дѣйствовавшую въ Финляндіи во время ея соединенія съ Швеціею, Императоръ Александръ I тѣмъ самымъ установилъ также финляндскій престолъ. Но, кромѣ того, престолъ финляндскій былъ установленъ также внѣшнимъ, видимымъ образомъ. Въ Высочайше утвержденномъ церемоніалѣ мы читаемъ: „Sa Majesté Impériale, assis sur le trône“ и т. д. Изъ разсказа своего соотечественника князя Гагарина „Les treize journées ou la Finlande“ г. Ординъ могъ бы узнать, что къ престолу былъ прикрѣпленъ гербъ Финляндіи. Съ этого престола, установленнаго въ храмѣ Всевышняго, Императоръ обратился съ рѣчью къ земскимъ чинамъ, здѣсь была принята присяга чиновъ и прочитано Высочайшее удостовѣреніе о ненарушимомъ храненіи основныхъ законовъ и всѣхъ правъ финляндскаго народа. Развѣ такимъ образомъ не существуетъ финляндскаго престола; развѣ въ актахъ объ немъ не упоминается и развѣ статья 4 основныхъ законовъ Россійской Имперіи могла появиться лишь вслѣдствіе редакціонной ошибки, какъ то осмѣливается утверждать г. Ординъ?

Въ полемикѣ съ г. Ординымъ мы главнымъ образомъ старались доказать, что въ то время, когда установлено было нынѣшнее государственное положеніе Финляндіи, Императоръ Александръ I опредѣлялъ характеръ этого положенія тѣми же выраженіями, которыя употребляются финляндцами и которыя г. Ординъ считаетъ плодомъ ошибокъ или подлога. Мы поэтому, вообще говоря, ссылались только на акты относящіеся къ 1809 г. и лишь въ видѣ исключенія привели два постановленія 1810 и 1816 г.г., въ которыхъ содержится аутентическое толкованіе намѣреній,

коими Императоръ руководствовался въ 1809 г. относительно Финляндіи.

Манифестъ $^{15}/_{27}$ марта 1810 г. начинается слѣдующими словами: „Du moment que la Providence Nous a remis le sort de la Finlande, Nous résolûmes de gouverner ce pays comme une nation libre et jouissant des droits que sa constitution lui garantit“ т. е. съ тѣхъ поръ, какъ произволеніемъ Всевышняго судьба Финляндіи была Намъ вручена, Мы рѣшили управлять этимъ краемъ какъ свободною націею, пользующеюся собственною конституціею и обезпеченными за нею правами.

Высочайшимъ Манифестомъ отъ $^{9}/_{21}$ февраля 1816 г., изданнымъ на русскомъ языкѣ, Императоръ, по возвращеніи изъ похода противъ Наполеона, постановилъ, чтобы правительствующій совѣтъ Финляндіи, подобно высшимъ правительственнымъ мѣстамъ въ Имперіи и Царствѣ Польскомъ, именовался Сенатомъ. Въ Манифестѣ Государь, между прочимъ, говоритъ: „Бывъ удостовѣрены, что конституція и законы, къ обычаямъ, образованію и духу финляндскаго народа примѣненные и съ давнихъ временъ положившіе основаніе гражданской его свободѣ и устройству, не могли бы быть ограничиваемы и отмѣняемы безъ нарушенія оныхъ, Мы при воспріятіи царствованія надъ симъ краемъ, не только торжественнѣйше утвердили конституцію и законы сіи съ принадлежащими, на основаніи оныхъ, каждому финляндскому согражданину особенными правами и преимуществами, но — —“ „Таковыми мѣрами оказавъ Наше доброе расположеніе, которое имѣли и впредь будемъ имѣть къ финляндскимъ вѣрноподданнымъ Нашимъ, надѣемся Мы, что довольно утвердили на всегдашнія времена данное Нами обѣщаніе о сви-

томъ сохраненіи особенной конституціи края сего подъ державою Нашею и наслѣдниковъ Нашихъ". Повелѣвъ затѣмъ именовать правительствующій совѣтъ Финляндскимъ Сенатомъ, Государь прибавляетъ: „безъ отмѣны однакожъ въ настоящемъ его составѣ, а еще менѣе того въ конституціи и законахъ Нами для Финляндіи утвержденныхъ и силою сего во всѣхъ отношеніяхъ паки утверждаемыхъ".

Манифестомъ 9/21 февраля 1816 г. Императоръ Александръ I такимъ образомъ вновь самымъ торжественнымъ и положительнымъ образомъ, за себя и за всѣхъ своихъ преемниковъ, подтверждаетъ финляндскую автономію съ особымъ правительствомъ и особою конституціею. Если бы даже единственно этимъ актомъ Россійскіе Монархи обязывались ненарушимо хранить законы Финляндіи, то все таки государственное положеніе Финляндіи слѣдовало бы считать обезпеченнымъ въ правовомъ отношеніи. Четыре раза Государь называетъ утвержденные законы „конституціею", употребляя это слово каждый разъ въ единственномъ числѣ. Мы слѣдовательно лишній разъ убѣждаемся насколько основательно утвержденіе г. Ордина.

По отношенію къ приведеннымъ нами подлиннымъ актамъ г. Ординъ прибѣгъ къ весьма удобному средству: онъ старался совершенно игнорировать нашу статью. Нѣсколько времени спустя, онъ напечаталъ въ Новомъ Времени своего рода возраженіе на замѣчанія, высказанныя въ Финляндіи по поводу его послѣднихъ разсужденій о финляндскомъ престолѣ, но при этомъ онъ просто умолчалъ объ указанныхъ нами фактическихъ обстоятельствахъ. Насколько намъ извѣстно, послѣ этого, по крайней мѣрѣ въ продолженіе нѣкотораго вре-

мени, не появлялось болѣе статей по финляндскимъ вопросамъ за подписью г. Ордина. Однако нѣкоторые органы русской печати, на этотъ разъ съ Московскими Вѣдомостями во главѣ, продолжали начатый походъ противъ Финляндіи. Ежедневно или, по крайней мѣрѣ, еженедѣльно появлялись статьи, переполненныя самою дерзкою ложью о финляндскихъ дѣлахъ, о томъ, будто чиновники не обладаютъ университетскимъ образованіемъ, будто финляндцы въ теченіе десятилѣтій обманомъ и всякою неправдою захватывали себѣ права въ ущербъ Россіи. Многія изъ этихъ статей прямо приписывались г. Ордину и г. Гофмейстеръ, кажется, не счелъ нужнымъ протестовать противъ чести пасквилянта. Неприличное поведеніе упомянутыхъ органовъ русской печати дошло наконецъ до того, что Финляндскій Генералъ-Губернаторъ графъ Гейденъ въ опроверженіе распространяемыхъ Московскими Вѣдомостями свѣдѣній, призналъ необходимымъ представить Его Императорскому Величеству всеподданнѣйшій докладъ, помѣщенный въ Правительственномъ Вѣстникѣ (май, 1889 г.). Однако это опроверженіе не имѣло почти никакого дѣйствія. Нападки на Финляндію и требованія уничтоженія ея государственнаго существованія по прежнему повторяются въ русской печати, принимая болѣе рѣзкій характеръ, чѣмъ когда либо. Недавно Московскія Вѣдомости позволили себѣ при этомъ столь рѣзко порицать дѣятельность графа Гейдена, что Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, какъ извѣстно, объявилъ даже Московскимъ Вѣдомостямъ первое предостереженіе.

Представители яростной ненависти къ Финляндіи считали своимъ счастіемъ имѣть въ лицѣ г. Ордина авторитетъ, словамъ котораго они слѣпо вѣрили. Въ особенности нынѣ, по выходѣ въ свѣтъ въ исходѣ минувшаго года исто-

рическаго его труда „Покореніе Финляндіи“[1] авторитетность г. Ордина по вопросамъ о Финляндіи уже не подвергается сомнѣніямъ. Сочиненіе это состоитъ изъ двухъ объемистыхъ томовъ, въ 460 и 498 стр., съ многочисленными приложеніями и значеніе его увеличивается въ немалой степени тѣмъ обстоятельствомъ, что оно было представлено въ Императорскую Академію Наукъ и удостоено ею преміи.

Коммисія, назначенная Академіею для просмотра сочиненія г. Ордина, поручила съ своей стороны генералу Дубровину представить, въ качествѣ эксперта, заключеніе и, повидимому, на основаніи этого заключенія, выдержки изъ котораго печатались въ Правительственномъ Вѣстникѣ, г. Ордину была назначена премія. По мнѣнію г. эксперта г. Ординъ даетъ въ своемъ изслѣдованіи столь много новаго и до сихъ поръ неизвѣстнаго, что его трудъ является „выдающимся пріобрѣтеніемъ для русской исторической науки“; обладая знаніемъ шведскаго языка, г. Ординъ могъ воспользоваться шведскою историческою литературою, что является необходимымъ для рѣшенія задачи, поставленной себѣ авторомъ; наконецъ г. Дубровинъ считаетъ важнымъ достоинствомъ разсматриваемаго сочиненія: „спокойное и безпристрастное отношеніе автора къ излагаемымъ событіямъ“.

Невольно спрашиваешь себя, не иронія ли все это. Дѣло въ томъ, что восхваляемое г. Дубровинымъ сочиненіе отличается не спокойствіемъ и безпристрастіемъ, а прямо противоположными качествами: крайнею ненавистью и стрем-

---

[1] Покореніе Финляндіи. Опытъ описанія по неизданнымъ источникамъ. К. Ордина. — Императорскою Академіею Наукъ удостоено преміи Митрополита Макарія.—Въ двухъ томахъ. С. Петербургъ. 1889 г.

леніемъ длинными разсужденіями стушевывать неоспоримые факты. Выражаясь словами г. Глинскаго (апрѣлская книжка Историческаго Вѣстника за 1890 г.) сочиненіе г. Ордина можно назвать „злою книгою, враждебною всякому свободному порыву, всякой новой мысли“; *Вѣстникъ Европы* (май 1890 г.) соглашается съ г. Глинскимъ, что въ эту книгу внесенъ тотъ „специфическій запахъ, который неумѣстенъ въ трудахъ научнаго содержанія“.

Мы видимъ, что и въ Россіи высказывались протесты противъ историческихъ пріемовъ г. Ордина. Но эти случайные протесты заглушаются восторгомъ, которымъ большая часть ежедневной печати встрѣтила сочиненіе, внушенное расовою ненавистью и непріязнью ко всякому отдаленнѣйшему намеку на народную свободу и конституціонныя формы.

Въ Финляндіи надѣялись и надѣятся, что здравый смыслъ и прирожденное русскому народу чувство справедливости въ концѣ концовъ одержатъ верхъ. Поэтому до сихъ поръ ограничивались общими указаніями на характеръ сочиненія и приводили лишь отдѣльные поразительные примѣры встрѣчающихся въ немъ искаженій.

Однако ученое сочиненіе, изданное подъ покровительствомъ Академіи Наукъ, нельзя игнорировать подобно простой полемической статьѣ. Тенденціозность и лживость сочиненія г. Ордина усиливаютъ обязанность финляндскихъ историковъ подвергнуть болѣе полной разработкѣ новые матеріалы по вопросу о соединеніи Финляндіи съ Россійскою Имперіею, которые въ послѣднее время стали доступны изслѣдователямъ. Но кромѣ общей исторіи этого времени требуется подробный критическій разборъ сочиненія г. Ордина. Приступая къ такому разбору, мы не намѣрены вдаваться

исключительно въ отрицательную критику, но, напротивъ, постараемся, хотя мѣстами лишь мимоходомъ, дать читателю точное понятіе о болѣе важныхъ моментахъ общаго хода историческихъ событій и о дѣйствительныхъ намѣреніяхъ руководящихъ лицъ.

II. Время до XIX ст.

Содержаніе сочиненія г. Ордина далеко не исчерпывается изложеніемъ событій 1808 и 1809 г.г. и непосредственно предшествовавшаго періода. Въ историческомъ введеніи объ отношеніяхъ русскихъ и финновъ авторъ начинаетъ свое повѣствованіе со времени до вторженія шведовъ въ Финляндію. Конечно, относительно подобнаго очерка можно только требовать, чтобы авторъ представилъ добросовѣстную, критически составленную компиляцію и потому, исходя изъ этой точки зрѣнія, мы ограничимся при разборѣ начала сочиненія г. Ордина лишь частными указаніями на обстоятельства, которыми уже до нѣкоторой степени характеризуются пріемы автора.

Первая глава, озаглавленная „Россія и Финляндія до Петра I", очевидно имѣетъ цѣлью доказать, что „историческія права" Россіи на обширныя области Финляндіи ведутъ свое начало отъ древнѣйшихъ временъ. Поэтому уже съ первыхъ страницъ начинается полемика не только съ финляндцемъ Ирье-Коскиненомъ, но и съ русскимъ историкомъ Соловьевымъ, по вопросамъ, которые этими изслѣдователями на основаніи скудныхъ источниковъ разрѣшены не такъ, какъ, по мнѣнію г. Ордина, представляется

наиболѣе удобнымъ для его теорій. Г. Орднинъ считаетъ напр. несомнѣннымъ фактомъ, что древніе корелы не были союзниками Новгородцевъ, а состояли въ новгородскомъ подданствѣ; онъ развиваетъ также мысль, что еми, которые по словамъ лѣтописца платили дань Новгороду, не обитали въ Заонежьи, а тождественны съ финляндскими тавастами. Согласно г. Ордину, въ X и XI ст. власть Новгорода распространялась на всю южную Финляндію, финны же, жившіе далѣе на сѣверѣ, подчинялись Норвегіи. Это послѣднее открытіе авторъ основываетъ на разсказѣ норвежцевъ о дани, „quod Finni iis solvunt", которая состояла изъ звѣриныхъ шкуръ, птичьихъ перьевъ, китовыхъ костей и пр. (Ординъ I, 7). Г. Ордину, слѣдовательно, неизвѣстно, что подъ словомъ „finn" норвежцы еще теперь подразумѣваютъ не финновъ, а лопарей. По отношенію къ лопарямъ приведенныя слова извѣстнаго разсказа норвежца Отера исторически вѣрны, но въ примѣненіи къ финнамъ они противорѣчатъ несомнѣнному факту, что въ то время финны вовсе еще не селились у Ледовитаго океана. Достовѣрно извѣстно, что сѣверное прибрежье Сайми и область озера Улео заселены лишь въ новѣйшее время; дороги, ведущія изъ Кексгольма въ Каяну и Тавастгусъ, которыя по мнѣнію г. Ордина (I, 5, 6) заставляли новгородцевъ расширять свои владѣнія въ Финляндіи, относятся къ области фантазіи автора. Критическое изученіе показаній лѣтописца о безпрестанныхъ походахъ въ Финляндію приводитъ къ тому выводу, что финны, дѣйствительно, неоднократно подвергались нападеніямъ со стороны какъ русскихъ, такъ и шведовъ, но что побѣдители при этомъ не расширяли своей территоріи, а должны были довольствоваться захваченною добычею или данью, — чѣмъ и вызывалось частое повто-

реніе непріятельскихъ вторженій въ Финляндію. При такомъ положеніи дѣлъ, конечно, не могла установиться опредѣленная пограничная черта между областями отдѣльныхъ государствъ.

Г. Ординъ не раздѣляетъ этого мнѣнія и на приложенной къ сочиненію картѣ изобразилъ границы Финляндіи въ разные періоды, заимствуя отчасти свои свѣдѣнія у Неволина и Буткова. Относительно границъ 1595, 1617, 1721 и 1743 гг., разумѣется, мы ничего не можемъ замѣтить, такъ какъ направленіе ихъ не подлежитъ спору. Но за то положеніе границы Финляндіи до 1323 г. и по Орѣховецкому договору далеко нельзя считать точно установленнымъ.

Черта, изображающая по мнѣнію г. Ордина границу Финляндіи до 1323 г., является просто курьезомъ. Она начинается у финскаго залива между Выборгомъ и Сестрорѣцкомъ, затѣмъ, оставляя Выборгъ на шведской, а Вильманстрандъ и С. Михель на русской сторонѣ, направляется большою, неправильною дугою въ западную часть центральной Финляндіи, мимо Ювяскюля и Саріярви, и наконецъ идетъ черезъ Иденсальми и Пурмисъ на востокъ, къ нынѣшней сухопутной границѣ. Граница эта никогда не существовала. Послѣ завоеванія Тавастландіи Биргеромъ Ярломъ Швеція владѣла тою частью Финляндіи, которая соотвѣтствуетъ нынѣшнимъ губерніямъ Або-Бьернеборгской, Нюландской, Тавастгусской и Вазаской; въ то время, слѣдовательно, граница шла приблизительно въ прямомъ направленіи отъ устья рѣки Кюммене у финскаго залива вдоль восточнаго берега Пейяніе къ одной изъ среднихъ рѣкъ Эстерботніи. Но граница эта не была въ то же время границею Россіи, такъ какъ еще значительныя области

заселены были племенами, не подчинявшимися ни Швеціи, ни Россіи.

Еще болѣе характерно отношеніе г. Ордина къ вопросу о границѣ Орѣховецкаго мира. Значеніе Орѣховецкаго трактата нынѣ, вслѣдствіе соединенныхъ усилій многихъ изслѣдователей, въ главныхъ чертахъ выяснено, и притомъ въ смыслѣ гораздо болѣе выгодномъ для Россіи, чѣмъ г. Ординъ когда либо могъ вообразить себѣ, — если вообще трактатъ, заключенный слишкомъ пять съ половиною столѣтій тому назадъ и затѣмъ неоднократно измѣненный и отмѣненный, можетъ служить основаніемъ какихъ бы то ни было правъ для контрагентовъ. Г. Ординъ знакомъ лишь съ частью общей литературы по сему вопросу и то, что ему извѣстно, не понято имъ.

Въ настоящее время мы знаемъ, что границы Орѣховецкаго и Тявзинскаго мира, которыя по мнѣнію г. Ордина тождественны, совпадаютъ только въ южной части и расходятся уже у Саймскаго озера. Орѣховецкая граница шла затѣмъ черезъ Нейшлотъ и Варкаусъ, приблизительно въ прямомъ направленіи къ Ботническому заливу, т. е. на сѣверо-западъ. Тявзинская же граница проходила на востокъ отъ Нейшлота къ Ледовитому океану. Разница слѣдовательно составляетъ слишкомъ треть нынѣшней Финляндіи. Вся сѣверная и сѣверовосточная часть, представлявшая въ то время пустыню, которая лишь въ слѣдующіе вѣка заселена благодаря трудолюбію и выносливости финновъ, оставалась такимъ образомъ по крайней мѣрѣ подъ номинальною властью Новгорода и на основаніи этихъ историческихъ притязаній еще въ 1496 г. плѣнные изъ сѣверной Эстерботніи приводились въ Москву для принесенія русскому царю присяги вѣрности. Постепенная

колонизація и позднѣйшіе трактаты создавали новыя границы, такъ что даже до нашего времени истинное значеніе Орѣховецкаго договора было затемнено. Шведскій историкъ Рюдбергъ еще полагаетъ, что граница упиралась въ Ледовитый океанъ, хотя онъ и признаетъ, что далѣе на югъ границы Орѣховецкаго и Тявзинскаго договоровъ не тождественны. Что касается г. Ордина, то онъ вовсе не понялъ сути всего спорнаго вопроса и слѣдуетъ указаніямъ Неволина, напечатавшаго свое сочиненіе въ 1853 г.; между тѣмъ г. Ординъ по Рюдбергу напечаталъ въ приложеніяхъ къ своему сочиненію русскій и латинскій текстъ договора, а Ирье-Коскиненъ уже въ первомъ изданіи своей исторіи, но еще яснѣе во второмъ изданіи, опредѣлилъ истинное направленіе Орѣховецкой границы.

Для г. Ордина, который находитъ, что Орѣховецкій договоръ „быть можетъ прискорбенъ для русскаго чувства", но утѣшается тѣмъ, что онъ даетъ „неоспоримое доказательство историческихъ правъ Россіи на восточную часть Финляндіи" (I, 28), вѣроятно непонятно, какимъ образомъ изложенное мнѣніе могло возникнуть среди финляндцевъ. У насъ, за этимъ вопросомъ признавали исключительно научный интересъ и изслѣдователи старались только, по мѣрѣ возможности, выяснить фактически существовавшія отношенія, не взирая на то, получатся ли результаты симпатичные или антипатичные для національнаго чувства.

Очеркъ распространенія православной церкви въ Финляндіи у г. Ордина почти столь же своеобразенъ, какъ и его мнѣнія о предѣлахъ власти Новгорода. Г. Ординъ (ср. въ особенности I, 17) склоняется къ тому предположенію, что по крайней мѣрѣ все корельское племя приняло христіанство по православному вѣроисповѣданію и, не будучи въ со-

стоянiи подтвердить свое предположенiе историческими данными, онъ ограничивается намекомъ, что, быть можетъ, шведы въ теченiи времени систематически уничтожали документы, на которые можно было бы сослаться (I стр. 12 прим.). Оказывается при этомъ, что его свѣдѣнiя относительно дѣйствительно существующихъ документовъ о судьбахъ православной церкви въ Финляндiи весьма неполны. Такъ, напр., онъ ничего не говоритъ о томъ, какiя послѣдствiя имѣло для православной вѣры въ Финляндiи нападенiе русскихъ въ 1656 г. въ царствованiе Алексѣя Михайловича. Какъ извѣстно, значительная часть православнаго населенiя Кексгольмской губ. съ оружiемъ въ рукахъ присоединилась къ русскимъ, и когда вскорѣ затѣмъ нападенiе русскихъ было отбито, присоединившiеся къ нимъ финны, боясь мести лютеранскихъ соотечественниковъ, выселились въ Россiю. Обстоятельство это въ свою очередь вызвало переселенiе въ Кексгольмскую губернiю многихъ семействъ изъ другихъ частей Финляндiи, вслѣдствiе чего число православныхъ, составлявшихъ до того въ Кексгольмской губернiи большинство населенiя, упало до незначительнаго процента. Г. Ордину извѣстно, что случались выселенiя въ Россiю, но онъ упоминаетъ лишь о менѣе значительномъ движенiи немедленно по заключенiи Столбовскаго мира въ 1617 г.

Въ доказательство глубокихъ слѣдовъ, оставленныхъ русскимъ владычествомъ въ восточной Финляндiи, г. Ординъ указываетъ на податное обложенiе въ Выборгской губернiи. Изложенiе его однако весьма запутано, вслѣдствiе крайне недостаточнаго знакомства съ фактами, относящимися до этого вопроса. Чѣмъ дальше читаешь тѣмъ болѣе убѣждаешься въ томъ, что г. Ординъ имѣетъ совер-

щенно ложное понятіе о развитіи шведско-финскаго общественнаго строя. Онъ, напр., вовсе не знаетъ, какимъ образомъ въ Швеціи и Финляндіи возникло фрельсовое (дворянское) право, и полагаетъ, что вся дворянская земля пожалована королями (I, 112).

Послѣ всего сказаннаго неудивительно, что г. Ординъ дѣлаетъ и другія крайне страшныя ошибки. Онъ смѣшиваетъ мѣстности въ Финляндіи, имѣющія одинаковое или схожее названіе (I, 1, 26, 27 и др.). Або является у него главнымъ городомъ Нюландіи (I, 19, 20, 27), Сигтуна находилась, по его мнѣнію, въ мѣстности нынѣшняго Стокгольма (I, 28). Эти и другія однородныя неточности достаточно компрометируютъ автора, но для русскаго историка пожалуй еще болѣе непростительно незнаніе мѣстоположенія крѣпости Ландскроны, основаніе которой является первымъ признаніемъ стратегическаго значенія устья Невы. Ознакомившись со шведскою исторіею по сочиненію Далина, напечатанному приблизительно 150 лѣтъ тому назадъ, онъ воображаетъ, что Ирье-Коскиненъ руководствовался этимъ давно устарѣвшимъ сочиненіемъ (I, 25, 26 и др.), онъ не знаетъ, что мѣстоположеніе старой крѣпости Ландскроны удостовѣрено подлинными указаніями шведской рифмованной хроники, начало которой относится къ первой половинѣ XIV ст.

Съ историческими дѣятелями г. Ординъ также плохо знакомъ. Онъ смѣшиваетъ шведскаго короля Олафа (Olof Skötkonung) съ Олафомъ норвежскимъ (Olof Tryggvason). Норвежскій Олафъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ героевъ своего времени, у г. Ордина (I, 5, 6) является королемъ не только Норвегіи, но и Швеціи, спустя четверть столѣтія послѣ его геройской смерти при Свольдернѣ.

Маргарита, создательница кальмарской уніи,по мнѣнію г. Ордина, была супругою своего главнаго врага, короля Альбрехта, котораго она побѣдила и лишила шведской короны (I, 35), и т. д. Эти яркіе примѣры, собранные на нѣсколькихъ страницахъ, свидѣтельствуютъ о достоинствѣ начала сочиненія г. Ордина.

По вопросу о стремленіяхъ Россіи отдѣлить Финляндію отъ Швеціи весьма важнымъ представляется манифестъ Елизаветы Петровны къ финляндскому народу, данный въ Москвѣ 18 марта 1742 г. ст. ст. Въ этомъ манифестѣ Императрица предлагаетъ помощь Россіи къ созданію самостоятельнаго финляндскаго государства на тотъ случай, если бы финляндцы пожелали расторгнуть вѣковое политическое соединеніе Финляндіи со шведскимъ государствомъ. Г. Ординъ упоминаетъ объ этомъ манифестѣ (I,83—84) и помѣстилъ его даже цѣликомъ въ числѣ своихъ приложеній, но онъ вовсе не касается вопросовъ, которые естественно должны возникнуть у всякаго изслѣдователя; онъ не старается выяснить, какимъ образомъ возникъ этотъ манифестъ, какія русское правительство имѣло при этомъ намѣренія, насколько обѣщанія манифеста были искренны и т. д. Между тѣмъ, для этого вовсе не требовалось изученія архивовъ, такъ какъ въ печатной литературѣ уже имѣются довольно важныя свѣдѣнія о манифестѣ Елизаветы Петровны. Такъ напр., въ Исторіи Россіи Соловьева изложены пренія, происходившія въ государственной конференціи 24 февраля 1743 г. при подробномъ обсужденіи условій мира со Швеціею. При этомъ вице-канцлеръ Алек-

сѣй Бестужевъ защищалъ ту мысль, что, если бы Швецію нельзя было склонить къ уступкѣ всей Финляндіи, то слѣдовало бы изъ этой страны создать особое государство. Впослѣдствіи вышенамѣченные вопросы о возникновеніи манифеста и т. д. разсмотрѣны въ нашемъ сочиненіи „Die Nordische Frage“, главнымъ образомъ, на основаніи документовъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Если бы г. Ординъ ознакомился съ этимъ сочиненіемъ, то онъ не впалъ бы въ нѣкоторыя очевидныя ошибки; кромѣ того, онъ получилъ бы свѣдѣнія о фактахъ, непосредственно относящихся къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ Финляндіи и Россіи въ XVIII столѣтіи.

На страницѣ 121 т. I г. Ординъ разсказываетъ, что вскорѣ по заключеніи Абоскаго мира составился заговоръ объ избраніи въ короли Финляндіи великаго князя Петра Феодоровича: одинъ изъ заговорщиковъ, Викманъ, былъ казненъ. Прежде всего время, когда произошло это событіе, указано крайне неопредѣленно. Абоскій миръ заключенъ въ 1743 г., Викманъ же былъ казненъ въ 1751 г. Но самое главное заключается въ томъ, что даже вовсе не существовало заговора съ тою цѣлью, которая указана г. Ординымъ на основаніи свѣдѣній, встрѣчающихся въ старой литературѣ. Викманъ, отрѣшенный отъ должности чиновникъ, находился въ крайне бѣдственномъ положеніи и потому рѣшился предложить свои услуги русскому посланнику въ Стокгольмѣ, Никитѣ Панину, или вѣрнѣе секретарю его, Симолину. Это случилось въ такое время, когда русское посольство усердно искало агентовъ въ видахъ политической агитаціи среди финляндцевъ. Вслѣдствіе напряженныхъ отношеній, существовавшихъ между швед-

скимъ и русскимъ правительствами, въ Петербургѣ вновь возникъ планъ отдѣлить Финляндію отъ Швеціи при содѣйствіи самихъ финляндцевъ. Рескриптомъ отъ 30 ноября 1749 г. Панинъ былъ уполномоченъ обѣщать финляндцамъ, смотря по ихъ желанію, переходъ въ русское подданство или обращеніе Финляндіи въ автономное княжество подъ покровительствомъ Россіи. На вознагражденіе подходящему агенту ему разрѣшено было употребить 50,000 руб., которые были доставлены ему лѣтомъ предъидущаго года для усиленія оппозиціонной партіи въ Швеціи. Симолинъ вступилъ въ сношенія съ Викманомъ, который и обѣщалъ агитировать среди финляндцевъ въ пользу отправленія въ Петербургъ депутаціи. На самомъ дѣлѣ онъ, повидимому, желалъ только выманить себѣ денегъ. Хотя онъ и отправился въ Финляндію, но не выполнилъ тамъ ничего. Это, однако, не спасло его, такъ какъ изъ нѣкоторыхъ его писемъ, попавшихся въ руки шведскаго правительства, всетаки можно было заключить, что онъ занимался измѣнническою агитаціею. Приговоренный къ смертной казни, онъ былъ казненъ для устрашенія тѣхъ многихъ, которые въ Швеціи въ „періодъ свободы" готовы были стать орудіемъ интригъ иностранныхъ державъ.

Русско-финскимъ отношеніямъ съ древнѣйшихъ временъ до начала царствованія Густава III г. Ординъ отводитъ всего 116 стр., включая также отдѣлъ о Выборгской губерніи, въ которомъ разсказъ доводится до начала XIX ст.; война же между Густавомъ III и Екатериною Великою и имѣющая съ нею тѣсную связь исторія финляндскаго эмигранта Спренгтпортена занимаютъ слѣдующія 253 стр. Планъ сочиненія, слѣдовательно, измѣняется. Отъ введе-

нія авторъ переходитъ къ отдѣлу, находящемуся въ самой тѣсной связи съ главною темою и требующему поэтому гораздо болѣе подробнаго изложенія. Что г. Ординъ такъ именно понялъ свою задачу, это безъ сомнѣнія слѣдуетъ отнести къ достоинствамъ его сочиненія. Хотя онъ при этомъ только слѣдовалъ по пути, указанному до него въ Финляндіи Ирье-Коскиненомъ и др., всетаки такой пріемъ слѣдуетъ поставить въ заслугу автору, такъ какъ еще далеко не всѣми признано, что правильная оцѣнка событій 1808—1809 гг. возможна лишь по тщательномъ изученіи исторіи Финляндіи въ царствованіе Густава III и Екатерины Великой.

Но, къ сожалѣнію, отдѣлъ сочиненія г. Ордина, къ разсмотрѣнію котораго мы приступаемъ, вовсе не основанъ на изученіи *тщательномъ*. Хотя авторъ въ значительной степени пользуется богатымъ, необнародованнымъ матеріаломъ, почерпнутымъ изъ Московскаго архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, но онъ даетъ намъ безъ разбору, въ перемѣжку, важное и неважное, къ тому же часто о самомъ важномъ вовсе не упоминаетъ. Кромѣ того, г. Ординъ не является первымъ изслѣдователемъ, воспользовавшимся документами упомянутаго архива. Уже въ 50-хъ и 60-хъ годахъ одинъ финляндецъ получилъ разрѣшеніе ознакомиться съ имѣющимися въ Московскомъ архивѣ документами и снятыя имъ копіи отчасти положены въ основаніе подробнаго изложенія политическихъ заговоровъ 1788 — 90 гг., которое профессоръ Тигерстедтъ помѣстилъ въ своей біографіи Спренгтпортена [1]. Рефератъ о началѣ этой біографіи напечатанъ извѣстнымъ академикомъ, быв-

[1] Finsk Tidskrift, 1877 г. и сл.

шимъ профессоромъ Гельсингфорскаго университета, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Гротомъ въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1885 г. На статьи Грота г. Ординъ дѣйствительно ссылается. Хотя онъ такимъ образомъ знаетъ о существованіи сочиненія проф. Тигерстедта, онъ однако не воспользовался всѣми свѣдѣніями, заключающимися въ той части сочиненія, о которой говорится у Грота, и оставилъ вовсе безъ вниманія остальную часть, гораздо болѣе важную и обширную, которой не касается рефератъ, оставшійся, неизвѣстно по какой причинѣ, неоконченнымъ. Г. Ординъ владѣетъ шведскимъ языкомъ, какъ это прямо указано при назначеніи преміи за его сочиненіе, и тѣмъ не менѣе онъ не пользуется новѣйшимъ и полнѣйшимъ изслѣдованіемъ, вышедшимъ на шведскомъ языкѣ по вопросу о дѣятельности Спренгтпортена и объ Аньяльской конфедераціи! Вслѣдствіе сего ему, разумѣется, также неизвѣстны важные документы, добытые Тигерстедтомъ и его ближайшимъ предшественникомъ Ирье-Коскиненомъ изъ не русскихъ архивовъ. Значительная часть этихъ документовъ состоитъ изъ переписки представителей финляндской партіи самостоятельности, какъ между собою, такъ и съ русскимъ правительствомъ. Часть этой переписки попала въ русскіе архивы, но во всякомъ случаѣ многое оставалось разбросаннымъ по разнымъ мѣстамъ въ Финляндіи. Конечно все это взаимно восполняется и, если, подобно г. Ордину, основываться лишь на матеріалѣ русскихъ архивовъ, то изслѣдованіе неизбѣжно должно остаться неполнымъ.

Этимъ мы не хотимъ сказать, чтобы очерки Тигерстедта объ Аньяльскомъ заговорѣ, въ особенности первыя главы, не требовали важныхъ дополненій и поправокъ. Тигерстедтъ,

печатавшій свое сочиненіе въ видѣ журнальныхъ статей, лишь мало по малу набиралъ богатый матеріалъ, которымъ онъ располагаетъ нынѣ. Такъ, напр., собраніе документовъ Московскаго архива стало ему доступнымъ, когда онъ уже давно успѣлъ напечатать отдѣлъ о событіяхъ, предшествовавшихъ Аньяльскому заговору, и даже нѣкоторыя главы о событіяхъ 1788 г. Поэтому слѣдовало бы ожидать, что соотвѣтственная часть сочиненія г. Ордина представитъ значительный интересъ. Г. Ординъ дѣйствительно приводитъ кое-какія новыя данныя, но многія, весьма важныя свѣдѣнія изъ доступнаго ему матеріала не замѣчены имъ или скрываются. Объ этомъ мы предоставляемъ судить читателю.

Какъ извѣстно, душою финляндской партіи самостоятельности во время Густава III былъ Георгъ Магнусъ Спренгтпортенъ. Его измѣнническія сношенія съ русскимъ дворомъ начались въ 1786 г., когда черезъ русскаго посланника въ Гагѣ, Колычева, онъ представилъ Императрицѣ составленный имъ проектъ отдѣленія Финляндіи отъ Швеціи и учрежденія финляндской республики. Что Спренгтпортенъ рѣшился на этотъ шагъ, это давно извѣстно и упоминается также г. Ординымъ (I, 123). Но затѣмъ г. Ординъ ничего не говоритъ о томъ, какимъ образомъ Спренгтпортенъ считалъ возможнымъ отдѣлить Финляндію отъ Швеціи и какимъ образомъ, по его мнѣнію, слѣдовало установить въ будущемъ отношенія Финляндіи къ Россіи. Между тѣмъ, въ Московскомъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ находится документъ, въ которомъ Спренгтпортенъ подробно излагаетъ свои взгляды по этимъ вопросамъ. Документъ этотъ озаглавленъ „Précis d'un tableau sur l'équilibre du Nord considéré dans le

projet de rendre la Finlande indépendante" и приложенъ къ донесенію русскаго посланника въ Стокгольмѣ, Маркова, отъ 31 мая (11 іюня) 1786 г. Это тотъ же самый проектъ, который Спренгтпортенъ до того сообщилъ въ Гагѣ Колычеву. По возвращеніи изъ Голландіи Спренгтпортенъ обратился къ Маркову и доставилъ ему свой проектъ, съ котораго и была снята копія. Проектъ этотъ является, такъ сказать, программою дѣятельности финляндской партіи независимости въ періодъ 1786 — 1808 гг.; г. Ординъ желаетъ представить подробное изложеніе этой дѣятельности, но проекта Спренгтпортена онъ не знаетъ.

Неудивительно, что г. Ординъ ничего не говоритъ о томъ, какъ русское правительство отнеслось къ проекту Спренгтпортена, хотя въ Московскомъ архивѣ и по этому вопросу имѣются подлинныя свѣдѣнія. На оборотѣ проекта Императрица собственноручно написала слѣдующее:

„Si le projet de l'indépendance de la F. était une question? la réponse que ce projet n'est pas contraire aux intérêts de la Russie ne serait pas difficile à trouver".

Такимъ образомъ отдѣленіе Финляндіи отъ Швеціи Императрица считала полезнымъ для Россіи и потому она велѣла своему посланнику въ Стокгольмѣ предложить Спренгтпортену для подробныхъ переговоровъ лично явиться въ Петербургъ, причемъ Марковъ долженъ былъ обѣщать Спренгтпортену важныя выгоды въ томъ случаѣ, если бы онъ согласился поступить на русскую службу, разумѣется, съ правомъ вернуться въ свое отечество, когда найдетъ это нужнымъ [1].

[1] Письмо Императрицы къ Маркову, Царское Село 10 (21) іюня.

Спренгтпортенъ принялъ предложеніе и осенью 1786 г. явился въ Петербургъ. Первоначально онъ предполагалъ, что возстаніе начнется еще въ томъ же году, какъ только сообщеніе между Финляндіею и Швеціею прекратится или будетъ затруднено. Но такъ какъ въ 1786 г. возстаніе не состоялось, онъ уже раннею весною слѣдующаго года сталъ обращаться къ русскимъ министрамъ, желая заручиться содѣйствіемъ Россіи для осуществленія плана будущею осенью. Обстоятельство это также неизвѣстно г. Ордину, такъ какъ первое упоминаемое имъ письмо Спренгтпортена по сему вопросу написано осенью 1787 г.; кромѣ того онъ прямо говоритъ: „конецъ 1787 г. можно считать начальнымъ пунктомъ вредной дѣятельности Спренгтпортена для Россіи" (I, 348, ср. I, 126 и II, 146).

Среди финляндскихъ офицеровъ самымъ усерднымъ и дѣятельнымъ приверженцемъ идей Спренгтпортена является дальній его родственникъ [1], маіоръ И. А. Егергорнъ. Ни въ прежней литературѣ, ни у г. Ордина не имѣется свѣдѣній о сношеніяхъ Егергорна съ русскимъ правительствомъ до 1788 г., когда онъ явился въ Петербургъ, въ качествѣ делегата отъ заговорщиковъ. Если бы г. Ординъ внимательнѣе изслѣдовалъ доступный ему матеріалъ, онъ бы нашелъ донесеніе Разумовскаго, посланника въ Стокгольмѣ послѣ Маркова, отъ 24 марта (4 апрѣля) 1787 г., въ которомъ Разумовскій передаетъ содержаніе тайнаго разговора съ Егергорномъ. Въ то время, какъ Спренгтпортенъ въ Петербургѣ своими записками прямо старался

---

[1] Не племянникъ, какъ его называетъ г. Ординъ, введенный въ заблужденіе выраженіемъ, неоднократно употребляемымъ Спренгтпортеномъ.

дѣйствовать на русское правительство, Егергорнъ желалъ при посредствѣ Разумовскаго склонить Россію къ вооруженному вмѣшательству въ Финляндіи.

Въ виду положенія дѣлъ на турецкой границѣ, Императрица не хотѣла явною поддержкою финляндскихъ фрондеровъ вызвать разрывъ со Швеціею. Но положеніе измѣнилось, когда весною 1788 г. стало очевиднымъ, что Густавъ III съ своей стороны готовится къ войнѣ. Екатерина II воспользовалась проектомъ самостоятельности Финляндіи, какъ орудіемъ противъ своего безпокойнаго сѣвернаго сосѣда. Въ приложеніяхъ къ сочиненію г. Ордина находится письмо Спренгтпортена къ Императрицѣ, изъ котораго все это ясно вытекаетъ, но въ текстѣ объ этомъ ничего не сказано. Читателямъ также не сообщается, отчего Спренгтпортену не удалось до начала военныхъ дѣйствій добиться опредѣленнаго соглашенія между русскимъ правительствомъ и представителями партіи недовольныхъ въ Финляндіи относительно совмѣстной ихъ дѣятельности. По этому вопросу могли бы быть почерпнуты свѣдѣнія какъ изъ документовъ Московскаго архива, такъ и изъ письма Егергорна къ Спренгтпортену, писаннаго въ Мальмгордѣ 20-го мая 1788 г., которое обнародовано Тигерстедтомъ, а затѣмъ также на русскомъ языкѣ Гротомъ.

Война сѣверныхъ соперниковъ начата была Густавомъ III вопреки законамъ Швеціи, въ силу которыхъ для наступательной войны требовалось согласіе земскихъ чиновъ. Среди шведско-финскихъ офицеровъ долго тлѣвшее неудовольствіе вскорѣ вспыхнуло яркимъ пламенемъ. Распущенность политическихъ нравовъ, печальное наслѣдіе періода 1718—1772 гг., было причиною того, что даже вполнѣ благородныя личности рѣшались на дѣйствія, ко-

торыхъ нельзя не назвать измѣною. Такимъ образомъ могло случиться, что Егергорнъ, какъ уже выше упомянуто, въ началѣ августа, безъ вѣдома и согласія короля, былъ отправленъ въ Петербургъ делегатомъ офицеровъ отдѣльнаго корпуса, для переговоровъ о прекращеніи военныхъ дѣйствій. Для Егергорна, однако, это порученіе было лишь средствомъ къ достиженію другой, болѣе важной цѣли. Представивъ русскому правительству записку своихъ довѣрителей, въ которой рѣчь шла о заключеніи мира между обѣими державами, Егергорнъ вскорѣ затѣмъ подалъ особую записку, подписанную имъ однимъ, въ которой онъ настаиваетъ на отдѣленіи Финляндіи отъ Швеціи въ видѣ самостоятельнаго княжества. Эти обстоятельства выяснены уже прежними изслѣдованіями, хотя всетаки оставался важный пробѣлъ, такъ какъ подлинный текстъ частной записки Егергорна не былъ извѣстенъ. Во всякомъ случаѣ нельзя не удивляться тому, что г. Ординъ вовсе не упоминаетъ о запискѣ Егергорна и даже утверждаетъ, будто Егергорнъ не хотѣлъ или не умѣлъ выразиться опредѣленно объ отдѣленіи Финляндіи отъ Швеціи (I, 169).

Мы имѣемъ тѣмъ болѣе основаніе удивляться, такъ какъ извѣстныя до сего времени данныя объ этой запискѣ почерпнуты изъ русской литературы. Въ Русской Старинѣ за 1876 г. напечатаны записки полковника Гарновскаго, который во время войны со Швеціею находился въ близкихъ отношеніяхъ съ княземъ Потемкинымъ и съ любимцемъ Императрицы Мамоновымъ. Гарновскій разсказываетъ, что въ тотъ же день, когда прибылъ Егергорнъ, Императрица поручила Мамонову разузнать истинную цѣль его пріѣзда. Мамоновъ призвалъ Гарновскаго и, спрятавъ его за перегородкою, велѣлъ ему записывать все, что станетъ

говоритъ Егергорнъ. По словамъ Гарновскаго, Егергорнъ, между прочимъ, выразилъ желаніе, чтобы Императрица „со временемъ, финновъ отдѣливъ отъ шведскаго правленія, сдѣлала независимымъ народомъ, собственное свое правленіе имѣющимъ“ (Русская Старина, 1876 г., стр. 209). У Гарновскаго же мы читаемъ, что Егергорнъ обѣщался письменно изложить желанія своихъ соотечественниковъ. Мы видимъ слѣдовательно, какимъ образомъ возникла записка Егергорна.

Трудно объяснить, почему г. Ординъ упустилъ все это изъ виду, тѣмъ болѣе, что о запискѣ Егергорна говорится въ извѣстномъ всѣмъ историкамъ дневникѣ секретаря Императрицы Храповицкаго, а также въ напечатанныхъ протоколахъ Государственнаго Совѣта [1]. Съ другой стороны, однако, вполнѣ понятно, что ограничиваясь бѣглымъ перелистываніемъ матеріала, онъ проглядѣлъ подлинникъ давно разыскиваемаго изслѣдователями документа, который дѣйствительно могъ бы обогатить наши свѣдѣнія объ Аньяльскомъ заговорѣ. Дѣло въ томъ, что въ Московскомъ архивѣ, какъ и слѣдовало ожидать, находится подлинная записка Егергорна, писанная въ Петербургѣ 1 августа 1788 г. ст. ст.

Записка эта столь пространна, что мы не можемъ привести здѣсь ея содержанія, хотя бы въ общихъ чертахъ. Замѣтимъ лишь, что, согласно заявленію самого Егергорна, его проектъ составленъ на основаніи манифеста Императрицы Елизаветы отъ 18 марта 1742 г. Слѣдовательно, мы и здѣсь имѣемъ указаніе на то, что замыслы о

[1] Архивъ Государственнаго Совѣта, т. I, стр. 590.

самостоятельности Финляндіи въ значительной степени вызваны были предложеніями русскаго правительства.

Переходя затѣмъ къ тому времени, когда Егергорнъ, по возвращеніи изъ Петербурга, среди финляндскихъ офицеровъ агитировалъ въ пользу плана самостоятельности Финляндіи, а Спренгтпортенъ велъ переговоры съ русской стороны, мы находимъ въ изложеніи г. Ордина самыя ничтожныя подробности. Можно подумать, что авторъ хотѣлъ исчерпать не только прежнюю литературу, но и весь ненапечатанный еще матеріалъ. Такое предположеніе оказывается однако совершенно невѣрнымъ. Съ научной точки зрѣнія представляется наиболѣе важнымъ выяснить причину безпрестанныхъ измѣненій политики; но г. Ординъ, повидимому, считаетъ это недостойнымъ предметомъ изслѣдованія.

До отъѣзда Егергорна изъ Петербурга Спренгтпортенъ составилъ программу дальнѣйшей дѣятельности партіи самостоятельности [1]. Программа эта, доложенная Императрицѣ и, очевидно, ею одобренная, содержитъ краткое указаніе мѣръ, которыя вскорѣ затѣмъ дѣйствительно были приняты финляндскими офицерами. Согласно программѣ, къ королю должна была быть отправлена депутація съ требованіемъ немедленнаго созванія риксдага и предполагалось также обратиться къ офицерамъ шведскихъ корпусовъ, съ цѣлью привлечь ихъ на сторону финляндцевъ. Какъ извѣстно, къ королю дѣйствительно была отправлена депутація и состоялось также воззваніе (advertissement) къ шведскимъ офицерамъ. Г. Ординъ упоминаетъ

---

[1] Ср., «Copies des instructions données à Mr de Jägerhorn pour être mises à son Excellence le Comte d'Osterman». Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ въ Москвѣ.

объ этихъ мѣрахъ, но о программѣ Спренгтпортена у него ничего не сказано.

Между тѣмъ Императрица была крайне недовольна нерѣшительнымъ, по ея мнѣнію, поведеніемъ финляндцевъ, не соглашавшихся дѣйствовать за одно съ русскими. Свой взглядъ на дѣло она подробно изложила въ письмѣ къ Спренгтпортену отъ 26 августа (6 сентября), черновикъ котораго находится въ числѣ хранящихся въ Румянцовскомъ музеѣ бумагъ Храповицкаго. Письмо это напечатано бывшимъ профессоромъ, шведскимъ государственнымъ архиваріусомъ Одперомъ въ Историческомъ журналѣ, издаваемомъ шведскимъ историческимъ обществомъ (1882 г. стр. 77 и сл.). Императрица высказываетъ въ своемъ письмѣ предположеніе, что Густавъ III вооруженною силою принудитъ государственные чины Швеціи утвердить всѣ его распоряженія. Поэтому финляндцамъ слѣдовало бы, во избѣжаніе мести короля, немедленно оказать содѣйствіе къ изгнанію шведовъ сперва изъ Гегфорса у Кюммене, единственнаго мѣста на русской территоріи, оставшагося въ рукахъ непріятеля, а затѣмъ и вовсе изъ Финляндіи.

„Cette côte une fois entre nos mains je vous garantis messieurs les Finnois à l'abri de toutes les violences du roi de Suède. Vous voyez par tout ce que je viens de dire que mon avis invariable est que le meilleur état des choses pour le présent serait de continuer à les convaincre qu'une diète particulière en Finlande leur est indispensablement nécessaire pour être chez eux les maitres des déliberations".

Какое значеніе Одперъ придаетъ содержащейся въ этомъ письмѣ инструкціи Спренгтпортену, видно изъ того, что онъ называетъ это письмо „важнымъ поворотнымъ пунктомъ въ исторіи Аньяльскаго заговора". Онъ пола-

гаетъ, что именно этимъ письмомъ вызвано было напечатанное Тигерстедтомъ позднѣйшее письмо Спренгтпортена къ генералу Армфельту, въ которомъ руководителямъ Аньяльскаго заговора предлагается созвать особый финляндскій рикедагъ и стать подъ покровительство Россіи. Такимъ образомъ преждевременно обнаруживался истинный проектъ Спренгтпортена и намѣренія Россіи: большинство же заговорщиковъ, которые вовсе не были приверженцами идеи самостоятельности Финляндіи, отступилось передъ явною измѣною. Въ виду нерѣшительности заговорщиковъ, для главнокомандующаго, герцога Сэдерманландскаго, представилась возможность приступить къ расформированію финляндскаго корпуса. „Этою мѣрою Аньяльская конфедерація на самомъ дѣлѣ была расторгнута".

Нужно ли послѣ этого прибавить, что упомянутыя письма Императрицы и Спренгтпортена г. Ордину неизвѣстны. Между тѣмъ, письмо Екатерины находится въ Румянцевскомъ музеѣ, а копія съ письма Спренгтпортена къ генералу Армфельту—въ Московскомъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ [1].

25 сентября шведы выступили изъ Гегфорса и такимъ образомъ вся русская территорія очистилась отъ непріятеля. Изъ напечатанныхъ Тигерстедтомъ документовъ съ совершенною ясностью усматривается, что это было результатомъ убѣжденій Спренгтпортена и Егергорна. Но по мнѣнію г. Ордина, вліяніе Спренгтпортена въ этомъ дѣлѣ не доказано (I, 196) и, кромѣ того, г. Ординъ обвиняетъ

[1] Copie de la lettre de Mr de Sprengtporten à Mr le général d'Armfelt de Sippola ce (13) 24 sept. 1788, avec un projet pour la proclamation de la Diète». Арх. Мин. И. Д.

Спренгтпортена въ томъ, что онъ своими интригами удержалъ русскихъ отъ болѣе энергическаго образа веденія войны. „Русская армія оказалась на послугахъ у шведскаго измѣнника“ (I, 232). Въ виду такого приговора не лишне справиться о взглядахъ самого русскаго правительства.

30 декабря 1788 г. ст. ст. въ собственноручно написанномъ указѣ Сенату Императрица говоритъ: „Понеже мнѣ извѣстно сдѣлалось, что съ 8-ю некомплектными полками, нынѣ въ Финляндіи находящимися, ни теперь, ни въ будущее время предпріятій никакихъ надъ непріятелемъ учинить нѣтъ возможности, и для того приказала я Иностранному Департаменту сказать добронамѣреннымъ къ намъ финнамъ, чтобъ они старались для себя избрать мѣры тѣ, которыя они для своей безопасности найти могутъ полезнѣе“ [1].

Однако не одна только Императрица считала русскія войска недостаточно сильными. Вице-канцлеръ Остерманъ въ своихъ заключеніяхъ по финляндскому вопросу,—которыя почти всѣ оставлены г. Ординымъ безъ вниманія,—въ большинствѣ случаевъ высказывается противъ преждевременнаго наступленія. Мнѣніе это онъ защищалъ также во время преній, происходившихъ въ Государственномъ Совѣтѣ $^{2}/_{14}$ января 1789 г. по вопросу о зимнемъ походѣ, предложенномъ Егергорномъ въ началѣ декабря во время его втораго пребыванія въ Петербургѣ (объ этихъ преніяхъ у г. Ордина также ничего не сказано). Остерманъ указывалъ на то, что, отказавшись отъ мысли немедленно перейдти къ наступленію, Россія можетъ усилить свои войска и привести ихъ въ такое состояніе, чтобы они могли

[1] Дневникъ Храповицкаго.

оказать финляндцамъ дѣйствительную защиту и, въ случаѣ надобности, вести наступательную войну самостоятельно[1]. Такъ смотрѣли на дѣло руководящія лица. Конечно научное изслѣдованіе должно выяснить и рѣшить, существовали ли на самомъ дѣлѣ объективныя основанія для такого мнѣнія; но оцѣнивать событія минувшихъ временъ согласно тенденціямъ дня — это пріемъ, который съ наукою ничего общаго не имѣетъ.

Напрасно, однако, было бы полагать, что г. Ординъ послѣдовательно проводитъ мысль о возможности для Россіи въ 1788 г. энергично вести войну въ Финляндіи, хотя бо́льшая часть ея военныхъ силъ была занята въ Турціи. Когда это ему представляется удобнымъ, онъ охотно говоритъ объ опасномъ положеніи, въ которомъ находилась Россія. Напр. на стр. 182 т. I. по поводу сношеній Екатерины II съ возставшими подданными сосѣдней державы, онъ оправдываетъ Императрицу тѣмъ, что война была начата противною стороною и что условія, въ которыхъ находилась Россія, были затруднительны. Далѣе онъ приводитъ въ видѣ смягчающаго обстоятельства, что Екатерина въ душѣ презирала Спренгтпортена и его соучастниковъ. Лично отъ себя г. Ординъ прибавляетъ, что всѣ заговорщики заслуживали презрѣнія всякаго, кто сохранилъ чистое чувство и здравый смыслъ. Къ взглядамъ, подсказавшимъ этотъ приговоръ, можно было бы отнестись съ полнымъ уваженіемъ, еслибы только они были искренны. Но какъ вѣрить г. Ордину, который въ своемъ сочиненіи главнымъ образомъ старается доказать, что священнѣйшія обязательства, которыя Россійскій монархъ торже-

---

[1] Архивъ Государственнаго Совѣта, т. I, стр. 659.

ственнымъ образомъ принялъ за себя и за своихъ преемниковъ, не имѣютъ никакой силы. Однако, оставляя въ сторонѣ личныя мнѣнія г. Ордина, обратимъ вниманіе лишь на то, какое освѣщеніе онъ даетъ дѣйствіямъ Императрицы.

Сношенія Екатерины съ финляндскими офицерами вовсе не являются отступленіемъ отъ общей политики русскаго правительства по отношенію къ финляндцамъ. Напротивъ, Императрица послѣдовательно примѣняла принципы, которымъ Россія слѣдовала со времени манифеста Елизаветы Петровны отъ 1742 г. Г. Ординъ, однако, нетолько не признаетъ этого, но считаетъ даже сношенія Екатерины съ Аньяльскими заговорщиками проявленіемъ исключительно личной ея политики. Въ подтвержденіе своего мнѣнія онъ приводитъ (I, 183) замѣтку изъ дневника Храповицкаго отъ 14 августа 1788 года ст. ст. Храповицкій пишетъ, что Императрица велѣла ему прочесть въ Совѣтѣ рапортъ, поступившій отъ главнокомандующаго Мусина-Пушкина, „не показывая начала рапорта, гдѣ говорится о пріѣздѣ Спренгтпортена для ближайшаго сношенія съ финскими начальствами“. Вполнѣ понятно, что Императрица не пожелала сообщить многочисленной коллегіи подробности неоконченныхъ еще тайныхъ переговоровъ, а г. Ординъ приводитъ это обстоятельство въ такой связи, что у читателя невольно возникаетъ предположеніе, будто Совѣту ничего не было сообщено о переговорахъ съ финляндцами и будто Императрица, стыдясь своего безнравственнаго поведенія, скрывала все дѣло отъ лицъ, къ которымъ она обыкновенно обращалась за совѣтомъ. Однако, въ данномъ случаѣ г. Ординъ самъ скрываетъ нѣчто весьма важное. Онъ скрываетъ отъ читателя, что во время пребыванія

Егергорна въ Петербургѣ въ августѣ 1788 г., какъ привезенная имъ записка финляндскихъ офицеровъ, такъ и его собственная были переданы Императрицею на разсмотрѣніе Государствепнаго Совѣта. Совѣтъ во всѣхъ отношеніяхъ одобрилъ мысль о переговорахъ съ финляндцами: „и какъ сопряженіе Финляндіи со Швеціею на сей разъ, да и никогда въ нашу пользу идти не можетъ; потому главнымъ и первымъ правиломъ должно поставить, дабы отдѣлять въ предстоящихъ договорахъ Финляндію отъ Швеціи, чего ради и надлежитъ оному финскому депутату объявить въ отвѣтъ, что отвращеніе отъ войны его соземцевъ, учиненное ими по сему случаю откровеніе и оказанная Ея Императорскому Величеству справедливая довѣренность не могутъ Ея Величеству быть непріятны; что пребывая въ таковомъ расположеніи ненарушимо, могутъ они быть увѣрены въ благоволеніи и покровительствѣ Ея Величества; что, если дѣйствительно желаютъ они скорѣе прекратить бѣдствія военныя и воспользоваться миромъ и независимостью вожделѣнными, то бы внушеніемъ или способами другими подвигли теперь же войска шведскія оставить Финляндію и во оной немедленно собрать свой особый сеймъ, объявить себя на ономъ независимыми, и составить тутъ правила, какія по своему благоразсужденію сами финляндскіе чины признаютъ наилучшими къ общему благу своего отечества въ предполагаемомъ новомъ образѣ ни отъ кого кромѣ единаго Бога независимаго правленія; что сіи отъ нихъ установленія Ея Императорское Величество утвердитъ Высочайшимъ по онымъ на вѣки торжественнымъ ручательствомъ; а въ достиженіи таковаго независимаго Финляндіи состоянія, буде бы отъ короля или шведскихъ войскъ возстали каковы препоны,

коихъ сами финляндцы одолѣть не могутъ, повелитъ Она войскамъ своимъ подкрѣплять подвиги всѣхъ благонамѣренныхъ своего отечества"[1]. Г. Ординъ умалчиваетъ объ этомъ мнѣніи Совѣта; онъ умалчиваетъ также о томъ, что, когда Императрица, отчаяваясь въ возможности осуществить проектъ самостоятельности Финляндіи, изъ соображеній гуманности желала сообщить финляндцамъ, чтобы они болѣе не разсчитывали на поддержку Россіи, Совѣтъ высказался противъ подобной мѣры. По мнѣнію совѣта благонамѣреннымъ финляндцамъ слѣдовало и впредь обѣщать покровительство Ея Величества, дабы такимъ образомъ побудить ихъ дѣятельно стараться къ достиженію столь полезной для Россіи независимости своего отечества[2].

Какъ согласовать все это съ изложеніемъ г. Ордина? Уже въ древности высказывалось правило, что историкъ не долженъ говорить неправду и не долженъ скрывать правду. „Ne quid falsi audeat, ne quid veri non audeat historia", говоритъ Цицеронъ. Г. Ординъ сильно грѣшитъ тѣмъ, что скрываетъ важные факты, возбуждая такимъ образомъ у читателей представленія, совершенно несогласныя съ истиною.

Мы допустили бы непростительный пробѣлъ въ нашей характеристикѣ разсматриваемой части сочиненія г. Ордина, если бы не привели примѣра нападокъ и обвиненій, которыми онъ осыпаетъ неправящихся ему дѣятелей, въ особенности Спренгтпортена. Не подлежитъ сомнѣнію, что Спренгтпортенъ въ этомъ отношеніи является весьма благодарнымъ объектомъ. По легкомыслію, честолюбію и мстительности Спренгтпортена не безъ основанія сравнивали

[1] Архивъ Государственнаго Совѣта, т. I, стр. 591.

[2] Архивъ Государственнаго Совѣта, т. I, стр. 659.

съ Паткулемъ. Спренгтпортенъ нарушилъ присягу, принесенную законному королю, и, въ своихъ стремленіяхъ отдѣлить Финляндію отъ Швеціи и создать изъ нея особое государство, неоднократно прибѣгалъ къ интригамъ для устраненія препятствій, отдѣлявшихъ его отъ завѣтной цѣли. Его рѣзко осуждали какъ современники, такъ и потомство. Проф. Тигерстедтъ, написавшій новѣйшую біографію его, въ своихъ обвиненіяхъ заходитъ даже такъ далеко, что онъ едва ли могъ ожидать, что его превзойдетъ гражданинъ страны, власть которой неизбѣжно должна была расшириться съ осуществленіемъ цѣлей Спренгтпортена. Однако г. Ординъ съумѣлъ прибавить новое обвиненіе къ тѣмъ многимъ, которымъ Спренгтпортенъ подвергался заслуженно и незаслуженно. Онъ хочетъ внушить читателю, что Спренгтпортенъ по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ теченіе своей многолѣтней дѣятельности на дѣлѣ доказалъ, что усвоилъ себѣ искусство казнокрадства. — Рескриптомъ отъ 14 сентября Императрица велѣла графу Мусину-Пушкину черезъ Спренгтпортена передать отъ 500 до 1,000 червонцевъ финляндскому офицеру Гастферу, въ видѣ вознагражденія за его согласіе содѣйствовать отдѣленію Финляндіи отъ Швеціи: изъ письма же Гастфера къ Спренгтпортену повидимому можно заключить, что деньги не были имъ получены. „Неужели же Спренгтпортенъ задержалъ червонцы у себя? Нѣтъ данныхъ для такого утвержденія, но крайняя безпорядочность Спренгтпортена, не лишаетъ такое предположеніе нѣкоторой доли возможности“ (I, 242—243). Посмотримъ, что по этому вопросу говорится въ актахъ?

Дѣйствительно въ рескриптѣ отъ 14 сентября Императрица велитъ выдать Гастферу отъ 500 до 1,000 червонцевъ, а изъ письма Гастфера къ Спренгтпортену, писаннаго въ Гейнола 16 октября, можно вывести нетолько вѣроятное, но вполнѣ достовѣрное заключеніе, что деньги по крайней мѣрѣ въ то время еще не были доставлены по назначенію. Но, какъ видно изъ этого же письма, Гастферъ, дѣла котораго были крайне разстроены, ожидалъ, что Императрица не ограничится подаркомъ сравнительно незначительной суммы, а уплатитъ его долги, и такъ какъ его ожиданія не оправдались, то онъ отказывался принять деньги, которыя Спренгтпортенъ ему неоднократно предлагалъ. Гастферъ пишетъ: „Voyant donc de toute façon que je ne puis ni suivre mon inclination, c'est à dire celle de servir Sa M. J. à condition qu'elle daigne généreusement payer mes dettes, ni entamer une révolution pour ce moment dans le pays—*je ne dois non plus accepter l'offre renouvellée, que Vous me fites de l'argent*". Изъ дневника Храповицкаго ($^{12}/_{23}$ окт. 1788 г.), на который указываетъ и г. Ординъ, мы узнаемъ, что Спренгтпортенъ представилъ это письмо Императрицѣ. Слѣдовательно: г. Ординъ ссылается на письмо, въ которомъ самъ Гастферъ прямо заявляетъ, что не можетъ принять денегъ, которыя ему предлагалъ Спренгтпортенъ, и зная въ то же время, что письмо это было доложено Императрицѣ, г. Ординъ приходитъ, если не къ достовѣрному, то по крайней мѣрѣ къ вѣроятному выводу, что Спренгтпортенъ присвоилъ себѣ переданныя ему деньги. Вотъ примѣръ исторической критики!

Однако довольно; возведенное г. Ординымъ строеніе распадается при первомъ прикосновеніи. Мы, впрочемъ,

должны замѣтить, что не имѣли возможности провѣрить главу о Верельскомъ мирѣ 1790 г. по подлиннымъ архивнымъ актамъ, и потому, воздерживаясь отъ всякаго рѣшительнаго заключенія, продолжаемъ далѣе нашъ критическій разборъ.

III. Событія 1808 г.

О событіяхъ, которыя въ февралѣ 1808 г. повели къ войнѣ между Швеціею и Россіею, г. Орддинъ сообщаетъ крайне скудныя свѣдѣнія; онъ даже нигдѣ не упоминаетъ, что нападеніе на Финляндію не было вызвано самостоятельнымъ рѣшеніемъ русскаго правительства, и еще менѣе желаніями русскаго народа, а явилось, прежде всего, послѣдствіемъ требованія, заявленнаго Наполеономъ въ Тильзитѣ, чтобы Императоръ Александръ принудилъ своего зятя, короля Швеціи присоединиться къ континентальной системѣ. Причину этого молчанія, очевидно, слѣдуетъ искать въ понятіяхъ г. Ордина о томъ, чего требуетъ честь Россіи; разумѣется, было бы ужасно, если бы читатель подумалъ, что инициатива успѣшнаго предпріятія не можетъ быть всецѣло приписана Россіи! Такимъ же образомъ слѣдуетъ, вѣроятно, объяснить по меньшей мѣрѣ неисторическое утвержденіе, будто въ 1808 г., какъ и во время прежнихъ войнъ со Швеціею, у Россіи не было союзниковъ. „Ибо, замѣчаетъ авторъ, таковыми, конечно, нельзя считать ни Польши временъ Петра, ни Даніи, ни даже Франціи эпохи Тильзитскаго мира" (II, 1). Къ сожалѣнію, читатель остается въ полномъ невѣдѣніи относительно того, какъ слѣдуетъ назвать отношенія Даніи и Россіи, одновременно

воевавшихъ со Швеціею во время великой сѣверной войны 1700—1721 гг., затѣмъ въ 1788 г. и, наконецъ, въ 1808 и 1809 гг., нападая на непріятеля съ разныхъ сторонъ, на основаніи заключенныхъ между ними союзовъ. Пожалуй, Наполеонъ дѣйствовалъ въ качествѣ *непріятеля* Россіи, когда онъ въ 1808 г. велѣлъ маршалу Бернадоту перейдти съ своею арміею изъ Германіи на датскіе острова, чтобы отсюда вмѣстѣ съ датчанами высадиться въ Сконіи.

Объ участіи Спренгтпортена въ приготовленіяхъ къ войнѣ у г. Ордина нѣтъ никакихъ указаній. Между тѣмъ дѣятельность Спренгтпортена въ данномъ случаѣ имѣла весьма важное значеніе.

Въ Императорской Публичной Библіотекѣ хранятся записки генерала Голенищева-Кутузова за 1806—1814 гг.; изъ нихъ мы узнаемъ, что въ декабрѣ 1807 г. морской министръ Чичаговъ, убѣдившись въ превосходствѣ шведскаго флота, возъимѣлъ мысль посредствомъ нападенія съ берега захватить часть флота, находившуюся въ Финляндіи. По этому поводу у него происходили продолжительныя бесѣды съ Спренгтпортеномъ, а затѣмъ, по его инициативѣ, Спренгтпортенъ былъ приглашенъ самимъ Императоромъ. Слѣдовательно, Спренгтпортенъ присутствовалъ при слѣдовавшихъ за симъ совѣщаніяхъ, на которыхъ былъ установленъ планъ военныхъ дѣйствій. Эти показанія Голенищева-Кутузова подтверждаются актами, находящимися въ Петербургскомъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Мы имѣемъ главнымъ образомъ въ виду записку Спренгтпортена отъ 1 января 1808 г. ст. ст. „Réflexions d'un militaire russe natif de la Finlande“ съ двумя приложеніями. Въ самой запискѣ Спренгтпортенъ излагаетъ выгоды отдѣленія Финляндіи отъ Швеціи и горячо высказывается въ

пользу того, чтобы Императоръ рѣшился немедленно приступить къ нападенію. Эти „размышленія" и въ другихъ отношеніяхъ представляютъ значительный политическій интересъ. Такъ уже здѣсь предлагается возсоединеніе Выборгской губ. съ остальною Финляндіею, причемъ эта мѣра, какъ извѣстно, осуществленная Императоромъ Александромъ I въ 1812 г., мотивируется Спренгтпортеномъ также съ точки зрѣнія интересовъ Россіи. Одно изъ приложеній является проектомъ извѣстной, изданной при открытіи военныхъ дѣйствій прокламаціи, которая имѣла огромное вліяніе на будущую судьбу Финляндіи въ виду того, что въ ней говорится объ обѣщаніи Императора созвать сословія края и сохранить ихъ прежнія права и преимущества. Во второмъ приложеніи Спренгтпортенъ излагаетъ свои мысли о способѣ веденія войны, и этотъ проектъ положенъ былъ въ основаніе болѣе подробнаго плана военныхъ дѣйствій, который вскорѣ затѣмъ былъ составленъ главнокомандующимъ Буксгевденомъ и въ существенныхъ частяхъ дѣйствительно былъ выполненъ. Такъ, напримѣръ, уже Спренгтпортенъ настаивалъ на томъ, чтобы нападеніе было произведено одновременно въ трехъ различныхъ мѣстахъ, съ тѣмъ, чтобы первый отрядъ направился къ Гельсингфорсу, а второй къ Тавастгусу, между тѣмъ какъ третій долженъ былъ идти изъ Нейшлота черезъ сѣверную часть Саволакса въ Эстерботнію и такимъ образомъ отрѣзать финляндцамъ отступленіе.

Акты эти лишь отчасти извѣстны г. Ордину. Въ примѣчаніи на стр. 14 (II т.) онъ указываетъ на сходство военнаго плана Спренгтпортена съ планомъ Буксгевдена, затѣмъ онъ также мимоходомъ приводитъ нѣсколько отрывочныхъ словъ изъ записки Спренгтпортена, но не сообщаетъ су-

щественнаго ея содержанія и ничего не говоритъ объ отношеніи, въ которомъ она находится къ окончательному военному плану [1]. Что касается упомянутой прокламаціи къ финляндскому народу, то г. Ординъ не могъ не признать, что она была внушена Спренгтпортеномъ, но онъ утверждаетъ (II. 19), что она первоначально была составлена въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ по русски и затѣмъ переведена на французскій языкъ для Спренгтпортена. Въ дѣйствительности же проектъ, приложенный къ „réflexions“ Спренгтпортена, писанъ на шведскомъ языкѣ, а затѣмъ этотъ проектъ, по переводѣ на русскій языкъ, въ Мин. Ин. Дѣлъ подвергся нѣкоторымъ измѣненіямъ, изъ коихъ важнѣйшее заключалось въ томъ, что прокламація была издана непосредственно главнокомандующимъ, а не отъ имени Государя, какъ предлагалъ Спренгтпортенъ [2].

По поводу прокламаціи слѣдуетъ также упомянуть, что у г. Ордина число ея всюду показано невѣрно. Дѣйствительно на одномъ рукописномъ экземплярѣ въ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ обозначено 10 февраля 1808 г. ст. ст. Но при нѣкоторомъ вниманіи не трудно замѣтить ошибку. Прокламація издана въ Фридрихсгамѣ,

[1] Г. Ординъ цитируетъ (II, 8) письмо Спренгтпортена къ графу Румянцеву отъ 21 января 1808 г. Это однако, очевидно, ошибка. Слова, приведенныя у г. Ордина, взяты не изъ письма къ Румянцеву, а изъ «Observations à ajouter concernant le local», которыя упоминаются въ новогоднихъ размышленіяхъ Спренгтпортена. Въ архивѣ эти «Observations» дѣйствительно приложены къ письму отъ 21 января. Кромѣ того въ архивѣ Военнаго Министерства имѣется русскій переводъ означенной записки.

[2] Впослѣдствіи шведскій проектъ возвращенъ былъ автору и нынѣ хранится въ числѣ бумагъ Спренгтпортена въ библіотекѣ Гельсингфорсскаго университета.

на русской сторонѣ границы и до вступленія русскаго войска на шведскую территорію. Но русскіе перешли границу подъ начальствомъ Буксгевдена уже $^{9}/_{21}$ февраля. На самомъ дѣлѣ экземпляры прокламацій, которые распространялись въ Финляндіи, помѣчены $^{6}/_{18}$ февраля 1808 г.

При изложеніи военныхъ событій 1808 и 1809 гг. г Ординъ (I, 375 — 436) почти исключительно пользуется сочиненіемъ Михайловскаго-Данилевскаго „Описаніе финляндской войны на сухомъ пути и на морѣ въ 1808 и 1809 гг.". Это сочиненіе, изданное по Высочайшему повелѣнію и составленное на основаніи добросовѣстнаго изученія матеріаловъ архива Военнаго Министерства, никоимъ образомъ нельзя считать плохимъ источникомъ, но понятно, что слѣдовало бы сличить данныя, встрѣчающіяся у Михайловскаго-Данилевскаго, съ соотвѣтственными указаніями шведско-финскихъ военныхъ историковъ. Г. Ординъ, однако, счелъ подобную повѣрку излишнею и потому, въ видѣ общаго правила, ошибки Михайловскаго-Данилевскаго повторяются и г. Ординымъ. Такъ, напримѣръ, оба говорятъ о дѣйствіяхъ „партизана" Фіэандта въ тылу русской арміи (Михайловскій-Данилевскій стр. 60, Ординъ I, 386). Между тѣмъ Фіэандтъ былъ маіоръ и командовалъ отрядомъ регулярнаго войска.

Однако у г. Ордина встрѣчаются также отступленія отъ Михайловскаго-Данилевскаго. Въ сраженіи у Сикаіоки, составляющемъ рѣшительный моментъ въ ходѣ военныхъ событій, по показаніямъ г. Ордина, каждая сторона потеряла приблизительно 1,000 чел. (I, 380). Это свѣдѣніе не подтверждается никакою ссылкою. У Михайловскаго-Данилевскаго сказано, что русскіе потеряли 350 чел.; шведскіе же авторы принимаютъ, что число русскихъ, остав-

шихся на полѣ битвы или взятыхъ въ плѣнъ, составляло 400 чел.[1]. О потеряхъ финляндцевъ у Михайловскаго-Данилевскаго нѣтъ свѣдѣній, а по достовѣрнѣйшимъ шведско-финскимъ источникамъ финляндцы потеряли слишкомъ 200 чел. Г. Ординъ утверждаетъ, что побѣда осталась нерѣшенною; Михайловскій-Данилевскій говоритъ о „пораженіи Кульнева при Сикаіоки“, хотя онъ, совершенно основательно, не признаетъ особеннаго значенія за самымъ сраженіемъ. Въ дѣйствительности центръ русской арміи былъ пробитъ и отдѣльные, разрозненные отряды отступили, преслѣдуемые финляндцами.

Послѣ сраженія при Сикаіоки послѣдовали другія, гораздо болѣе важныя, съ одинаковымъ исходомъ. Позорное пятно, которое легло на шведско-финское оружіе вслѣдствіе капитуляціи Свеаборга, было смыто кровью при Револаксѣ, Пулкила, Лаппо, Алаво и въ многочисленныхъ другихъ сраженіяхъ, о которыхъ финскій народъ можетъ съ гордостью вспоминать тѣмъ болѣе, что эти побѣды были одержаны почти исключительно собственными силами, безъ помощи шведовъ, и несмотря на то, что королемъ былъ назначенъ неспособный главнокомандующій. Въ неудачахъ русскаго оружія г. Ординъ, главнымъ образомъ, винитъ Спренгтпортена (напр. I, 385, II, 9). Ложныя завѣренія о преданности финляндскаго народа Россіи, повторявшіяся какъ имъ, такъ и другими финскими эмигрантами, были будто бы причиною того, что войска, первоначально отправленныя Императоромъ въ Финляндію, были слишкомъ слабы. При ближайшей повѣркѣ оказывается однако, что это, далеко не новое обвиненіе, въ сущности, неосновательно.

[1] Ср. Mankell. Anteckningar rörande finska arméens och Finlands krigshistoria, II, 66.

Въ вышеупомянутой запискѣ „Réflexions d'un militaire russe natif de la Finlande" Спренгтпортенъ считаетъ весьма сомнительнымъ, чтобы финляндцы были склонны дѣйствовать за одно съ русскою арміею [1], а свой планъ военныхъ дѣйствій онъ оканчиваетъ слѣдующими словами: „Enfin le secret et la liberté est ici ce qu'il y a de plus à observer, pour tomber autant que possible à l'improviste sur les quartiers des troupes finnoises, lesquelles étant trop faibles pour se défendre en campagne et même trop dispersées pour se rassembler promptement, tacheront sans doute de se replier sur les forteresses mentionnées (Sveaborg et Tavastehus), où la résistance, si notre proclamation qui procedera l'invasion, ne fera son effet, peut devenir aussi opiniatre, car les finnois, de bonne volonté, sont reconnus les plus braves troupes suédoises de l'aveu même de ses usurpateurs.

Что касается численности необходимаго войска, то въ упомянутомъ планѣ военныхъ дѣйствій Спренгтпортенъ для дѣйствующей арміи считаетъ достаточнымъ 20.000 или 25,000 чел., но онъ указываетъ также на необходимость особаго запаса „pour prendre dans le pays les positions de l'armée agissante, à mesure qu'elle s'avance sur Åbo". Въ своихъ „réflexions" онъ въ этомъ отношеніи предлагаетъ: „20,000 hommes en activité et autant en réserve". Русское правительство послѣдовало совѣтамъ Спренгтпортена лишь на половину, а именно по вопросу о численности дѣйствующей арміи, предположенія же его касательно запаса одни-

[1] Je dis peut-être. Car les esprits se sont beaucoup refroidis depuis ce temps (1788) par la molesse avec laquelle leur confédération a Anjala fut soutenue».

наковой силы, въ началѣ, были оставлены безъ вниманія. Поэтому несправедливо винить Спренгтпортена въ томъ, что русская армія, проникнувъ въ сѣверную Финляндію и оставивъ значительные отряды передъ Свартгольмомъ и Свеаборгомъ, а также въ Або и другихъ важныхъ мѣстахъ, оказалась слишкомъ слабою, чтобы съ успѣхомъ продолжать наступленіе. Оптимизмъ Спренгтпортена послѣ первыхъ значительныхъ удачъ не измѣняетъ дѣла, такъ какъ его оптимизмъ касался, главнымъ образомъ, настроенія образованныхъ классовъ въ Финляндіи, въ актахъ же нѣтъ ни малѣйшаго намека, по которому можно было бы заключить, что Спренгтпортенъ высказывался противъ отправленія подкрѣпленій, которыхъ графъ Буксгевденъ неоднократно сталъ требовать весною и лѣтомъ 1808 г., послѣ того, какъ и онъ первоначально считалъ русскую армію достаточно сильною (ср. письмо Буксгевдена къ военному министру отъ $^{15}/_{27}$ февраля 1808 г. Архивъ Военнаго Министерства).

Ходъ военныхъ событій 1808 и 1809 гг. у г. Ордина изложенъ весьма кратко, но за то съ тѣмъ большею подробностью описываются чисто политическія сношенія, происходившія между русскимъ правительствомъ и финляндцами съ начала войны до заключенія Фридрихсгамскаго мира. Описаніе это занимаетъ весь второй томъ, за исключеніемъ послѣдней главы, посвященной мирнымъ переговорамъ со Швеціею.

Уже немедленно по открытіи военныхъ дѣйствій, при петербургскомъ дворѣ боролись два различныхъ направленія по вопросу о томъ, въ какое положеніе слѣдовало бы

поставить Финляндію по отношенію къ Имперіи, въ случаѣ завоеванія этого края. По мнѣнію однихъ, Великому Княжеству Финляндскому слѣдовало предоставить самостоятельное политическое существованіе подъ скипетромъ русскаго Императора, съ сохраненіемъ прежняго образа правленія, существовавшаго въ краѣ во время его соединенія со Швеціею. Согласно съ симъ отношенія между Россіею и Финляндіею предполагалось опредѣлить не одностороннимъ актомъ Императора, а совмѣстно Императоромъ и финляндскими сословіями на особомъ сеймѣ въ Або; представители финляндскаго народа принесли бы присягу на вѣрноподданство своему новому монарху, который съ своей стороны обязался бы сохранить образъ правленія края. Главнымъ представителемъ этого мнѣнія съ самаго начала, конечно, былъ никто иной, какъ Спренгтпортенъ. До того, еще въ своихъ новогоднихъ размышленіяхъ, онъ настаивалъ на томъ, чтобы надъ Финляндіею установленъ былъ лишь русскій протекторатъ, съ назначеніемъ одного изъ членовъ Императорскаго Дома Великимъ Княземъ Финляндскимъ[1]. Согласно противоположному мнѣнію, Финляндію во всѣхъ отношеніяхъ слѣдовало признать русскою провинціею, обывателямъ которой по милости Императора можно было даровать извѣстныя льготы, причемъ однако не могло быть и рѣчи объ особомъ подтвержденіи прежняго шведско-финскаго государственнаго устройства, вслѣдствіе чего и созваніе сейма съ цѣлью, указанною Спренгтпортеномъ, представлялось невозможнымъ. Замѣчательно, что усерднѣйшій защитникъ этого мнѣнія также былъ финляндецъ и подобно Спренгтпортену принадлежалъ

---

[1] Объ этомъ обстоятельствѣ г. Ординъ также не упоминаетъ.

къ числу финляндскихъ эмигрантовъ, проживавшихъ въ Россіи. Всякая попытка возможнаго объясненія этой психологической проблемы завела бы насъ слишкомъ далеко. Какъ бы то ни было, К. Г. Кликъ, участникъ Аньяльской конфедераціи, авторъ записки, представленной финляндскими офицерами Императрицѣ Екатеринѣ II въ 1808 г., выступаетъ самымъ рѣшительнымъ противникомъ Спренгтпортена по вопросу о будущности Финляндіи.

Первоначально преобладающее вліяніе оставалось за Спренгтпортеномъ. Государь принялъ его проектъ прокламаціи и такимъ образомъ далъ также обѣщаніе созвать сеймъ въ Финляндіи; въ то же время Спренгтпортену было велѣно слѣдовать съ русскою арміею и своими совѣтами помогать графу Буксгевдену — sous le rapport diplomatique — въ необходимыхъ сношеніяхъ съ финляндцами. Спренгтпортенъ дѣйствительно отправился, но уже по истеченіи нѣсколькихъ недѣль просилъ и получилъ разрѣшеніе вернуться въ Петербургъ. Поводомъ къ этому послужили рѣзкія пререканія, возникшія между нимъ и Буксгевденомъ, вслѣдствіе чего совмѣстная дѣятельность ихъ представлялась уже невозможною.

Между тѣмъ Клику удалось повліять на министра иностранныхъ дѣлъ, графа Румянцева, и внушить ему крайнее нерасположеніе ко всякимъ сношеніямъ съ народными представителями, противъ созванія которыхъ до окончанія войны высказывались также многія вліятельныя лица въ самой Финляндіи. Это обстоятельство повело къ тому, что Императоръ, возвѣстившій европейскимъ державамъ 16/28 марта, черезъ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, свое твердое намѣреніе присоединить Финляндію къ Россійской Имперіи, также черезъ графа Румянцева 8/20 апрѣ-

ля заявилъ, что созваніе сейма при существующихъ условіяхъ представляется неудобнымъ и потому отсрочивается на неопредѣленное время. Въ связи съ этимъ, приведенъ также въ исполненіе проектъ Клика о принесеніи финляндцами присяги не на сеймѣ, а по формѣ, которая обыкновенно употреблялась въ Швеціи и Финляндіи при перемѣнѣ правленія.

Однако вскорѣ произошло новое измѣненіе. Несмотря на капитуляцію Свеаборга, побѣды финляндцевъ въ связи съ народными возстаніями въ различныхъ частяхъ края, а также попытки шведовъ высадиться въ тылу русской арміи, поставили русскихъ въ крайне затруднительное положеніе. Спренгтпортенъ съ своей стороны не уставалъ постоянно указывать на созваніе сейма, какъ на единственное средство, при помощи котораго можно было бы устранить препятствія. Дѣла приняли такой оборотъ, что Императоръ рѣшился лично обратиться къ обывателямъ Финляндіи, посредствомъ манифеста, собственноручно имъ подписаннаго, тогда какъ онъ до того не соглашался на подобный шагъ. Состоявшійся такимъ образомъ манифестъ, отъ 5/17 іюня 1808 г., имѣлъ ближайшею цѣлью убѣдить финляндцевъ въ непоколебимой рѣшимости Императора присоединить Финляндію къ Россійской Имперіи, не взирая на жертвы, которыя для сего могли бы потребоваться. Но, кромѣ того, въ немъ заключалось обѣщаніе сохранить „древнія установленія“ Финляндіи. Нѣсколько дней спустя воспослѣдовало еще болѣе важное Высочайшее повелѣніе — о высылкѣ въ Петербургъ депутатовъ отъ всѣхъ четырехъ сословій для представленія свѣдѣній о потребностяхъ и желаніяхъ края.

Какъ уже выше упомянуто, событія эти у г. Ордина изложены весьма пространно и надо признать, что онъ сообщаетъ много до сего времени неизвѣстныхъ подробностей. Однако число новыхъ, болѣе важныхъ фактовъ, заключающихся въ этихъ главахъ, далеко не такъ значительно, какъ легко можно было бы заключить изъ того обстоятельства, что авторъ лишь крайне рѣдко ссылается на прежнихъ изслѣдователей. Такъ напр., многія изъ важнѣйшихъ писемъ Спренгтпортена за это время напечатаны у Кастрена въ приложеніяхъ къ „Skildringar ur Finlands nyare historia“ (Helsingfors 1882). Что же касается его противника Клика, то записки, представленныя имъ Императору и Румянцеву, а также другія его политическія статьи, относящіяся къ 1808 г., обнародованы въ журналѣ финляндскаго историческаго общества „Historiallinen Arkisto“, т. X. Если бы г. Ординъ справился съ этимъ изданіемъ, то онъ нашелъ бы тамъ не только всѣ извѣстныя ему свѣдѣнія о Кликѣ, но также акты, которыхъ нѣтъ въ русскихъ архивахъ, между прочимъ дневникъ, веденный Кликомъ во время путешествія въ Финляндіи въ мартѣ и апрѣлѣ 1808 г., когда онъ въ качествѣ агента русскаго правительства вступилъ въ переписку, подготовившую до нѣкоторой степени капитуляцію Свеаборга[1].

Само собою разумѣется, что и въ разсматриваемомъ отдѣлѣ г. Ординъ старается изобразить всѣхъ финлянд-

---

[1] Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что письмо Буксгевдена къ графу Салтыкову о капитуляціи Свеаборга, приведенное г. Ординымъ въ приложеніяхъ къ II т. 25—27 стр., напечатано въ финскомъ журналѣ «Valvoja» (сентябрь 1883 г.), какъ въ русскомъ подлинникѣ, такъ и въ переводѣ на финскій языкъ.

цевъ воплощеніемъ лжи и обмана; понятно, что и здѣсь государственное положеніе, занимаемое нашимъ краемъ, объясняется всякаго рода интригами и уловками. При этомъ г. Орлинъ нерѣдко переходитъ всякія границы разумнаго, такъ что получаются крайне комическіе эффекты. Что, напримѣръ, сказать о разсужденіяхъ г. Ордина по поводу мнимаго различія, замѣчаемаго между русскимъ и шведскимъ текстомъ присяжнаго листа, по которому финляндцы согласно предположенію Клика приведены были къ присягѣ? Какъ по русскому, такъ и по шведскому тексту присяга приносится „Его Величеству — — Императору Александру Павловичу", но въ русскомъ текстѣ Императоръ названъ также Государемъ, въ шведскомъ же переводѣ сказано „förste" — въ этомъ и заключается указанное г. Ординымъ различіе. Это „небольшое, но вовсе не ничтожное, видоизмѣненіе" по его мнѣнію содержитъ въ себѣ „первое, хотя и едва замѣтное глазу зерно обособленности Финляндіи" (II, 88). Авторъ слѣдовательно полагаетъ, что слово „förste" обозначаетъ исключительно главу княжества. При нѣсколько большемъ знакомствѣ со шведскимъ языкомъ онъ легко могъ бы убѣдиться, что такъ называются всѣ монархи вообще, императоры, короли и др. Отличіе шведскаго текста отъ русскаго, слѣдовательно, чисто воображаемое. Но кромѣ того, переводъ съ русскаго, по словамъ самого г. Ордина, сдѣланъ въ русской главной квартирѣ, слѣдовательно вовсе не при содѣйствіи Спренгтпортена. Несмотря на это, авторъ въ стремленіяхъ къ независимости Финляндіи видитъ причину, почему означенная вставка, незамѣтнымъ образомъ, появилась въ шведскомъ переводѣ.

Для выясненія вопроса о томъ, какимъ образомъ финляндскій народъ и въ частности финляндскіе чиновники относились къ приказаніямъ главнокомандующаго, переписка Буксгевдена съ мѣстными властями въ Финляндіи является однимъ изъ самыхъ достовѣрныхъ и богатыхъ источниковъ. Но, такъ какъ финляндское историческое общество до сихъ поръ успѣло обнародовать лишь начало этой переписки, а г. Ординъ не пожелалъ лично ознакомиться съ матеріалами государственнаго архива въ Гельсингфорсѣ, то эта часть его очерка, конечно, страдаетъ неполнотою, причемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ читатель даже прямо вводится въ заблужденіе, какъ напр., по вопросу о томъ, употреблялись ли русскими угрозы и принужденія, чтобы склонить населеніе къ принесенію присяги на вѣрноподданство русскому Государю.

Полемизируя съ финскими историками, считающими присягу вынужденною и потому не имѣющею особеннаго значенія, г. Ординъ положительно утверждаетъ, что при принесеніи присяги не было примѣнено мѣръ насилія (II, 124, 187). Какъ это происходило на дѣлѣ, видно напримѣръ изъ предписаній Буксгевдена ландсгевдингу Або-Бьернеборгской губерніи К. фонъ-Трошлю, отъ 7/20 мая, и Абоскому и Вазаскому гофгерихтамъ, отъ 10/22 мая. Трошлю прямо было объявлено, что „сохраненіе за нимъ должности и его тѣлесная и имущественная безопасность обусловливаются принесеніемъ присяги имъ лично и принятіемъ необходимыхъ мѣръ для приведенія къ присягѣ населенія губерніи“. Въ приказѣ гофгерихтамъ угроза изложена въ слѣдующихъ ироническихъ выраженіяхъ: „Если бы, паче чаянія, кто либо изъ гейматныхъ землевладѣльцевъ или арендаторовъ по какой либо причинѣ не пожелалъ защи-

ты своей жизни и своего имущества, то онъ, слѣдовательно, не принесетъ присяги, о чемъ слѣдуетъ отмѣчать въ протоколахъ, которые должны быть представлены герадсгевдингами въ императорскій Абоскій (Вазаскій) гофгерихтъ для препровожденія ко мнѣ". Приказаніе о принесеніи присяги сопровождалось, слѣдовательно, весьма сильными угрозами и извѣстно, что имъ могла соотвѣтствовать весьма печальная дѣйствительность. Укажемъ напр. на истязанія, которымъ подвергся пробстъ Яковъ Чюденіусъ, семидесятичетырехълѣтній старикъ, за отказъ отъ присяги; — истязанія эти были причиною его смерти. Понятно, что населеніе, вообще говоря, принесло присягу во всѣхъ мѣстахъ, находившихся подъ властью русскаго оружія; но не подлежитъ сомнѣнію, что народныя возстанія, которыя лѣтомъ 1808 г. угрожали тылу русской арміи, въ значительной степени были вызваны озлобленіемъ по поводу этого насилія надъ совѣстью. Г. Ординъ не хочетъ знать этого факта, и напротивъ, доходитъ даже до чудовищнаго утвержденія, будто „событіе включенія Финляндіи въ составъ русской Имперіи, возвѣщенное всему міру манифестомъ 20-го марта, завершилось клятвою вѣрноподданства" (II, 125). Какъ объяснить себѣ послѣ этого горячую борьбу изъ за Финляндіи, происходившую лѣтомъ и осенью 1808 г.? Какъ объяснить, отчего клятва, потребованная русскою арміею отъ населенія Финляндіи въ двѣ прежнія войны, во время оккупаціи 1714 — 1721 гг. и 1742 — 1743 гг., не завершила включеніе Финляндіи въ составъ русской Имперіи? Или возьмемъ примѣръ изъ другой области: отчего во время семилѣтней войны включеніе восточной Пруссіи въ составъ русской Имперіи не было завершено присягою вѣрнопод-

данства русской Императрицѣ, принесенною въ 1758 г. жителями Кенигсберга и окрестной мѣстности?

Главную причину упорства, съ которымъ масса населенія держалась за соединеніе со Швеціею, г. Ординъ видитъ въ непримиримой національной ненависти къ Россіи. Мы узнаемъ (II, 4), что эта ненависть поддерживалась газетою „Åbo Tidningar“ — этимъ маленькимъ листкомъ, который, какъ извѣстно, мало занимался политикою и къ тому же издавался на шведскомъ языкѣ, вслѣдствіе чего былъ недоступенъ 7/8 населенія. Буксгевденъ нѣсколько иначе судилъ о дѣлѣ. По его мнѣнію преданность финляндцевъ прежнему правленію „основана на характеристической, съ одной стороны весьма похвальной чертѣ народной“. (Рапортъ Буксгевдена отъ 7 іюля 1808 г. ст. ст.).

Какъ эти слова, такъ и другія выраженія симпатіи къ финляндцамъ, встрѣчающіяся въ перепискѣ Буксгевдена съ русскимъ правительствомъ, г. Ординъ тщательно обходитъ. Такъ напр., онъ ссылается на рапортъ отъ 12/24 марта, представленный Буксгевденомъ Государю по вступленіи въ Або, но не приводитъ выдержекъ изъ заключающейся въ рапортѣ характеристики страны и народа. Образчикомъ взглядовъ русскаго главнокомандующаго на положеніе дѣлъ въ Финляндіи могутъ служить слѣдующія его слова: „Въ жизни здѣшнихъ поселянъ одна чрезвычайная чистота, порядокъ, добрые, кроткіе нравы и просвѣщеніе, постановляющее ихъ наряду съ лучшими провинціями Германіи. Сіе тѣмъ болѣе примѣтно, чѣмъ далѣе уклоняешься къ западу отъ границъ Россійскихъ. При всемъ недостаткѣ хлѣба они не считаютъ себя народомъ бѣднымъ, замѣняя хорошимъ хозяйствомъ то, чего природа и климатъ ихъ лишаютъ“.

Мы уже выше упомянули, что созваніе сейма было отсрочено Императоромъ и что вмѣсто того въ Петербургъ была вызвана депутація изъ членовъ всѣхъ четырехъ сословій края. Опредѣленіе числа депутатовъ, порядка выборовъ и пр. было предоставлено Буксгевдену, хотя министръ иностранныхъ дѣлъ лично отъ себя объяснилъ, что и въ данномъ случаѣ слѣдовало бы примѣнить обычаи, соблюдавшіеся при отправленіи представителей въ Стокгольмъ. Буксгевденъ, однако, лишь отчасти слѣдовалъ этому указанію. Хотя депутація, въ отношеніи порядка выборовъ, во многомъ напоминала прежнія сословныя представительства, однако, многія положенія основныхъ законовъ относительно состава представительства не были приняты во вниманіе. Этотъ образъ дѣйствія, а также порожденныя имъ опасенія, что депутаціи придется выступить въ роли законныхъ представителей края, вызвали протесты со стороны финляндцевъ и выборы произведены были лишь послѣ того, какъ Буксгевденъ положительно объяснилъ, что „дѣло идетъ вовсе не о созваніи сейма", а что „нужно отправить депутацію, чтобы передъ Его Императорскимъ Величествомъ всеподданнѣйше заявить о тѣхъ мѣропріятіяхъ, кои при настоящихъ обстоятельствахъ могли бы послужить на пользу страны".

Что касается депутаціи, то г. Ординъ главнымъ образомъ основывается на сочиненіи Роберта Кастрена „Finska Deputationen", Helsingfors 1879. Однако, несомнѣнно, лично г. Ордину принадлежатъ мрачныя краски, въ которыхъ онъ изображаетъ дѣятельность финляндцевъ.

Первый ударъ направленъ противъ перваго историка Финляндіи Ирье-Коскинена. Въ его исторіи финскаго народа, т. е. въ нѣмецкомъ переводѣ, депутація названа „Ge-

sandschaft". Неточность этого выраженія бросается въ глаза, но такъ какъ г.召динъ неоднократно (II, 146, 165, 168) приводитъ это выраженіе въ доказательство того, что финскіе историки, вопреки истинѣ, хотятъ придать депутаціи совершенно невѣрный характеръ, то элементарная добросовѣстность требовала бы освѣдомиться, встрѣчается ли невѣрное выраженіе въ самомъ подлинникѣ, или же оно употреблено только переводчикомъ. Не трудно было бы убѣдиться, что г. Ирье-Коскиненъ въ финскомъ подлинникѣ въ однихъ мѣстахъ употребляетъ выраженіе „депутація", а въ другихъ однозначущее выраженіе „lähetyskunta". Въ шведскомъ изданіи всюду говорится только о „депутаціи". Что же остается отъ ироническихъ восклицаній г. Ордина о „посланникахъ" неизвѣстно какой державы?

Г. Ординъ крайне раздраженъ оппозиціею, съ которою первоначально было встрѣчено въ Финляндіи приказаніе о высылкѣ депутатовъ въ Петербургъ. Бо̀льшую настойчивость въ требованіяхъ соблюденія законныхъ формъ, замѣчавшуюся при этомъ по мѣрѣ удаленія на западъ, Кастренъ ставитъ въ связь съ бо̀льшимъ количествомъ политической зрѣлости и самостоятельности населенія. По этому поводу г. Ординъ иронически замѣчаетъ: „Не будетъ ли вѣрнѣе сказать — политической распущенности и своеволія, воспитанныхъ въ шведскомъ дворянствѣ вѣками?" (II, 169). Передъ этимъ (II, 167) онъ въ числѣ лицъ, вліявшихъ въ оппозиціонномъ духѣ на общественное мнѣніе, называетъ ландсгевдинга Вибеліуса и профессора Калоніуса. Повидимому въ этихъ лицахъ слѣдуетъ видѣть представителей политической распущенности и дворянскаго своеволія.

Г. Ординъ забываетъ, что онъ въ другомъ мѣстѣ (II, 142), даже съ нѣкоторымъ одобреніемъ приводитъ слова печатной программы, въ которой Калоніусъ, въ качествѣ ректора Абоскаго университета,—въ то время, когда русскіе войска уже заняли Або и даже принудили населеніе принести присягу Императору,—излагаетъ свой взглядъ на отношенія подданныхъ къ законному монарху. Желая дать читателю возможность составить себѣ самостоятельное мнѣніе объ образѣ мыслей тѣхъ личностей, которыя стояли во главѣ финляндской оппозиціи, мы рѣшаемся помѣстить нѣсколько пространную выдержку изъ рѣчи Калоніуса. Указавъ на гуманность, которую проявили въ эту войну русскія войска и, въ особенности, главнокомандующій, Калоніусъ продолжаетъ: „Но, хотя съ нами, такимъ образомъ, обращались хорошо и милосердно, тѣмъ не менѣе при неопредѣленности нынѣшняго положенія, конечно, многія обстоятельства поддерживаютъ въ насъ безпокойство и угнетаютъ насъ тяжкою тревогою. Дѣло въ томъ, что во всякомъ благоустроенномъ обществѣ между Правителемъ и каждымъ подданнымъ существуютъ сладостныя и сильныя узы, сплетенныя изъ тонкихъ нитей и самымъ тѣснымъ образомъ связующія обоихъ взаимною любовью и взаимными обязанностями. Эта искусная и сильная цѣпь не можетъ порваться при первой неудачѣ; въ душѣ подданныхъ не можетъ не остаться чувство печали по поводу столь быстрой перемѣны и желаніе вернуться въ прежнее состояніе: — пока мы остаемся людьми, это никогда или лишь весьма рѣдко можетъ случиться. Пусть же военное счастіе тѣлесно отдало насъ силѣ врага и принудило идти туда, куда гонитъ насъ сила оружія, души наши, менѣе зависимыя отъ счастія и случайностей, останутся тѣмъ же, чѣмъ были, они будутъ

съ неподкупною вѣрностью и неизмѣнною покорностью принадлежать своему законному королю. Ибо, пока исходъ войны еще неизвѣстенъ и пока не состоялся договоръ, въ которомъ Правитель самъ отказывается отъ своихъ правъ, подданный не можетъ по благоусмотрѣнію отказаться отъ долга вѣрноподданства и разорвать узы связывающія и его и отечество, если онъ не хочетъ запятнать себя позорнымъ преступленіемъ измѣны".

Эти слова достаточно характеризуютъ поведеніе Калоніуса. Письмо ландсгевдинга Куопіоской губерніи Вибеліуса, написанное въ отвѣтъ на объявленіе графа Буксгевдена, требовавшаго, чтобы семейства финляндскихъ офицеровъ, которые не оставятъ въ назначенный срокъ шведскихъ знаменъ, были изгнаны изъ занимаемыхъ ими бостелей, г. Ординъ называетъ „неосновательнымъ". Такъ какъ онъ даже не приводитъ выдержки изъ этого письма, то мы рѣшаемся привести его цѣликомъ, по шведскому оригиналу, хранящемуся въ государственномъ архивѣ въ Гельсингфорсѣ.

Почтительнѣйшій Меморіалъ!

Предписаніемъ отъ 2 сего мѣсяца Ваше Сіятельство опредѣлили, что, если, паче чаянія, кто либо изъ господъ офицеровъ, состоящихъ на службѣ въ финской арміи, послѣдуетъ съ шведскою арміею черезъ границу занятой Финляндіи, то на основаніи прокламаціи отъ $\frac{\text{21 марта}}{\text{2 апрѣля}}$ 1) причитавшееся ему до сего жалованье должно быть обращено въ Императорскую казну и 2) все его имущество конфисковано; причемъ мнѣ предложено въ подобныхъ случаяхъ, по совершеніи въ надлежащемъ порядкѣ описи,

публиковать относительно бостелей и жалованья и объ отдачѣ въ арендное содержаніе имущества подлежащихъ лицъ.

Упомянутая прокламація мнѣ совершенно неизвѣстна; но Именемъ Его Императорскаго Величества Ваше Сіятельство публично дали обѣщаніе о сохраненіи законовъ края, и предписали мнѣ доставлять законную охрану всѣмъ обывателямъ губерніи, кои не принимаютъ прямого участія въ военныхъ дѣйствіяхъ. Въ виду сего, я считаю своимъ долгомъ доложить Вашему Сіятельству, что согласно нашимъ законамъ никто не можетъ лишиться своихъ правъ вслѣдствіе дѣйствій другаго лица, жена не можетъ лишиться своихъ правъ вслѣдствіе дѣйствій мужа, кредиторъ — вслѣдствіе дѣйствій должника. § 4 гл. XI отд. о бракѣ постановляетъ, что каждый лично отвѣчаетъ за свои дѣйствія.

Если же теперь чины финской арміи, исполняющіе долгъ службы и вѣрности, лишились своего имущества за неизвѣстное имъ до того преступленіе, то не согласно съ закономъ, чтобы ихъ жены и кредиторы лишились своихъ правъ. Предписанныя мнѣ мѣры по конфискаціи и сдачѣ въ аренду распространяютъ по всему краю ужасъ и отчаяніе.

Я прибѣгаю къ справедливому великодушію и возвышенному образу мыслей Вашего Сіятельства, надѣясь, что Вы примете къ сердцу страданія, которымъ вообще подверглись бы невинныя личности финской націи.

Просвѣщеннымъ знаніемъ законовъ чести Ваше Сіятельство пріобрѣли славную извѣстность. Вы поэтому, конечно, не можете уважать народа, который не умѣетъ уважать честь, добродѣтель и долгъ.

Моя обязанность заключается въ поддержаніи спокойствія и въ предоставленіи всѣмъ и каждому законной охраны; за этимъ я всѣми силами буду слѣдить, какъ честный человѣкъ, пока не лишусь къ тому возможности, послѣ чего сознаніе исполненнаго долга будетъ сопутствовать меня въ несчастіи, нищенской хижинѣ и до самой могилы; истощенный и утомленный слишкомъ тридцатилѣтнею службою, угнетенный огорченіемъ и печалями, я по крайней мѣрѣ съ душевнымъ спокойствіемъ удалюсь съ своего поприща. Куопіо, 14 апрѣля 1808 г.

Вибеліусъ.

Вотъ акты, въ которыхъ г. Ординъ видитъ лишь оппозицію Россіи и политическую распущенность. Комментаріи излишни. Нравственное мужество, вѣрность законному монарху, непоколебимое уваженіе къ закону и праву просвѣчиваютъ въ каждой строкѣ, и вслѣдствіе этого Калоніусъ и Вибеліусъ дѣйствительно стали „народными героями“, тогда какъ Спренгтпортенъ, несмотря на утвержденіе г. Ордина, народнымъ героемъ никогда не былъ и никогда не будетъ. Уже не одно поколѣніе финляндскаго народа при измѣнившихся обстоятельствахъ добросовѣстно слѣдовало примѣру, показанному этими почтенными старцами въ 1808 г.; безъ сомнѣнія и впредь финляндцы будутъ поступать такимъ образомъ, несмотря на упорныя провокаціи со стороны нѣкоторыхъ элементовъ русскаго общества.

Мы возвращаемся къ вопросу о сопротивленіи по поводу распоряженія о выборѣ депутатовъ. Основываясь на обѣщаніи Императора Александра ненарушимо хранить законы края, финляндскіе избиратели требовали, чтобы въ данномъ случаѣ были соблюдены правила основныхъ законовъ о выборѣ

сеймовыхъ представителей; по мнѣнію г. Ордина, это было просто комедія. Такъ напр., по поводу возраженій, заявленныхъ дворянами Або-Бьернеборгской губерніи, г. Ординъ говоритъ: „Представители благороднаго сословія очень хорошо понимали, что ни о какихъ нарушеніяхъ не было здѣсь рѣчи даже съ ихъ точки зрѣнія; вызывалось не формальное представительство, а совершенно исключительная депутація" (II, 171). Прежде всего замѣтимъ, что авторъ забываетъ собственныя слова; нѣсколько раньше (II, 166) онъ самъ соглашается, что русское правительство неточностью выраженій невольно давало поводъ къ недоразумѣніямъ. Стоитъ только бросить взглядъ на предписанія Буксгевдена ландсгевдингамъ Абоской, Вазаской, Тавастусской и Гейнольской губерній о производствѣ выборовъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что неточность выраженій о характерѣ и цѣли депутаціи въ дѣйствительности была даже гораздо болѣе значительна, чѣмъ, повидимому, подозрѣваетъ г. Ординъ. Въ этихъ предписаніяхъ рѣчь идетъ не о выборѣ „финскихъ экспертовъ", хорошо знакомыхъ съ мѣстными условіями, а о выборѣ „депутатовъ всѣхъ сословій". Буксгевденъ положительно говоритъ о „депутатахъ сословій", слѣдовательно не о частныхъ лицахъ, избранныхъ изъ числа членовъ различныхъ сословій. Онъ предлагаетъ „членамъ сословій, участвующихъ въ выборѣ депутатовъ, снабдить ихъ въ надлежащемъ порядкѣ инструкціями, которыя согласовались бы съ общими желаніями сословій". Слѣдовательно предписывается порядокъ, аналогичный тому, который по давнему обычаю соблюдался при выборѣ сеймовыхъ представителей. Кромѣ того, призывая не всѣхъ, а лишь нѣкоторую часть избирателей, главнокомандующій въ своемъ первомъ пред-

писаніи не указываетъ по этому поводу, что рѣчь не идетъ о созваніи настоящаго сейма, а мотивируетъ свое распоряженіе лишь желаніемъ избѣжать „чувствительные расходы, потерю времени и другія случающіяся въ военное время непредвидимыя затрудненія, которыя могли бы возникнуть при вызовѣ всѣхъ членовъ каждаго сословія [1]. Всѣ эти обстоятельства должны были возбудить опасенія, что русское правительство предназначаетъ депутаціи роль законныхъ представителей финляндскаго народа и будетъ считать заключенія ея равносильными настоящимъ сеймовымъ рѣшеніямъ. Въ виду сего вполнѣ понятно, что тѣ немногіе избиратели, которые были созваны Буксгевденомъ, не рѣшались приступить къ выборамъ, послѣдствій которыхъ они не могли предвидѣть. Вызванные въ Або члены рыцарства и дворянства объяснили, что они „дали бы доказательство недовѣрія торжественнымъ и драгоцѣннымъ обѣщаніямъ Его Императорскаго Величества хранить права и привилегіи каждаго сословія, а также нарушили бы обязанности по отношенію къ своимъ собратьямъ и къ самимъ себѣ, если бы не рѣшились совершенно откровенно изложить сомнѣнія, вызванныя порядкомъ производства выборовъ“.

Г. Ординъ замѣчаетъ, что это уваженіе къ законамъ во всякомъ случаѣ не было единственною причиною сопротивленія избирателей. Дѣйствительно у нихъ былъ другой мотивъ: пока исходъ войны не былъ еще рѣшенъ.

---

[1] Ср. предписаніе Буксгевдена ландсгевдингамъ отъ $\frac{19 \text{ іюня}}{1 \text{ іюля}}$, напечатанное въ приложеніяхъ къ сочиненію Кастрéна Finska deputationen. Предписаніе Буксгевдена Абоской и Боргоской консисторіямъ, отъ $\frac{22 \text{ іюня}}{4 \text{ іюля}}$, почти одинаковаго содержанія.

они желали въ сношеніяхъ съ непріятелемъ не идти далѣе безусловно необходимаго. Въ этомъ, конечно, ни одинъ честный человѣкъ не станетъ винить ихъ. Собранія избирателей происходили отчасти въ концѣ іюля, отчасти въ началѣ августа, слѣдовательно въ такое время, когда финляндское войско занимало двѣ трети шведской Финляндіи и когда, выражаясь словами г. Ордина, „естественно было ожидать, что и остальная часть Финляндіи освободится отъ русскаго владычества“ (II, 172). Спрашивается, было ли бы согласно съ обязанностями вѣрноподданства и съ политическою нравственностью, если бы при такихъ обстоятельствахъ оставшіеся на мѣстѣ избиратели съ полною готовностью поспѣшили исполнить предписаніе объ отправленіи въ Петербургъ депутаціи, которая во всякомъ случаѣ, независимо отъ того, какой бы она имѣла характеръ, служила бы доказательствомъ окончательнаго покоренія Финляндіи? Даже г. Ординъ, говоря о нежеланіи депутатовъ отправиться въ путь, не можетъ не признать правильность этого взгляда (II, 186). Но это нисколько ему не мѣшаетъ объяснять оппозицію по поводу вызова депутатовъ „политическою распущенностью“! Далѣе слѣдуютъ разсужденія въ томъ же духѣ, со всякаго рода сильными выраженіями о „дерзкихъ“ дворянахъ (II, 172), о „дерзкомъ систематическомъ упорствѣ“ финляндцевъ (II, 176) и т. п.

Однако и тѣ корпораціи, которыя проявили самую сильную оппозицію, приступили къ выбору депутатовъ, когда Буксгевденъ повторилъ свое приказаніе, объяснивъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ данномъ случаѣ рѣчь не шла о

созывѣ сейма. Въ виду отъѣзда Императора въ Германію на извѣстное свиданіе съ Наполеономъ въ Эрфуртѣ, отправленіе депутатовъ было отложено и затѣмъ, по прибытіи большинства ихъ въ Петербургъ въ концѣ октября, лишь черезъ мѣсяцъ, 18/30 ноября, они были приняты Государемъ. Въ теченіе этихъ недѣль, когда депутація уже находилась въ Петербургѣ и Императоръ уже вернулся изъ Германіи, вопросъ о будущемъ положеніи Финляндіи въ сильной степени занималъ какъ Государя, такъ и его совѣтниковъ. Недовольный послѣдними военными распоряженіями Буксгевдена, Императоръ рѣшился его удалить и предложилъ Спренгтпортену принять на себя руководство гражданскимъ управленіемъ Финляндіи въ званіи генералъ-губернатора. Съ подобнымъ предложеніемъ Александръ I обращался къ Спренгтпортену уже ранѣе, вскорѣ послѣ открытія военныхъ дѣйствій, но тогда Спренгтпортенъ считалъ нужнымъ впредь до времени отложить осуществленіе этого предположенія, отчасти въ виду того, что къ покоренію края еще только было приступлено, отчасти же изъ боязни недоразумѣній съ главнокомандующимъ. Теперь оба эти повода были устранены, такъ какъ къ концу осени покореніе Финляндіи въ сущности было завершено, Буксгевдена же рѣшено было отозвать: Спренгтпортенъ поэтому согласился принять порученіе, но счелъ долгомъ предварительно представить Государю свои соображенія относительно направленія, котораго по его мнѣнію слѣдовало держаться въ финляндскихъ дѣлахъ. Защищаемый имъ принципъ онъ формулировалъ въ слѣдующихъ словахъ: „La Finlande est à peu près conquise par le succès de vos armes, Sire. Il reste à conquérir les coeurs de ses habitants qui nous sont plus que jamais aliénés: ce

n'est que par une administration équitable et juste, conforme à leur ancienne constitution propre à cicatricer les plaies profondes que les opérations passées y ont laissées après elles, que cette conquète si nécessaire aux succès ultérieurs de vos armes peut s'effectuer". Какъ единственное средство для такого нравственнаго покоренія населенія, Спренгтпортенъ выставляетъ свой извѣстный, неоднократно возобновлявшійся проектъ созванія законнаго сейма — une assemblé générale et constitutionelle, — на которомъ слѣдовало бы присутствовать самому Государю. Отъ депутатовъ можно получить полезныя свѣдѣнія, хотя они избраны въ незаконномъ порядкѣ — toute illégale qu'elle est quant à son élection qui s'est faite au préjudice des lois — но главная цѣль можетъ быть достигнута лишь весьма неполно. Изъ числа прочихъ вопросовъ, затронутыхъ въ запискѣ Спренгтпортена, самый важный касается проекта учрежденія въ Финляндіи временнаго правительства — une régence provisoire. Временное правительство должно было состоять подъ предсѣдательствомъ генералъ-губернатора; членами предполагалось назначить уроженцевъ края. Соображенія эти были одобрены Государемъ, послѣ чего Спренгтпортенъ составилъ подробный планъ управленія. Этотъ планъ разсматривался и безъ существенныхъ измѣненій былъ одобренъ особою коммиссіею, въ которой кромѣ самого Спренгтпортена засѣдали военный министръ гр. Аракчеевъ и генералъ фонъ-Кноррингъ, замѣнившій Буксгевдена въ командованіи арміею; Высочайшее утвержденіе воспослѣдовало $\frac{\text{19 ноября}}{\text{1 декабря}}$. Планъ управленія долженъ былъ служить инструкціею для вновь назначеннаго генералъ-губернатора и заключалъ въ себѣ также то, чего Спренгтпортенъ главнымъ образомъ требовалъ, а именно: опредѣ-

леніе о созваніи законнаго сейма уже въ началѣ слѣдующаго года.

Въ тотъ же день, когда планъ управленія былъ подписанъ Государемъ — депутація, принятая наканунѣ Государемъ, передала гр. Салтыкову, завѣдывавшему Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, свой первый меморіалъ, въ которомъ откровенно изложены порядокъ избранія и предѣлы полномочій депутаціи. Меморіалъ написанъ на имя Государя. Онъ начинается выраженіемъ благодарности за то, что Его Величеству угодно было дать всѣмъ жителямъ Финляндіи „самыя священныя обѣщанія въ сохраненіи ихъ вѣры, законовъ и всѣхъ ихъ привилегій". Далѣе, по указаніи законовъ, въ силу которыхъ депутаты не могутъ считать себя законными представителями финляндскаго народа, въ меморіалѣ говорится слѣдующее: „депутаты, увѣренные въ милосердіи Вашего Императорскаго Величества и осмѣлившіеся со всею покорностью указать препятствія, кои, казалось имъ, встрѣтились при исполненіи ихъ миссіи, полагаютъ, что, не бывъ представителями всего народа, они не могутъ войдти въ сужденія, принадлежащія земскимъ чинамъ, созваннымъ въ обыкновенномъ и законномъ порядкѣ. Но, если бы Вашему Императорскому Величеству угодно было повелѣть потребовать отъ насъ нѣкоторыхъ разъясненій по дѣламъ экономическимъ нашего отечества, мы сдѣлаемъ все отъ насъ зависящее, дабы повиноваться Вашей великодушной волѣ, предоставляя полному усмотрѣнію Вашего Императорскаго Величества, если бы это оказалось нужнымъ въ настоящемъ положеніи вещей, — повелѣть созвать общее собраніе земскихъ чиновъ въ странѣ, чтобы выслушать голосъ народа по дѣламъ, касающимся блага и пользы всѣхъ". Отвѣтъ на этотъ ме-

моріалъ изложенъ въ письмѣ вновь назначеннаго генералъ-губернатора, отъ 29 ноября / 11 декабря. Его Императорское Величество, сказано въ письмѣ, признаетъ, что депутація „не можетъ придти на встрѣчу Его отеческимъ попеченіямъ въ столь полной мѣрѣ, какъ Онъ имѣлъ въ виду при вызовѣ ея", вслѣдствіе чего Онъ „рѣшилъ, въ возможно скорѣйшемъ времени, созвать общій сеймъ въ залогъ Его заботливости о сохраненіи вашихъ законовъ". „Но, такъ какъ Его Величество желаетъ воспользоваться вашимъ пребываніемъ въ столицѣ для полученія вѣрнѣйшихъ свѣдѣній о настоящемъ положеніи страны подъ военнымъ бременемъ, которое Онъ намѣренъ по возможности облегчить, то Его Величество призналъ за благо повелѣть, чтобы депутація поспѣшила представить свои соображенія о тѣхъ предметахъ, относительно которыхъ она желаетъ, чтобы Государь по своему милосердію оказалъ помощь и облегченіе Своимъ новымъ подданнымъ".

Во исполненіе этого Высочайшаго приказанія депутація въ своемъ второмъ меморіалѣ указала на цѣлый рядъ мѣръ, которыя могли бы облегчить переходъ къ нормальному положенію вещей. Высочайшая резолюція, изложенная въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ и содержащая, между прочимъ, также указаніе на предстоящее въ скоромъ времени созваніе сейма, воспослѣдовала 4/16 января 1809 г.: вслѣдъ затѣмъ депутація была распущена. Слѣдуетъ замѣтить, что въ это время финляндскія дѣла, которыя до того докладывались Государю разными лицами, перешли въ вѣдѣніе статсъ-секретаря Михаила Сперанскаго. Вскорѣ, въ помощь ему, былъ назначенъ финляндецъ гр. Р. Г. Ребиндеръ.

По вопросу о финляндской депутаціи и одновременныхъ событіяхъ г. Ординъ также имѣлъ въ своемъ распоряженіи весьма богатый архивный матеріалъ. Но и здѣсь почти всѣ важнѣйшіе акты уже ранѣе обработаны въ Финляндіи. Что касается, въ частности, депутаціи, то кромѣ фактовъ, изложенныхъ въ очеркѣ Кастрена, у г. Ордина имѣются лишь свѣдѣнія частнаго характера. Замѣтимъ, что когда Кастренъ писалъ свое сочиненіе, ему не были извѣстны записка Спренгтпортена и вызванныя ею заключенія русскихъ государственныхъ дѣятелей; но впослѣдствіи бо̀льшая часть этихъ актовъ отчасти обнародована цѣликомъ, отчасти подробно реферирована Ирье-Коскиненомъ, а также профессоромъ Тигерстедтомъ въ его біографіи Спренгтпортена, которою г. Ординъ, какъ мы имѣли случай убѣдиться, вовсе не воспользовался. Тѣмъ не менѣе этотъ отдѣлъ содержитъ въ себѣ столь интересныя, новыя данныя, что его слѣдовало бы признать цѣннымъ вкладомъ въ историческую литературу разсматриваемой эпохи, если бы онъ былъ составленъ sine ira et studio. Въ настоящемъ же своемъ видѣ онъ представляется просто каррикатурою и отрицаніемъ элементарныхъ требованій исторической объективности и правдивости.

Въ глазахъ г. Ордина депутація является какимъ то чудовищемъ, пребываніе котораго въ Петербургѣ нанесло интересамъ Имперіи неисчислимый вредъ. Указавъ на то, что только предсѣдатель депутаціи игралъ видную роль, прочіе же ея члены не имѣли особаго значенія, онъ восклицаетъ: „И эти то заурядные люди, какъ сейчасъ увидимъ, могли выбить русское правительство изъ намѣченной имъ себѣ правильной и естественной колеи!.. какія силы противопоставлялись единодушному натиску этой куч-

ки далеко не геніальныхъ, но отлично дисциплинированныхъ людей?“ Графъ Румянцевъ, единственный русскій государственный человѣкъ, къ которому г. Ординъ относится благосклонно, отправился изъ Эрфурта далѣе въ Парижъ и такимъ образомъ находился въ отсутствіи. „Оставшіеся на лицо дѣятели: Аракчеевъ, Салтыковъ и потомъ Кноррингъ, — — — были плохіе борцы противъ дружно сомкнутыхъ рядовъ финляндскихъ депутатовъ“. Былъ еще Сперанскій, который вскорѣ пріобрѣлъ рѣшающее значеніе въ финляндскихъ дѣлахъ; къ сожалѣнію, онъ бредилъ европейскими конституціонними учрежденіями, вслѣдствіе чего Финляндія представляла для него интересный матеріалъ, а можетъ быть и образчикъ. Такимъ образомъ не было никого, кто бы могъ охранять „дѣйствительные интересы Россіи“ (II, 192—193).

Бѣдный Сперанскій! Въ какомъ ужасномъ положеніи находились Аракчеевъ, Салтыковъ, Кноррингъ и всѣ прочіе плохіе борцы, которые въ самой столицѣ Имперіи не могли устоять передъ этимъ натискомъ горсти во всѣхъ другихъ отношеніяхъ мирныхъ финляндскихъ дворянъ, священниковъ, бюргеровъ и крестьянъ! Но можетъ быть дѣло все же не было такъ страшно? По крайней мѣрѣ нѣсколько далѣе авторъ совершенно въ иномъ тонѣ говоритъ о дѣятельности депутаціи.

Если финляндская депутація достигла какого нибудь важнаго результата, то именно своимъ отказомъ выступить въ качествѣ представителей народа. Отказъ этотъ выраженъ уже въ первомъ меморіалѣ депутаціи; но этотъ документъ, по увѣренію г. Ордина (II, 218), „не имѣлъ ровно никакого значенія“. Это утвержденіе затѣмъ еще повторяется въ частности по вопросу о вліяніи, которое имѣлъ

меморіалъ на рѣшеніе о созваніи сейма. Чтобы еще болѣе укрѣпить это убѣжденіе въ умахъ читателей г. Ординъ прибавляетъ (II, 221), что „мемуару депутатовъ дано было не болѣе значенія, какъ множеству всякаго рода подобныхъ ему записокъ, — — оставляемыхъ безъ всякаго вниманія“. Съ удивленіемъ спрашиваешь себя, въ чемъ же состоитъ великій вредъ, нанесенный депутаціею интересамъ Россіи, въ чемъ заключалось нападеніе, передъ которымъ не могли устоять Аракчеевъ, Салтыковъ, Кноррингъ и пр.? Отвѣтъ остается тайною автора. — Слѣдовательно: въ предварительной характеристикѣ значеніе депутаціи всѣми мѣрами раздувается, ей приписывается пагубное вліяніе на политику Россіи, а затѣмъ, когда дѣло идетъ объ опредѣленныхъ фактахъ, за дѣятельностью депутаціи не признается никакого значенія.

Высочайшее рѣшеніе о созваніи сейма г. Ординъ объясняетъ исключительно вліяніемъ Спренгтпортена; депутація тутъ не причемъ. Въ данномъ случаѣ г. Ординъ опять излагаетъ свои взгляды въ видѣ полемики съ „финскими историками“, хотя ему должно быть извѣстно, что уже Ирье-Коскиненъ, опровергая мнѣніе Кастрена, утверждаетъ, что замѣну депутаціи сеймомъ слѣдуетъ приписать прежде всего, конечно, Императору, но затѣмъ главнымъ образомъ Спренгтпортену. Важное различіе заключается однако въ томъ, что г. Ординъ хватилъ при этомъ черезъ край, отрицая всякую связь между дѣятельностью депутаціи и созывомъ сейма. Весьма возможно, что рѣшеніе Императора воспослѣдовало раньше, чѣмъ ему доложенъ былъ меморіалъ депутаціи. Не слѣдуетъ однако забывать, что главная суть меморіала, т. е. отказъ отъ представленія заключенія въ качествѣ оффиціальныхъ лицъ, — уже гораздо

раньше былъ извѣстенъ русскому правительству. Этотъ именно отказъ болѣе всего говорилъ въ пользу требованій Спренгтпортена о созваніи законнаго сейма. Представимъ себѣ, что депутація поступила бы иначе и безъ протеста приняла бы на себя предназначенную ей роль: едва ли можно сомнѣваться, что въ такомъ случаѣ мысль о финляндскомъ сеймѣ была бы похоронена — неизвѣстно на сколько времени.

Что касается ненарушимаго сохраненія финляндскихъ законовъ, то мнѣнія депутаціи и Спренгтпортена вполнѣ совпадали; но за симъ ихъ взгляды первоначально вовсе не были столь тождественны, какъ полагаетъ г. Ординъ. По его мнѣнію и Спренгтпортенъ, и депутація добивались немедленнаго созванія земскихъ чиновъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ этомъ заключались стремленія Спренгтпортена; но нельзя утверждать того же о депутаціи. Подобно большинству своихъ избирателей депутаты первоначально желали, чтобы созваніе сейма было отложено до заключенія мира. Это съ совершенною очевидностью вытекаетъ изъ заключенія председателя Маннергейма, изложеннаго въ протоколѣ перваго засѣданія депутаціи и положеннаго въ основаніе дальнѣйшей дѣятельности депутаціи. Маннергеймъ прямо говоритъ: „Пока миръ не будетъ заключенъ, могутъ быть приняты лишь временныя мѣры, вполнѣ зависящія отъ усмотрѣнія правителя, во власти котораго находится страна, хотя бы и не воспослѣдовало добровольнаго согласія народа“ (Castrén, Finska deputationen, стр. 52). Согласно съ симъ въ представленномъ Государю мемуарѣ депутаціи о сеймѣ говорится въ столь неопредѣленныхъ выраженіяхъ, что остается совершенно неяснымъ, желаетъ ли депутація, чтобы сеймъ былъ

созванъ до окончанія войны. Лишь впослѣдствіи, когда рѣшеніе Государя уже было сообщено депутаціи, Маннергеймъ въ частной запискѣ къ гр. Салтыкову указывалъ, что обстоятельства требуютъ немедленнаго созванія сейма.

Не трудно найти причину, почему депутаты желали, чтобы созваніе сейма было отложено. Подобно профессору Калоніусу, который въ столь сильныхъ выраженіяхъ высказалъ свои взгляды, они находили, что несмотря на непріятельскую оккупацію подданные не вправѣ, до заключенія мира, по собственному благоусмотрѣнію отказаться отъ своихъ обязанностей по отношенію къ законному монарху. Лишь постепенно депутаты, и самъ Калоніусъ, стали сознавать, что это ученіе, вообще говоря правильное и неприкосновенное, въ виду исключительныхъ обстоятельствъ требуетъ нѣкотораго ограниченія. Сила вещей привела ихъ къ тому убѣжденію, что финляндскій народъ, истощившій свои силы въ неравной борьбѣ за сохраненіе соединенія со Швеціею и потерявшій надежду на возстановленіе этого соединенія, съ спокойною совѣстью и безъ ущерба для своей чести могъ слѣдовать инстинкту самосохраненія и обезпечить свою будущность, самостоятельно заключивъ лояльное соглашеніе съ побѣдителемъ.

Мы повторяемъ: созваніе сейма *до окончанія войны* первоначально имѣлось въ виду лишь Спренгтпортеномъ, но не депутаціею[1]. Какъ плохо г. Ординъ въ данномъ

[1] Это обстоятельство подтверждается также словами самого Маннергейма, приведенными Кастреномъ въ другомъ мѣстѣ, но оставленными имъ безъ вниманія. Въ своихъ мемуарахъ бывшій председатель депутаціи объясняетъ, что онъ считалъ созваніе сейма преждевременнымъ, такъ какъ, по его мнѣнію, „до заключенія мира и пока страна не уступлена по мирному договору, мало можно было достичь въ отношеніи памѣненія организаціи и упроченія положенія въ будущемъ". (Castrén, Skildringar, стр. 131).

случаѣ понялъ суть всего дѣла, несмотря на его разглагольствованія о важномъ вліяніи Спренгтпортена, — это замѣчается въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Такъ напр., говоря о первомъ засѣданіи депутаціи, онъ утверждаетъ (II, 209), будто Маннергеймъ и большинство были того мнѣнія, что всѣ, хотя бы и временныя, мѣры должны быть переданы на обсужденіе сейма. Между тѣмъ мы видѣли, что въ одобренномъ депутаціею заключеніи Маннергейма прямо высказано, что необходимыя въ военное время временныя мѣры исключительно зависятъ отъ усмотрѣнія побѣдителя и поэтому могутъ состояться помимо земскихъ чиновъ.

По поводу заключенія Маннергейма и меморіала депутаціи отъ 1 декабря г. Ординъ высказываетъ столь же неправильное мнѣніе относительно отказа депутаціи представить заключеніе въ качествѣ законныхъ представителей финляндскаго народа. „Тутъ же“, замѣчаетъ г. Ординъ, „на столѣ у Государя лежалъ меморіалъ депутатовъ, одновременно привезенный Салтыковымъ и тутъ же доложенный; въ немъ Маннергеймъ съ товарищами усиленно отнѣкивались отъ всякихъ сужденій объ измѣненіяхъ въ краѣ, признавая себя не въ правѣ о томъ судить. И тѣмъ не менѣе Государь категорически приказываетъ имъ высказаться: какія улучшенія, слѣдовательно и измѣненія нужны для страны“ (II, 221). На дѣлѣ, однако, было не такъ. Въ мемуарѣ, который лежалъ на столѣ у Государя — если онъ вообще тамъ лежалъ, такъ какъ ничѣмъ не доказано, чтобы Салтыковъ уже 1 декабря доложилъ его Государю,— читалось слѣдующее заявленіе: „Но, если бы Вашему Императорскому Величеству угодно было повелѣть потребовать отъ насъ нѣкоторыхъ разъясненій по дѣламъ экономическимъ нашего отечества. мы сдѣлаем ъвсе отъ насъ

зависящее, дабы повиноваться Вашей великодушной волѣ“. Въ томъ же смыслѣ Маннергеймъ высказывался уже ранѣе на первомъ засѣданіи депутаціи; онъ полагалъ, что „если воспослѣдуетъ Высочайшее о томъ повелѣніе“, то депутатамъ слѣдуетъ „всеподданнѣйше представить свои совѣты относительно того, какія при теперешнемъ военномъ положеніи могутъ быть приняты мѣры для облегченія тягостей, обыкновенно вызываемыхъ подобными печальными безпокойствами“. Слѣдовательно, не вопреки протестамъ депутаціи, какъ утверждаетъ г. Ординъ, а напротивъ совершенно согласно съ ея положительнымъ предложеніемъ, Государь въ своемъ отвѣтѣ, сообщенномъ депутаціи черезъ Спренгтпортена, обѣщая созвать сеймъ, велѣлъ депутатамъ представить свои соображенія о тѣхъ предметахъ, относительно которыхъ они желаютъ, чтобы Государь по своему милосердію оказалъ помощь и облегченіе своимъ новымъ подданнымъ.

Мемуаръ депутаціи напечатанъ у г. Ордина цѣликомъ, поэтому при нѣкоторомъ вниманіи читатель можетъ самъ замѣтить указанныя ошибки, не справляясь съ финскими и шведскими сочиненіями. Но не такъ легко провѣрить утвержденіе г. Ордина (II, 216—217), будто финскіе историки Коскиненъ и Кастренъ тенденціозно сообщаютъ только отрывки изъ этого мемуара. „Понятно“, разсуждаетъ г. Ординъ, „что нельзя было приводить этого документа in extenso въ доказательство наличности соглашенія, а тѣмъ болѣе договора“ между Императоромъ и финляндцами. Чтобы читатель могъ судить объ основательности этой инсинуаціи, мы замѣтимъ, что напр. Кастренъ не только подробно изложилъ содержаніе мемуара въ самомъ текстѣ сочиненія, но и напечаталъ цѣликомъ швед-

скій и французскій тексты мемуара въ числѣ приложеній (Castrén, Finska Deputationen, прил. стр. 62—63 и 67—68).

Быть можетъ, это голословное обвиненіе объясняется не умышленною неправдою, а ошибкою, вызванною незнакомствомъ съ означенными приложеніями и напечатанными въ ихъ числѣ протоколами депутаціи. Дѣло въ томъ, что и по другимъ утвержденіямъ г. Ордина можно заключить, что онъ не воспользовался этими протоколами. Такъ напр., ему ничего не извѣстно объ отвѣтѣ на первый меморіалъ депутаціи, хотя отвѣтъ этотъ помѣщенъ въ протоколѣ отъ $\frac{29 \text{ ноября}}{11 \text{декабря}}$ и кромѣ того содержаніе его подробно изложено въ самомъ текстѣ сочиненія Кастрена (стр. 58). Этотъ недосмотръ въ свою очередь вызвалъ другія ошибки. Такъ, г. Орднпъ полагаетъ, что обѣщаніе о созваніи сейма формально сообщено было депутаціи лишь въ январѣ 1809 г., и на основаніи записки Спренгтпортена приходитъ къ тому убѣжденію, будто Императоръ потребовалъ отъ депутаціи отвѣта на опредѣленные вопросные пункты. Изъ вышеизложеннаго однако явствуетъ, что Императоръ въ своемъ отвѣтѣ, напротивъ, совершенно предоставилъ на усмотрѣніе депутатовъ указать предметы, относительно которыхъ они желали бы предложить мѣры къ облегченію положенія своихъ соотечественниковъ.

Читатель вѣроятно уже освоился съ характеромъ тенденцій сочиненія г. Ордина: поэтому ему должно показаться вполнѣ естественнымъ, что и относительно членовъ депутаціи авторъ остается вѣренъ своему стремленію приписывать болѣе или менѣе своекорыстные мотивы всѣмъ финляндцамъ, о которыхъ упоминается въ его сочиненіи. Что онъ при этомъ впадаетъ въ очевидные противорѣчія,

это для г. Ордина, конечно, только пустяки, не заслуживающіе вниманія.

Приведемъ примѣръ изъ числа многихъ. Какъ поведеніе избирателей, такъ и характеръ дѣятельности депутатовъ г. Ординъ объясняетъ дворянскими интригами и утверждаетъ, будто финскіе дворяне надѣялись на возвращеніе при русскомъ владычествѣ сословной власти, которую уничтожилъ Густавъ III переворотомъ 1772 г. (II, 206). Но вскорѣ затѣмъ автору приходится считаться съ фактомъ, что какъ депутація, такъ и Спренгтпортенъ требовали сохраненія шведско-финской конституціи въ томъ видѣ, который она получила послѣ преобразованій 1772 и 1789 гг. Г. Ординъ, однако, не теряется, онъ объясняетъ это требованіе тѣмъ, что дворяне при этой конституціи извлекали доходы изъ своего государственнаго положенія, тогда какъ прочіе общественные классы, и въ особенности крестьяне разорялись (II. 230). Въ первомъ случаѣ депутація обвиняется въ томъ, что она изъ узкихъ сословныхъ интересовъ стремилась вернуть государственный строй періода свободы; согласно второму обвиненію — депутація ради тѣхъ же мотивовъ старалась сохранить конституцію 1772 и 1789 гг. Для обыкновеннаго человѣческаго разума здѣсь представляется вопіющее противорѣчіе: логика хромаетъ, но за то озлобленіе сильно.

Авторъ по прежнему особенно раздражается, когда рѣчь заходитъ объ утвержденныхъ законахъ и неприкосновенной конституціи. Опасаемся, что успѣли уже утомить читателя нашими примѣрами, но въ виду исключительныхъ обстоятельствъ, при которыхъ появилось на свѣтъ сочиненіе г. Ордина, мы принуждены продолжать.

По поводу составленнаго Спренгтпортеномъ проекта особаго управленія въ Финляндіи и, указывая на то, что правительственный органъ, который служилъ Спренгтпортену образцомъ, находился въ Стокгольмѣ, г. Ординъ приводитъ слѣдующее: „Логически ему (органу высшей правительственной власти) слѣдовало быть въ Петербургѣ, если даже функція распространялась на одну только новую провинцію. Это было тѣмъ основательнѣе, что въ столицѣ былъ уже сенатъ, вѣдавшій въ качествѣ высшей инстанціи судебныя и другія дѣла всей Имперіи, въ томъ числѣ и схожихъ съ Финляндіею, бывшихъ прежде также подъ шведскою конституціею балтійскихъ провинцій“ (II, 232). Мы охотно предположимъ, что г. Ординъ дѣйствительно bona fide сравниваетъ Финляндію съ Балтійскими провинціями; но въ такомъ случаѣ мы, по крайней мѣрѣ, должны придти къ тому выводу, что авторъ уже забылъ фактъ, приведенный имъ въ началѣ сочиненія: на стр. 53 т. I онъ совершенно правильно указываетъ, что прибалтійскія области во время соединенія со Швеціею не пользовались правомъ представительства на шведскихъ риксдагахъ.

Балтійскія провинціи въ государственно-правовомъ отношеніи никогда не составляли равноправную съ самою Швеціею часть шведской державы. Они находились въ зависимости отъ Швеціи, и управлялись не согласно шведскимъ законамъ, а по усмотрѣнію королей, которые лишь въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ были связаны привилегіями, предоставленными въ особенности дворянству означенныхъ провинцій въ силу утвержденныхъ при покореніи капитуляцій. Такимъ образомъ ни дворяне, ни прочіе жители балтійскихъ провинцій не пользовались политическими правами шведскаго

народа. Они не участвовали въ шведскихъ государственныхъ сеймахъ и не могли занимать должностей, которыя по закону должны были замѣщаться „шведскими людьми“. Правило это не отмѣняется изъятіями, которыя въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ были допущены т. н. спеціальными привилегіями.

Отношенія Финляндіи къ Швеціи были совершенно иного рода. Въ средніе вѣка, когда Швеція была избирательнымъ государствомъ, финны, въ силу положительнаго закона, участвовали въ выборѣ короля, и впослѣдствіи представители финляндскихъ сословій присутствовали на всѣхъ государственныхъ сеймахъ Швеціи, на которыхъ по какому либо поводу измѣнялся порядокъ престолонаслѣдія. Какъ въ отношеніи этого высшаго выраженія политической власти, такъ и во всемъ, что касается прочихъ политическихъ функцій, правъ законодательныхъ и финансовыхъ, между финнами и шведами не дѣлалось различія. Въ законахъ обѣ національности иногда упоминаются рядомъ [1], и въ такомъ случаѣ за ними всегда признаются одинаковыя права; но обыкновенно употреблялось просто выраженіе „шведскіе люди“, которое имѣло столь обширное значеніе, что подъ нимъ подразумѣвались всѣ полноправные члены государства, независимо отъ того, былъ ли отецъ шведъ или финнъ. По отношенію къ владѣніямъ державы, находившимся по ту сторону балтійскаго моря, на востокѣ и югѣ, Швеція и Финляндія, вмѣстѣ взятыя, являлись преобладающею, господствующею частію державы. Это отно-

[1] Особенно часто это случалось при Густавѣ III, а также ранѣе при Густавѣ II Адольфѣ. Ср. напр. объявленіе о созваніи государственнаго сейма 1789 г. и удостовѣреніе и утвержденіе правъ и льготъ шведскаго и финскаго крестьянства отъ 4 апрѣля 1789 г.

шеніе выражено напр. въ заглавіи извѣстнаго сочиненія шведа Михаила Вексоніуса: „Epitome descriptionis Succiae Gothiae, Fenningiae et subjectarum provinciarum".

Очевидно, что заключенія, къ которымъ г. Ординъ приходитъ по вопросу объ отношеніяхъ Финляндіи къ Имперіи, должны быть отвергнуты, такъ какъ они покоятся на совершенно ложныхъ представленіяхъ о воображаемомъ сходствѣ прежнихъ отношеній Финляндіи и балтійскихъ провинцій къ Швеціи.

Мы возвращаемся къ плану Спренгтпортена о временномъ управленіи Финляндіи. Какъ выше упомянуто, планъ этотъ былъ утвержденъ Государемъ, по разсмотрѣніи въ особой коммиссіи; при этомъ только одинъ пунктъ проекта коммиссіи былъ измѣненъ. Коммиссія предлагала, чтобы всѣ финляндскія дѣла докладывались Императору подлежащими русскими министрами и чтобы Высочайшія повелѣнія тѣмъ же путемъ доставлялись генералъ-губернатору; Государь же опредѣлилъ, чтобы всѣ представленія генералъ-губернатора поступали прямо къ нему, помимо русскихъ министровъ. Нельзя отрицать, что это измѣненіе имѣло важное принципіальное значеніе, такъ какъ въ немъ ясно выразилось намѣреніе Государя отдѣлить производство финляндскихъ дѣлъ отъ производства русскихъ. Но что касается обвиненія г. Ордина, будто мы, финляндцы, въ этой резолюціи Императора Александра I усматриваемъ основаніе для теоріи личной уніи между Финляндіею и Россіею, то это просто неправда. Въ Финляндіи ни одинъ историкъ, ни одинъ юристъ не защищалъ подобной теоріи, которую дѣйствительно нельзя не признать совершенно ложною. Г. Ординъ указываетъ на Ирье-Коскинена и утверждаетъ, что онъ „въ этихъ видахъ" — т. е. въ под-

твержденіе своего мнѣнія о личной уніи обѣихъ странъ— напечаталъ во главѣ сборника „Correspondance officielle de G. M. Sprengtporten“ утвержденный Императоромъ проектъ временнаго управленія Финляндіи (II, 248). Въ введеніи къ упомянутому изданію Ирье-Коскиненъ говоритъ слѣдующее относительно причины, почему онъ напечаталъ какъ этотъ документъ, такъ и указъ о назначеніи Спренгтпортена генералъ-губернаторомъ: „Nous faisons précéder les lettres du gouverneur-général Sprengtporten de deux documents qui constituent comme la base du nouvel état du pays“ [1]. Вотъ и все. Ни слова не сказано о личной уніи, даже не упомянута резолюція Государя о докладѣ финляндскихъ дѣлъ ему лично! Г. Ординъ конечно возразитъ, что Ирье-Коскиненъ въ томъ же введеніи называетъ Финляндію „état séparé“ — отдѣльное государство, — уже въ введеніи къ *своему* сочиненію г. Ординъ возится съ съ этимъ выраженіемъ. Допустимъ, что добросовѣстный читатель самое выраженіе можетъ понять неправильно, хотя оно примѣняется и относительно государствъ, состоящихъ въ реальномъ соединеніи, и даже по отношенію къ зависимымъ государствамъ, имѣющимъ особое управленіе и особую конституцію. Но во всякомъ случаѣ между выраженіемъ „отдѣльное государство“ и „личная унія“ громадное различіе, и къ обвиненію г. Ордина вполнѣ примѣнимы сказанныя нами выше слова.

---

[1] Слѣдуетъ замѣтить, что Ирье-Коскиненъ говоритъ объ état séparé, а не объ état indépendant. Соотвѣтственное русское выраженіе встрѣчается у бывшаго профессора Петербургскаго университета Градовскаго въ его сочиненіи „Начала русскаго государственнаго права“. Въ § 108 сказано: „Финляндія представляетъ совершенно обособленное во внутреннемъ управленіи государство, хотя и нераздѣльно связанное съ русскою императорскою короною“.

Изъ этого, а также изъ другихъ, приведенныхъ нами прежде примѣровъ уже можно заключить, до какой степени г. Ординъ позволяетъ себѣ искажать истину. Тѣмъ не менѣе, мы, сознаемся, были поражены, читая нападки г. Ордина на графа Р. Г. Ребиндера.

Въ то время, когда Финляндія была присоединена къ Россійской Имперіи, Ребиндеръ былъ еще молодой человѣкъ, — онъ родился въ 1777 г. Въ финляндской депутаціи онъ не состоялъ членомъ отъ сословій, но прибылъ въ Петербургъ къ рождеству 1808 г. въ качествѣ особаго депутата отъ Абоскаго гофгерихта. Отправляясь въ Россію, Ребиндеръ не относился съ особеннымъ довѣріемъ къ обѣщаніямъ о сохраненіи законовъ края и не питалъ симпатіи къ новому правительству. Но переворотъ, происшедшій въ образѣ мыслей Ребиндера, доказываетъ, какъ Александръ I умѣлъ привлечь къ себѣ финновъ. Въ „Souvenirs de ma vie" Ребиндеръ приводитъ слова, сказанныя ему Императоромъ при пріемѣ: „Политическія обстоятельства заставили меня вести войну въ вашемъ краѣ, и такъ какъ успѣхъ нашего оружія рѣшилъ вашу судьбу, то у меня только одна мысль, одна цѣль, осчастливить васъ и поставить васъ въ такое положеніе, чтобы вы никогда не сожалѣли о томъ, что вы теперь потеряли. Я обѣщалъ сохранить ваши законы, ваши привилегіи и ваши учрежденія. Я сдержу свое слово, но и вы съ своей стороны должны исполнить извѣстныя условія. Пусть ваши соотечественники проникнутся истиною, что лишь откровенною вѣрностью, безъ всякихъ заднихъ мыслей, они могутъ упрочить свое новое положеніе на счастіе для себя самихъ и на пользу державы, часть которой вашъ край отнынѣ будетъ составлять". Спустя много лѣтъ, вспоми-

ная свою первую встрѣчу съ великодушнымъ монархомъ, Ребиндеръ писалъ слѣдующее: „дѣйствительно, все, что онъ тогда обѣщалъ, онъ добросовѣстно исполнилъ". Однако вѣрно и то, что Императоръ, благодаря своему откровенному объясненію, пріобрѣлъ въ лицѣ Ребиндера горячаго приверженца, твердо рѣшившагося свято исполнять выраженныя Государемъ требованія непоколебимой вѣрности. Вскорѣ Ребиндеръ получилъ возможность доказать это на дѣлѣ. Уже черезъ нѣсколько недѣль онъ былъ назначенъ помощникомъ Сперанскаго по финляндскимъ дѣламъ, а въ 1811 г. ему лично поручено было докладывать эти дѣла Государю. Удостоенный въ 1834 г. званія министра статсъ-секретаря, онъ занималъ эту должность до своей смерти въ 1841 г. Что онъ за это время пользовался полнымъ уваженіемъ и довѣріемъ Императоровъ Александра и Николая, тому имѣются многочисленныя доказательства.

Вотъ человѣкъ, о которомъ г. Ординъ говоритъ, что онъ „держался того почти республиканскаго принципа, что Государь долженъ царствовать, а не управлять" (il regnait, mais il ne gouvernait pas) (II, 286). Г. Ординъ ссылается на біографію Ребиндера въ сочиненіи Кастрена „Skildringar ur Finlands nyare historia", стр. 265. Кастренъ приводитъ выдержку изъ записокъ Ребиндера, въ которой авторъ порицаетъ русскихъ за то, что они не установили въ Финляндіи хотя бы временнаго правленія еще весною 1808 г.: „это было бы послѣдовательно и придало бы нѣкоторую цѣну постоянно повторявшимся фразамъ о намѣреніи русскаго правительства не оставлять только что завоеваннаго края. Вмѣсто того судебныя мѣста и мѣстныя власти сохранены были на прежнемъ положеніи, тогда какъ не бы-

ло управляющихъ коллегій. Промыселъ далъ намъ новаго правителя; онъ царствовалъ, но не управлялъ (il regnait, mais il ne gouvernait pas)"; затѣмъ Ребиндеръ прибавляетъ: „Въ конституціонной странѣ, гдѣ привыкли къ положительнымъ правиламъ даже для мелочныхъ формальностей и гдѣ болѣе всего опасались своеволія какого нибудь alter ego, не имѣющаго ни полной власти, ни извѣстныхъ инструкцій, — въ такой странѣ подобное упущеніе должно было имѣть весьма вредное вліяніе на умы, что и оказалось на дѣлѣ".

Слѣдовательно: Ребиндеръ порицаетъ Буксгевденскій режимъ за то, что при немъ примѣнялось правило: „le roi regne, mais ne gouverne pas". Г. Ординъ приводитъ слова, въ которыхъ выражено это порицаніе, и утверждаетъ, будто Ребиндеръ самъ придерживался этого принципа. Г. Ординъ считаетъ недостаточнымъ привести свой фальсификатъ въ одномъ только мѣстѣ, онъ повторяетъ свое обвиненіе по крайней мѣрѣ два раза, каждый разъ съ прибавленіемъ новой неправды. На страницѣ 299 (т. II) онъ говоритъ: „Цѣль Ребиндера, чтобы Государь въ Финляндіи не управлялъ, а только царствовалъ, хранилась въ тайнѣ". Далѣе, говоря о дѣятельности Ребиндера на Боргоскомъ сеймѣ, онъ опять внушаетъ читателю: „Не должно забывать, что этотъ финляндецъ, вступивъ въ русскую службу, руководился тайными принципами, которые раскрылись лишь въ его мемуарѣ. Въ числѣ ихъ былъ тотъ, по которому русскому Императору надо было предоставить царствовать въ Финляндіи, но не управлять". Очевидно авторъ умѣетъ примѣнять мудрость Базили: Calomniez, calomniez, il en reste tojours quelque chose!

Укажемъ на своеобразное совпаденіе. Съ 1827 г. гр. Ребиндеръ состоялъ почетнымъ членомъ той самой Академіи Наукъ, которая удостоила преміи сочиненіе, въ коемъ его мнѣнія и характеръ такъ безсовѣстно извращены.

IV. Боргоскій сеймъ.

Манифестъ, въ которомъ Императоръ повелѣвалъ сословіямъ Финляндіи собраться на общій сеймъ въ г. Борго къ $^{10}/_{22}$ марта 1809 г., данъ въ Петербургѣ $\frac{\text{20 января}}{\text{1 февраля}}$ того же года[1]; онъ объявленъ „Императоромъ и Самодержцемъ Всероссійскимъ, Великимъ Княземъ Финляндскимъ, и проч. и проч.“. Здѣсь впервые русскій Императоръ называетъ себя „Великимъ Княземъ Финляндскимъ“ и слова эти затѣмъ вошли въ составъ Императорскаго титула. Въ манифестѣ отъ $^{5}/_{17}$ іюня 1808 г. Александръ I обращался къ финляндцамъ лишь въ качествѣ „Императора и Самодержца Всероссійскаго“, а потому содержащееся въ манифестѣ утвержденіе законовъ Финляндіи, повидимому, означало только нѣкоторую провинціальную самостоятельность, подобную той, которая была предоставлена балтійскимъ провинціямъ; такое толкованіе подтверждается и другими данными. Титулъ „Великій Князь Финляндскій“ являлся для всего финляндскаго народа первымъ указаніемъ на то,

[1] Этотъ манифестъ, а также большая часть прочихъ важныхъ въ политическомъ отношеніи актовъ, на которые я ссылаюсь въ настоящей главѣ, напечатаны на языкѣ подлинника въ сборникѣ: „Акты для выясненія политическаго положенія Великаго Княжества Финляндскаго“.

что Императоръ теперь имѣлъ въ виду не одни провинціальныя различія, такъ какъ онъ убѣдился, что обѣщаніе о сохраненіи законовъ Финляндіи можетъ быть осуществлено лишь въ томъ случаѣ, если будетъ распространено и на законы, опредѣляющіе политическія права финскаго народа. Что это мнѣніе не произвольно, это видно, между прочимъ, изъ словъ самаго манифеста, согласно которому рѣшеніе о созваніи сейма состоялось „conformément aux constitutions du pays“ — сообразно съ установленіями страны.

Намѣренія и взгляды Императора раздѣлялись вполнѣ тѣмъ лицомъ, которое состояло ближайшимъ его помощникомъ по финляндскимъ дѣламъ. Позднѣе Михаилъ Сперанскій во всеподданнѣйшемъ отчетѣ отъ 11 февраля 1811 г. объяснилъ: „Финляндія есть государство, а не губернія“ [1]. Этимъ же взглядомъ онъ руководствовался при всѣхъ приготовительныхъ мѣрахъ, вызванныхъ созваніемъ сейма; сюда относится прежде всего редактированіе акта, которымъ Императоръ намѣревался удостовѣрить сохраненіе законовъ Финляндіи, а также составленіе предложеній, которыя были переданы на обсужденіе земскихъ чиновъ. Конечно, для этого требовалось знакомство съ положеніями основныхъ законовъ и съ обычаями, соблюдавшимися на шведскихъ риксдагахъ. Поэтому, уже въ декабрѣ Маннергеймъ, по требованію гр. Салтыкова, представилъ краткое изложеніе сеймовыхъ порядковъ, а также правъ монарха и земскихъ чиновъ по основнымъ законамъ. Впослѣдствіи Ребиндеръ и чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ

---

[1] Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. XXI, стр. 456.

Букъ, считавшійся знатокомъ шведскаго государственнаго права, составили болѣе подробныя записки по этимъ вопросамъ. Такимъ образомъ во время Боргоскаго сейма въ распоряженіи Сперанскаго имѣлись полныя свѣдѣнія о существеннѣйшихъ положеніяхъ шведско-финской конституціи.

Не подлежало сомнѣнію, что многія опредѣленія конституціи не могли болѣе примѣняться послѣ соединенія Финляндіи съ Россіею, и обстоятельство это сознавалось какъ Сперанскимъ, такъ и тогдашними финляндскими дѣятелями. Естественно возникалъ вопросъ, слѣдуетъ ли передать земскимъ чинамъ проектъ необходимыхъ измѣненій основныхъ законовъ края. Почти всѣ лица, которыя заявляли Императору и Сперанскому свое мнѣніе, рѣшительно высказывались противъ принятія всякой подобной мѣры до окончанія войны. Это было мнѣніе Спренгтпортена, Маннергейма, а также Де-Геера, который въ качествѣ ландмаршала участвовалъ въ приготовленіяхъ къ сейму. Насколько извѣстно, только одинъ изъ финляндцевъ, находившихся въ Петербургѣ передъ самымъ открытіемъ сейма, настаивалъ на необходимости немедленно возбудить вопросъ о новой конституціи Финляндіи. Это былъ прежній сообщникъ Спренгтпортена по аньяльскому заговору,— маіоръ И. А. Егергорнъ.

Въ представленной Государю пространной запискѣ отъ 26 февраля 1809 г.[1], Егергорнъ проектируетъ полный пересмотръ основныхъ законовъ Финляндіи и даже пере-

[1] Напечатана проф. Э. Г. Пальменомъ по подлиннику, хранящемуся въ финляндскомъ государственномъ архивѣ, въ журналѣ финскаго историческаго общества, «Historiallinen Arkisto», т. VIII, 208—218.

числяетъ важнѣйшія измѣненія, на которыя, по его мнѣнію, необходимо обратить вниманіе. Онъ предлагалъ первоначально передать на обсужденіе земскихъ чиновъ лишь основные принципы, и затѣмъ распустить сеймъ; осенью же сеймъ могъ бы быть вновь созванъ для обсужденія составленныхъ тѣмъ временемъ подробныхъ проектовъ. Не останавливаясь на подробностяхъ, мы приведемъ лишь нѣсколько выдержекъ, въ которыхъ ясно проявляется общій характеръ записки.

Егергорнъ начинаетъ свое изложеніе слѣдующими словами, характеризующими положеніе дѣлъ: „Чѣмъ болѣе мы приближаемся къ моменту, который на всегда долженъ рѣшить судьбу нашего отечества, тѣмъ сильнѣе мы ощущаемъ настоятельную необходимость собрать всякаго рода матеріалы для подготовленія и завершенія этого предпріятія“ [1]. Соображенія общаго характера, на которыхъ авторъ затѣмъ останавливается до перехода къ детальной критикѣ и къ изложенію собственнаго проекта, озаглавлены „Réflexions sur la nécessité, pour le bonheur de la nation finnoise, de maintenir son intégrité nationale“ — о необходимости, для счастія финскаго народа, сохранить его національную неприкосновенность. Изобразивъ въ общихъ чертахъ различіе физическихъ и духовныхъ качествъ финскаго и русскаго народовъ, Егергорнъ продолжаетъ: „Ясно, что одни и тѣ же законы и учрежденія могутъ оказаться самыми мудрыми, справедливыми и подходящими для русскаго народа: — — — и въ то же время примѣненные

---

[1] Plus nous approchons du moment qui pour jamais doit determiner le sort de la patrie, plus nous sentons le grand besoin de ramasser les materiaux de toute espèce, pour préparer et completter cette grande entreprise.

къ Финляндіи, хотя бы съ самыми лучшими намѣреніями, они никогда не могли бы осчастливить этотъ край; не подлежитъ никакому сомнѣнію, что несмотря на самыя мягкія и гуманныя средства, примѣръ которыхъ мы видимъ въ царствованіе Вашего Императорскаго Величества, примѣненіе въ Финляндіи тѣхъ же формъ и методовъ, какъ и въ прочихъ частяхъ Вашей обширной державы, вскорѣ измѣнило бы характеръ финскаго народа, навсегда уничтожило бы его достоинства и его національный духъ, привело бы въ замѣшательство экономическій бытъ, приспособленный къ климату страны, и, лишивъ народъ энергіи, повергло бы его въ бѣдствіе".

„Если какая нибудь держава желаетъ установить свое владычество надъ другою страною единственно на правѣ завоеванія, т. е. средствами силы и насилія, ведущими къ порабощенію и терроризму, то, очевидно, подобный порядокъ уже своими принципами готовитъ возстаніе; онъ, такъ сказать, повелѣваетъ всему, что въ порабощенномъ народѣ еще осталось великаго и благороднаго, возстать противъ него тайно или явно, исторія же слишкомъ ясно доказываетъ, насколько подобнаго рода политическія отношенія во всѣ времена бывали пагубны и опасны. Ни къ одному народу, какъ бы онъ ни казался ничтожнымъ, не слѣдуетъ относиться съ пренебреженіемъ; разъ сѣмя брошено, великіе политическіе перевороты всегда создаютъ событія, благопріятствующія народнымъ движеніямъ, и тогда отъ счастія, отъ случайностей и отъ ничтожныхъ обстоятельствъ можетъ зависѣть большее или меньшее ихъ значеніе".

„Я осмѣлился высказать эту политическую истину единственно, чтобы доказать, насколько благоразумно навсег-

да уничтожить въ умахъ финляндцевъ всякое воспоминаніе о прежнихъ ихъ связяхъ со Швеціею. — — Предоставить финляндцамъ положительныя выгоды при перемѣнѣ ихъ политическаго положенія,—это вѣрнѣйшее средство, чтобы привлечь ихъ къ новому Государю навсегда и со всею вѣрностью, на которую способенъ этотъ народъ. Въ тоже время это является непремѣннымъ условіемъ, дабы Его Императорское Величество пріобрѣлъ дѣйствительную выгоду отъ своего завоеванія" [1].

Егергорнъ указываетъ на обѣщанія, въ которыхъ Императоръ уже выразилъ свои намѣренія относительно Финляндіи, и признаетъ также важное значеніе того обстоя-

---

[1] «Si une puissance quelconque voudrait établir sa domination sur un autre pays uniquement par le droit de la conquête, cela veut dire par les moyens de la force et la violence, dont résulte l'oppression et le règne de la terreur, il est évident, qu'un tel régime a déjà organisé l'insurrection dans ses propres principes; il a, pour ainsi dire, commandé à tout ce qui soit encore grand et noble de la nation opprimée de devenir ses ennemis secrets ou déclarés, et l'histoire ne prouve que trop combien en tout temps des relations politique dans ce genre ont été funestes et dangereuses. Aucun peuple, aussi chétif qu'il puisse paraître, n'est à mépriser sur ce point, les grands mouvements politiques produisent toujours des événements favorables aux troubles populaires quand le germe en est jeté, et alors la fortune, les hasards ou un rien peut souvent seul décider le plus ou moins de leur importance.

J'ai osé mettre cette verité politique en évidence, uniquement pour prouver combien il est prudent d'effacer pour jamais de la mémoire des Finnois leur ancienne liaison avec la Suède. — De faire ainsi gagner solidement aux Finnois dans l'échange de leur état politique, est sans doute le moyen le plus sûr de les attacher pour jamais et avec toute la fidélité dont cette nation soit capable, à leur nouveau souverain; c'est aussi l'unique condition par laquelle S. M. I. puisse recueillir des avantages réels de sa conquête».

тельства, что Государь принялъ титулъ Великаго Князя Финляндскаго. Однако онъ полагаетъ, что этотъ титулъ слѣдовало бы замѣнить титуломъ „Король Финляндскій", такъ какъ Его Величеству, въ качествѣ правителя края, должны, необходимо, принадлежать вся королевская власть, прерогативы и достоинства, которыми облечены были прежніе короли Швеціи и Финляндіи [1].

Записка не достигла своей цѣли, такъ какъ одержало верхъ противоположное мнѣніе, согласно которому при тогдашнихъ обстоятельствахъ представлялось неудобнымъ вводить такого рода реформы, какія предлагались Егергорномъ. Но во всякомъ случаѣ эта записка, доказывая патріотизмъ и откровенность автора, свидѣтельствуетъ въ то же время о великодушіи Государя, который благосклонно принялъ высказанныя въ ней предостереженія. Кромѣ того, этотъ актъ, пожалуй, всетаки не остался безъ нѣкотораго вліянія на позднѣйшія дѣйствія Александра I. По крайней мѣрѣ нельзя не замѣтить сходства между соображеніями, изложенными въ запискѣ Егергорна, и мыслями, которыя высказывалъ Императоръ на Боргоскомъ сеймѣ.

$^{15}/_{27}$ марта 1809 г. Государь прибылъ въ Борго въ сопровожденіи Сперанскаго, министра иностранныхъ дѣлъ, гр. Румянцова, возвратившагося изъ Парижа, и другихъ русскихъ сановниковъ и придворныхъ чиновъ. На слѣдующій день онъ лично открылъ сеймъ. Затѣмъ $^{17}/_{29}$ марта, состоялся актъ, въ которомъ главнымъ образомъ заключается политическое значеніе Боргоскаго сейма. Занявъ мѣсто на установленномъ въ соборѣ тронѣ, который былъ

---

[1] «Doit nécessairement attacher à Sa Personne tout le pouvoir, les prérogatives et les dignités royales, dont nos anciens rois ont été revêtus».

украшенъ гербомъ Финляндіи, Императоръ велѣлъ генералъ-губернатору, барону Спренгтпортену, прочесть собравшимся чинамъ слѣдующее составленное на русскомъ языкѣ удостовѣреніе финляндской конституціи:

Божіею Милостію

МЫ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и прочая, и прочая, и прочая.

Произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ обладаніе Великаго Княжества Финляндіи, признали МЫ за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить Религію, коренные Законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего Княжества въ особенности и всѣ подданные оное населяющіе отъ мала до велика по Конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оные въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи; во удостовѣреніе чего и сію Грамоту собственноручнымъ подписаніемъ НАШИМЪ утвердить благоволили.

Въ городѣ Борго, Марта 15 дня 1809 года.

На подлинномъ подписано собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою тако:

АЛЕКСАНДРЪ.

Затѣмъ это удостовѣреніе, согласно повелѣнію Государя, торжественно было передано ландмаршалу, какъ главному представителю земскихъ чиновъ. Послѣ благодарственныхъ рѣчей тальмановъ всѣхъ сословій, каждое сословіе отдѣльно подходило къ трону для принесенія присяги, въ которой сословія обязывались. —

приводимъ слова присяги рыцарства и дворянства, — „признавать своимъ законнымъ Государемъ Александра I Императора и Самодержца Всероссійскаго, Великаго Князя Финляндскаго, и неизмѣнно сохранять основные законы и конституцію края въ томъ видѣ, какъ они въ настоящее время существуютъ и дѣйствуютъ“.

По поводу Высочайшаго удостовѣренія и присяги земскихъ чиновъ Императоръ $\frac{23 \text{ марта}}{4 \text{ апрѣля}}$ издалъ слѣдующее объявленіе:

„*Мы Александръ I*, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Великій Князь Финляндскій, и проч. и проч. Объявляемъ черезъ сіе: соединивъ сословія Финляндіи на общемъ сеймѣ и принявъ ихъ присягу вѣрности, мы пожелали при этомъ случаѣ торжественнымъ актомъ, объявленнымъ въ ихъ присутствіи, въ святилищѣ Всевышняго подтвердить и удостовѣрить сохраненіе религіи, основныхъ законовъ, правъ и преимуществъ, коими каждое сословіе въ частности и всѣ жители Финляндіи вообще доселѣ пользовались.

Обнародуя симъ этотъ актъ, Мы полагаемъ должнымъ вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстить Нашихъ вѣрныхъ подданныхъ въ Финляндіи, что слѣдуя старинному и чтимому обычаю этого края, Мы взираемъ на присягу вѣрности, добровольно и по собственному побужденію принесенную сословіями вообще и депутатами отъ крестьянъ въ частности, за себя и за своихъ довѣрителей, какъ на дѣйствительную и обязательную для всѣхъ жителей Финляндіи присягу.

Будучи глубоко увѣрены, что этотъ добрый и честный народъ навсегда сохранитъ къ Намъ и наслѣдникамъ

Нашимъ тѣ же чувства вѣрности и неизмѣнной привязанности, кои всегда его отличали, Мы приложимъ стараніе съ помощію Божіею постоянно давать ему новыя доказательства Нашихъ усердныхъ отеческихъ попеченій о его счастіи и преуспѣяніи. Борго, 23 марта 1809 г.".

Французскій подлинникъ, собственноручно подписанный Императоромъ и Великимъ Княземъ, гласитъ слѣдующимъ образомъ:

NOUS ALEXANDRE PREMIER, Empereur et Autocrateur de toutes les Russies etc. etc. etc., Grand Duc de Finlande etc. etc.

Ayant réuni les états de la Finlande en une Diète générale, et reçu leurs sermens de fidélité, NOUS avons voulu à cette occasion par un acte solennel émané en leur présence et proclamé dans le sanctuaire de l'Être Suprême confirmer et assurer le maintien de la Religion, des loix fondamentales, les droits et les privilèges dont chaque état en particulier et tous les habitans de la Finlande en général ont joui jusqu'à présent.

En faisant promulguer cet acte par ces présentes, NOUS croyons devoir instruire en même tems NOS fidèles sujets de Finlande qu'en NOUS conformant à l'usage antique et révéré de ce pays, NOUS regardons les sermens de fidélité prêtés par les états en général et par les députés des paysans en particulier en leur nom et en celui de leur commettans de leurs mouvemens propres et spontanés comme bons et obligatoires pour tous les habitans de la Finlande.

Intimement persuadé que ce peuple bon et loyal conservera à jamais pour NOUS et pour NOS successeurs les

mêmes sentimens de fidélité et d'attachement inviolable qui l'ont toujours distingué, NOUS NOUS attacherons à lui donner avec l'aide de Dieu de preuves continuelles de NOS soins assidus et paternels pour son bonheur et sa prospérité. A Borgo ce 23 Mars 1809.

Актъ принесенія присяги въ Боргоскомъ соборѣ окончился пѣніемъ псалма „Тебѣ Бога хвалимъ". Когда затѣмъ удостовѣреніе Императора Александра I и объявленіе $\frac{\text{23 марта}}{\text{1 апрѣля}}$ 1809 г., по особому Высочайшему повелѣнію, читались съ церковной кафедры во всѣхъ приходахъ Финляндіи, псалмъ этотъ былъ пропѣтъ по всей Финляндіи во славу Всевышняго. Съ тѣхъ поръ эти акты выставлены во всѣхъ церквахъ Финляндіи рядомъ съ удостовѣреніями, которыми всѣ преемники Александра I, за собственною подписью, подтвердили сохраненіе законовъ края. Такимъ образомъ поколѣнія финскаго народа, въ отдаленнѣйшихъ мѣстностяхъ, пріучались съ благоговѣніемъ взирать въ храмѣ Божіемъ на эти грамоты, громко призывающія ихъ къ неизмѣнной вѣрности Государю и отечеству и свидѣтельствующія вмѣстѣ съ тѣмъ о священныхъ обязательствахъ, которыя Государи съ своей стороны приняли на себя по отношенію къ своимъ финляндскимъ подданнымъ.

Съ чувствомъ глубокаго отвращенія мы переходимъ отъ этихъ фактовъ къ опроверженію софизмовъ, при помощи которыхъ г. Ординъ желаетъ лишить обѣщаніе Государя всякаго значенія. Вообще говоря, онъ ограничивается тѣмъ, что съ незначительными измѣненіями, но гораздо болѣе подробно повторяетъ свои примѣчанія къ очерку Мехелина „Précis du droit public du Grand-Duché

de Finlande“ и однородныя утвержденія, которыя уже были имъ высказаны во время полемики, вызванной этими примѣчаніями. По прежнему г. Ординъ старается доказать, что Императоръ Александръ I вовсе не утверждалъ конституціи Финляндіи, а такъ какъ подобный взглядъ прямо противорѣчитъ самому акту удостовѣренія и безчисленнымъ другимъ подлиннымъ и торжественнымъ выраженіямъ Императора, то автору приходится прибѣгать къ пріемамъ, которыхъ едва ли легко встрѣтить въ серьезной литературѣ какой бы то ни было страны.

Одинъ изъ доводовъ, которымъ г. Ординъ пытается подорвать значеніе удостовѣренія Императора Александра I, заключается въ томъ, что ни Государь, ни его русскіе помощники не имѣли „даже приблизительнаго понятія“ о содержаніи основныхъ законовъ Финляндіи и привилегій финляндскихъ сословій (II. 300, 315). Между тѣмъ г. Ордину извѣстны записки Маннергейма, Ребиндера и Бука о составѣ сейма и правахъ монарха и земскихъ чиновъ; онъ даже отчасти знакомитъ читателей съ содержаніемъ этихъ документовъ. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ онъ почти рѣшается признать, что Государь по этимъ запискамъ, быть можетъ, догадывался о политическомъ значеніи сейма, г. Ординъ спѣшитъ прибавить: „Но одно можно утвердительно сказать, что всѣ мемуары, которые предназначались для свѣдѣнія его, напр. письмо Маннергейма Салтыкову, записки Ребиндера и Бука, сглаживали или проходили молчаніемъ безправіе королевской власти“ (II. 299). Совершенно вѣрно: объ этомъ не могло быть и рѣчи по той простой причинѣ, что невозможно говорить о безправіи королевской власти, имѣя въ виду форму правленія 1772 г. и актъ соединенія и безопасности 1789

года. Но что королевская власть и по этимъ законамъ подлежала конституціоннымъ ограниченіямъ, на это въ упомянутыхъ запискахъ указывается совершенно ясно. Такъ напр., Маннергеймъ пишетъ: „Безъ согласія земскихъ чиновъ Государь ничего не можетъ измѣнять въ основныхъ законахъ, въ законахъ уголовныхъ и гражданскихъ 1734 года и въ привилегіяхъ сословій, а также не можетъ установлять новыхъ налоговъ“ [1].

Букъ, съ своей стороны, пишетъ: „Государственные чины Швеціи состоятъ изъ четырехъ сословій: дворянства, духовенства, горожанъ и крестьянъ, и такъ какъ всѣ предметы должны быть обсуждаемы каждымъ сословіемъ, то ни по какимъ дѣламъ, которыя поступаютъ на разсмотрѣніе сейма, рѣшеніе не можетъ быть утверждено монархомъ, если оно не принято большинствомъ, т. е. тремя сословіями; установленіе же всякихъ налоговъ, а также личныхъ и поземельныхъ повинностей, можетъ воспослѣдовать лишь съ согласія всѣхъ четырехъ сословій“ [2]. Что, наконецъ, касается мемуара Ребиндера, то здѣсь государственное положеніе монарха и народнаго представительства въ Финляндіи излагается слѣдующимъ образомъ:

---

[1] Le souverain ne peut rien changer dans les loix fondamentales, les loix criminelles et civiles, établies l'an 1734, les privileges de chaque ordre, ni etablir de nouvelles impôts, sans le consentement des Etats.

[2] Les Etats du Royaume de Suède (Riksens Ständer) sont composes de quatre ordres, savoir: celui de la noblesse, du clergé, des bourgeois et des paysans, et tous les objets devant être débattus par chaque ordre, aucun point dont la diète aura eu à délibérer ne peut être sanctionné par le Souverain à moins que la pluralité ou trois ordres ne l'ait adopté, mais tout objet d'impot ou de contribution personnelle ou territoriale ne peut être adopté qu'au consentement des quatre ordres».

„Финляндія, которая съ древнѣйшихъ временъ была соединена со Швеціею, управлялась согласно съ своими законами, основными и гражданскими. Первые покоятся главнымъ образомъ на слѣдующихъ трехъ принципахъ: 1) страна управляется королемъ, который подчиненъ законамъ; 2) всѣ граждане безъ изъятія свободны и пользуются тѣлесною и имущественною охраною и 3) народъ, въ лицѣ своихъ представителей, пользуется правомъ опредѣлять свою конституцію и свои законы и установлять налоги“ [1].

„Король располагаетъ всѣми должностями; важныя должности, требующія извѣстнаго довѣрія, находятся въ непосредственномъ распоряженіи короля, который также можетъ безъ формальностей увольнять лицъ, неисполняющихъ своего долга и лишившихся вслѣдствіе сего его довѣрія. При замѣщеніи всѣхъ прочихъ должностей представляются наиболѣе способныя лица, изъ коихъ король выбираетъ одно, которому и дается грамота на должность: эти должностныя лица не могутъ быть привлечены къ отвѣтственности безъ предварительнаго формальнаго слѣдствія и суда. Затѣмъ король распоряжается доходами государства, опредѣляетъ оклады содержанія по всѣмъ должностямъ, а также размѣръ извѣстныхъ сборовъ, какъ то: почтоваго, гербоваго и др.; установленіе всѣхъ другихъ налоговъ, какъ выше сказано, зависитъ отъ сословій, которыя лишь королемъ могутъ быть созваны на сеймъ. На сеймѣ король предлагаетъ имъ вопросы, по которымъ онъ желаетъ получить ихъ заключенія, причемъ они въ

---

[1] Предполагается, конечно, королевская санкція, какъ ясно вытекаетъ изъ нижеслѣдующаго.

своихъ обсужденіяхъ ограничены предѣлами переданныхъ имъ вопросовъ; однако сословіямъ предоставляется ходатайствовать, чтобы король разрѣшилъ имъ приступить къ обсужденію дѣла, которое они считаютъ безусловно необходимымъ для блага страны; ходатайство ихъ можетъ быть уважено или отклонено, по усмотрѣнію короля. Отъ короля же зависитъ во всякое время закрыть сеймъ".

„Прежде сословія собирались черезъ каждые три года и даже чаще и пользовались гораздо болѣе обширными правами, нежели теперь; но послѣ государственнаго переворота 1772 г. и акта безопасности 1789 г. за ними оставлены лишь вышеуказанныя ограниченныя права" [1].

---

[1] La Finlande, depuis les temps les plus reculés réunie à la Suède, a été gouvernée d'après ses loix, tant fondamentales que civiles. Les premières se fondent principalement sur trois principes: 1:o Que le pays soit gouverné par un roi assujetti aux loix, 2:o Que tous les citoyens sans exception soient libres ainsi que protégés tant à la vie qu'à leurs propriétés, et 3:o Que la nation, moyennant ses représentants, a le droit de faire sa constitution, dicter ses loix et stipuler les contributions du pays«.

Le droit du roi est celui de pourvoir à tous les offices; de telles places ou charges qui demandent une certaine confiance et qui sont de conséquence sont à la disposition immédiate du roi, qui en même temps a le pouvoir d'en demettre sans formalite ceux qui manquent à leurs devoirs et par-là ont perdu la confiance en eux mise. Pour toutes les autres places trois personnes les plus habiles sont présentées, dont le roi en choisira un, le munira de son brevet; ceux-ci ne peuvent être chargés sans avoir subi le procès et été jugés en forme. Plus, le roi est à la disposition des revenus de l'état et fixe les salaires de chaque place, ainsi que certaines taxes, c. a. d. la poste, le papier timbré etc.; mais tous les autres impots dépendent, comme susdit, des Etats, que le roi est seulement de droit de rassembler pour une diète, où il leur presente les matières dont il souhaite leurs avis et au-dessus de quoi ils n'ont pas le droit d'etendre leurs delibérations; pourtant il est à eux réservé de demander le consentement du roi

Что касается разсужденій г. Ордина по поводу манифеста о созваніи сейма, то мы прежде всего замѣтимъ, что онъ совершенно игнорируетъ введеніе, въ которомъ впервые встрѣчается титулъ „Великій Князь Финляндскій". Г. Ординъ полагаетъ, что этотъ актъ, по духу своему, согласуется съ манифестомъ $^{5}/_{17}$ іюня 1808 г., и въ доказательство ссылается на то, что сеймъ созывается „conformément aux constitutions du pays", а не „à la constitution", т. е. сообразно съ установленіями страны, а не съ конституціею (II, 303). Аргументъ этотъ уже извѣстенъ читателю по полемикѣ, вызванной очеркомъ г. Мехелина. Такъ какъ впослѣдствіи намъ еще придется вернуться къ нему, то мы ограничимся вопросомъ: какіе законы, если не политическіе, которые вмѣстѣ взятые составляютъ конституцію Финляндіи, имѣлись въ виду, по мнѣнію г. Ордина, когда Государь говоритъ, что рѣшеніе его о созывѣ сейма состоялось „conformément aux constitutions du pays" и когда онъ затѣмъ велитъ сословнымъ представителямъ явиться на сеймъ „de la manière prescrite dans les règlements de diète"?

Мы упомянули выше, что баронъ Де-Геєръ явился въ Петербургъ, чтобы въ качествѣ ландмаршала принять участіе въ приготовленіяхъ къ сейму. Въ Петербургъ былъ также вызванъ епископъ Абоской епархіи Яковъ Тенгстремъ,

---

d'entreprendre matière quelconque qu'ils jugent absolument nécessaire pour le bien du pays, ce qui peut leur être affirmé ou nié suivant l'opinion du roi. Aussi dépend-t-il du roi de finir la diète quand bon lui semble.

Ci-devant les États s'assemblèrent chaque 3e année et même plus souvent et avaient des droits bien plus larges qu'à présent, mais depuis le changement de régence de 1772 et l'acte de Sûreté de 1789 ils sont restreints aux circonstances ci-dessus nommées.

тальманъ сословія духовенства. Оба уже здѣсь принесли тальманскую присягу Государю. Утвержденный Императоромъ текстъ этой присяги также краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, что Александръ I твердо рѣшился признавать въ Финляндіи силу шведско-финской конституціи.

Де-Гееръ принесъ присягу по слѣдующей формѣ:

„Moi, soussigné, promets et jure devant Dieu et sur Son saint Evangile, que par la grâce de S. M. l'Empereur de Russie et Grand Duc de Finlande, mon Maître, étant nommé maréchal de la noblesse à la diète de Finlande, convoquée dans la ville de Borgo, je soutiendrai et appuierai avec impartialité et intrépidité tous les droits de la Couronne, ainsi que les privilèges de la noblesse, et les droits des états, conformément aux constitutions en vigueur et aux loix fondamentales confirmées par S. M. l'Empereur; que je remplirai les devoirs de ma charge d'après les règlements et statuts et que je ne souffrirai rien qui puisse porter préjudice ou désavantage aux intérêts de l'Empereur et de ma patrie. Je m'engage sur la foi et l'honneur de chevalier d'accomplir ces promesses et prie Dieu de sauver mon âme autant que j'observerai ce serment; ainsi Dieu me soit en aide en mon corps et en mon âme“ [1].

---

[1] „Я, нижеподписавшійся, обѣщаю и клянусь передъ Богомъ и Св. Его Евангеліемъ, что, бывъ по милости Его Величества Россійскаго Императора и Великаго Князя Финляндіи, моего Государя, назначенъ ландмаршаломъ на финляндскомъ сеймѣ, созванномъ въ городѣ Борго, буду поддерживать и утверждать безпристрастно и безбоязненно всѣ права короны, также какъ привилегіи дворянства и права сословій, сообразно дѣйствующимъ конституціямъ и основнымъ законамъ, подтвержденнымъ Его Величествомъ Императоромъ; исполню обязан-

Присяга епископа Тенгстрема изложена въ одинаковыхъ выраженіяхъ за нѣкоторыми лишь измѣненіями, оказавшимися необходимыми въ виду того, что Тенгстремъ, по званію своему, являлся представителемъ лютеранской церкви въ Финляндіи. Такъ напр., онъ обѣщался хранить и защищать евангелическо-лютеранское ученіе: „je ferai tous mes efforts pour maintenir et défendre la vraie et pure doctrine évangelique luthérienne".

Разсматривая обѣ присяги, г. Ординъ приходитъ къ тому заключенію, что они признаютъ за Императоромъ неограниченную самодержавную власть въ Финляндіи! Это заключеніе основывается, между прочимъ, на сличеніи присяги Де-Геера и Тенгстрема съ присягою, которая на шведскихъ сеймахъ приносилась ландмаршаломъ и архіепископомъ. Обратимся къ разсмотрѣнію его доводовъ.

Г. Ординъ придаетъ особенное значеніе тому обстоятельству, что во французскомъ текстѣ присяги Де-Геера названіе „ландмаршалъ", которое до того обозначало предводителя всего сейма, переведено словами „maréchal de la noblesse"; по его мнѣнію, это „конечно, вполнѣ видоизмѣняло характеръ дѣятельности и значеніе маршала, и приближало въ нѣкоторой мѣрѣ къ русскимъ предводителямъ дворянства" (II, 312). Это предположеніе ни на чемъ не основано: въ отношеніи къ другимъ тальманамъ ландмаршалъ и прежде былъ лишь primus inter pares, но вовсе не

ности моего званія по правиламъ и уставамъ и не потерплю ничего, что могло бы принести ущербъ или принести невыгоду интересамъ Императора и моего отечества. Обязываюсь честью рыцаря выполнить эти обѣщанія и молю Бога о спасеніи моей души, доколѣ буду соблюдать эту присягу; — и да будетъ мнѣ Богъ въ помощь душевно и тѣлесно".

предводитель всѣхъ сословій. Кромѣ того г. Ордину не трудно убѣдиться, что уже Маннергеймъ, въ своей запискѣ отъ 28 декабря 1808 г., говоря о составѣ сеймовъ въ Швеціи, употребляетъ выраженіе „maréchal de la noblesse“ для обозначенія ландмаршала, а изъ приложеній къ своему собственному сочиненію онъ можетъ узнать, что Сперанскій въ своихъ письмахъ, относящихся ко времени Боргоскаго сейма, насколько намъ извѣстно, послѣдовательно называетъ Де-Геера „maréchal de la diète“. Это обстоятельство также опровергаетъ мнѣніе о различіи приведенныхъ названій.

Второе замѣчаніе г. Ордина еще слабѣе. Де-Гееръ говоритъ, что онъ назначенъ „милостію Его Величества“; въ Швеціи маршалъ, согласно цитированному документу, просто упоминалъ о своемъ назначеніи, безъ такого прибавленія. Съ подобными дешевыми доводами можно придти къ крайне страннымъ выводамъ, стоитъ только обратить вниманіе, какъ такого рода выраженія расточались въ Швеціи во время „періода свободы“. Значенія юридическаго подобный доводъ, конечно, никогда имѣть не можетъ.

Приведенныя различія, замѣчаемыя между шведскою тальманскою присягою и принесенною Де-Гееромъ и Тенгстремомъ въ 1809 г., оказываются такимъ образомъ вымышленными или лишенными всякаго значенія. Однако остается еще одно различіе, на которое необходимо обратить вниманіе, хотя оно вовсе не доказываетъ того, что хочетъ доказать г. Ординъ. Онъ указываетъ, что въ Швеціи тальманы обязывались охранять права и привилегіи сословій по точно опредѣленнымъ и перечисленнымъ законамъ, тогда какъ Де-Гееръ — не упоминая никакого опредѣленнаго закона — ссылался только на „дѣйствующія установ-

ленія и основные законы, утвержденные Его Величествомъ Императоромъ" (II, 314). Прежде всего замѣтимъ, что эта формула относится вовсе не исключительно къ обѣщанію охранять права и привилегіи сословій, но и къ обязательству охранять права *короны*. Затѣмъ, во избѣжаніе недоразумѣній, слѣдуетъ указать, что слова „утвержденные Его Величествомъ Императоромъ" (confirmées par S. M. l'Empereur) не означаютъ, какъ полагаетъ г. Ординъ, что лишь нѣкоторые основные законы были утверждены Императоромъ: неправильность подобнаго ограничительнаго толкованія явствуетъ уже изъ того обстоятельства, что въ присягѣ Тенгстрема слова эти не встрѣчаются. Вовсе не упоминая объ утвержденіи Государемъ основныхъ законовъ, тальманъ сословія духовенства обѣщаетъ охранять и защищать лютеранское ученіе, а также „les droits de la couronne et la liberté des états, conformément aux constitutions en vigueur et aux lois fondamentales". Мы ограничиваемся этими предварительными замѣчаніями и намѣрены нѣсколько далѣе изложить наши возраженія по поводу выводовъ, къ которымъ г. Ординъ приходитъ на томъ основаніи, что отдѣльные основные законы не перечисляются ни въ присягѣ тальмановъ, ни въ объявленномъ на сеймѣ удостовѣреніи Императора.

Однако мы еще далеко не исчерпали всѣхъ соображеній, высказанныхъ г. Ординымъ по поводу присяги тальмановъ. Рѣшающее значеніе въ его глазахъ имѣетъ то обстоятельство, что Де-Гееръ обѣщался охранять „права короны" — „tous les droits de la couronne". Но какой короны? Ни короны, ни престола финляндскихъ, по мнѣнію г. Ордина, никогда не было. „Оставалось охрана правъ короны только русскаго Императора, передъ которою Де-

Геерь и могъ себя обязывать. Но по русскому государственному праву Россійскій Императоръ есть Государь неограниченный и самодержавный. *Неограниченный*, воля котораго не стѣснена тѣми или другими нормами, поставленными выше его власти. *Самодержавный*, то есть не раздѣляющій своихъ верховныхъ правъ ни съ какимъ установленіемъ или сословіемъ въ государствѣ; каждый актъ его воли получаетъ обязательную силу, независимо отъ согласія, одобренія или утвержденія другого установленія. Финляндія вошла теперь въ составъ Россійской Имперіи, какъ составная ея часть, „въ чредѣ народовъ ее составляющихъ", и къ ней неизбѣжно примѣнялся общій принципъ неограниченной и самодержавной верховной власти" (II, 313). Вотъ примѣръ умозаключеній г. Ордина: онъ постоянно обходитъ самую суть дѣла! Требовалось бы прежде всего доказать, что Императоръ, принимая присягу Де-Геера и Тенгстрема, дѣйствительно считалъ корону, т. е. правительственную власть въ Финляндіи, тождественною съ Имперскою: но именно это главное обстоятельство вовсе не затрагивается. Читателю приходится довольствоваться тѣмъ, что г. Ординъ предполагаетъ существованіе такого тождества. Онъ не рѣшаетъ и даже не ставитъ вопроса, какимъ образомъ возможно въ той же присягѣ признавать власть Государя неограниченною и вмѣстѣ съ тѣмъ обязываться охранять права короны лишь насколько это согласно съ основными законами, обѣщая въ то же время поддерживать и защищать права и привилегіи, которыя по основнымъ законамъ принадлежатъ сословіямъ.

Столь же голословно утвержденіе г. Ордина, что, обѣщая охранять интересы своего отечества (de ma patrie),

Де-Гееръ и Тенгстремъ могли подразумѣвать только интересы Россіи. Когда шведскіе ландмаршалы и архіепископы въ своей присягѣ упоминали о своемъ отечествѣ, то это касалось Швеціи. Теперь въ права Швеціи вступила Россія, слѣдовательно Россія являлась для Де-Геера и Тенгстрема новымъ отечествомъ, интересы котораго они обѣщали охранять. Лишь впослѣдствіи, „какъ извѣстно", финляндцы стали признавать своимъ отечествомъ только Финляндію, дѣйствуя для охраны его въ ущербъ и вредъ Россіи (II, 317). Наивно было бы предположить, что самъ г. Ординъ вѣритъ своимъ словамъ. Онъ слишкомъ хорошо знаетъ, что уже въ 1809 г. финляндцы считали своимъ отечествомъ Финляндію и что Александръ I, какъ и его преемники, въ этомъ отношеніи всегда проводили строгое различіе между Финляндіею и Имперіею. Въ рѣчи, произнесенной при открытіи сейма, Императоръ выражался слѣдующимъ образомъ: „j'ai désiré vous voir pour vous donner une nouvelle preuve de Mes intentions pour le bien de *votre patrie*" — „Я желалъ васъ видѣть, чтобы дать вамъ новое доказательство Моихъ намѣреній для блага *вашего отечества*".

Отрадный примѣръ вѣротерпимости и въ то же время новое доказательство, что Александръ I теперь признавалъ внутреннюю независимость Финляндіи, заключается въ томъ фактѣ, что Императоръ дозволилъ лютеранскому епископу обязаться въ своей присягѣ охранять „истинное и чистое евангелическое лютеранское ученіе". Дойдя до этого пункта, г. Ординъ забываетъ всѣ предѣлы внѣшняго приличія, которые онъ до того соблюдалъ въ отношеніи памяти Александра I и Сперанскаго. Читатель узнаетъ, что оказанное Императоромъ и его статсъ-секретаремъ по-

слабленіе можно объяснить только шаткостью религіозныхъ убѣжденій того времени. „Это неудивительно въ Императорѣ Александрѣ I, который лишь въ тридцатилѣтнемъ возрастѣ, по преданію, ознакомился съ Евангеліемъ; но въ александроневскомъ семинаристѣ Сперанскомъ оно представляется рѣшительнымъ вѣроотступничествомъ“ (II, 316 — 317). — Авторъ упускаетъ изъ виду, что читатель можетъ поставить вопросъ: кто вѣрнѣе понялъ истинную суть христіанской вѣры, Александръ I и Сперанскій или ихъ злостный клеветникъ? Признавая и соблюдая принципы вѣротерпимости и благороднѣйшей гуманности, Александръ I и Сперанскій совмѣстнымъ трудомъ сѣяли сѣмена, изъ которыхъ взошли душевный миръ и спокойное счастіе для милліоновъ, тогда какъ г. Ординъ и его единомышленники проповѣдуютъ ученія всенивелирующаго разрушенія и сѣютъ ядовитыя сѣмена религіознаго насилія и національной ненависти.

Мы можемъ теперь перейти къ разъясненіямъ, которыя г. Ординъ приводитъ по поводу акта удостовѣренія отъ 15/27 марта 1809 г. и другихъ однородныхъ выраженій Императора Александра I. Наглядно изложить всѣ извороты мысли автора представляется далеко не легкою задачею, такъ какъ, очевидно, сознавая слабость аргументаціи, онъ громоздитъ свои утвержденія въ хаотическомъ безпорядкѣ.

Читатель помнитъ, что уже во время полемики по поводу очерка Мехелина „Précis du droit etc.“ г. Ординъ указывалъ на различія, замѣчаемыя при сличеніи русскаго подлинника со шведскимъ переводомъ Высочайшаго удо-

стовѣренія [1]. Въ своемъ собственномъ сочиненіи онъ вновь перечисляетъ эти различія, съ прибавленіемъ новыхъ, и по прежнему выставляетъ на видъ ихъ пагубное вліяніе на отношенія Финляндіи къ Россіи (II, 338 — 341).

Мы уже раньше соглашались и теперь повторяемъ, что шведскій переводъ не исполненъ съ тою дипломатическою точностью, которую мы въ настоящее время привыкли требовать отъ столь важныхъ документовъ. Мы, однако, также остаемся при прежнемъ своемъ мнѣніи, что всѣ указанныя различія не имѣютъ значенія, такъ какъ и шведскій текстъ вѣрно передаетъ намѣренія Государя.

Первое замѣчаніе г. Ордина касается слова „вновь" передъ словами „утвердить и удостовѣрить религію и коренные законы"; слово это въ шведскомъ переводѣ пропущено. Г. Ординъ полагаетъ, что при этомъ съ финляндской стороны хотѣли придать большее значеніе Боргоскому акту. Насколько это справедливо, можно заключить, между прочимъ, изъ того обстоятельства, что уже наканунѣ объявленія удостовѣренія и передачи его ландмаршалу тальманы торжественно принесли Императору глубокую благодарность земскихъ чиновъ за обѣщаніе сохранить религію и конституцію края.

Во второмъ замѣчаніи г. Ординъ указываетъ, что въ шведскомъ текстѣ передъ словомъ религія „religion" вставлено слово „landets" (страны). Въ русскомъ текстѣ, по мнѣнію г. Ордина, говорится только объ утвержденіи религіи всѣхъ подданныхъ вообще и каждаго въ отдѣльности. Вставленнымъ же словомъ было утверждено евангелическо-лютеранское ученіе. Однако, само собою разумѣется, что и удо-

---

[1] Ср. выше стр. 5.

стовѣреніемъ общаго характера должны были быть утверждены права лютеранскаго исповѣданія, которое почти исключительно господствовало въ завоеванной въ то время части Финляндіи. Православное исповѣданіе, въ сущности, лишь послѣ присоединенія Выборгской губерніи къ главной части края получило нѣкоторое значеніе. Но и помимо этого не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что утвержденіе „религіи“ на самомъ дѣлѣ заключало въ себѣ признаніе лютеранской церкви господствующею церковью въ Финляндіи. По русскому подлиннику Императоръ также утверждаетъ „права и преимущества, коими каждое состояніе сего княжества — — доселѣ пользовались“. Но именно въ привилегіяхъ духовенства подробно указаны права лютеранской церкви, въ томъ видѣ, въ какомъ они были установлены со времени реформаціи. Далѣе напомнимъ, что Императоръ дозволилъ епископу Тенгстрему упомянуть въ своей присягѣ объ обязанности „охранять и защищать истинное и чистое евангелическо-лютеранское вѣроученіе“. Наконецъ, самое выраженіе „религія страны“ встрѣчается въ документѣ, утвержденномъ Императоромъ и торжественно переданномъ земскимъ чинамъ. Высочайшія предложенія, подписанныя Сперанскимъ и прочитанныя земскимъ чинамъ въ присутствіи Императора $^{16}/_{28}$ марта, начинаются слѣдующимъ заявленіемъ: „Sa Majesté Impériale en réunissant les états de Finlande en une Diète générale a bien voulu donner par là une preuve solemnelle de ses intentions généreuses de conserver et maintenir inviolablement *la religion. les loix, la constitution du pays*, les droits et privilèges de tous les états en général et de chaque citoyen en particulier“. („Его Императорское Величество, созывая сословія Финляндіи на общій сеймъ, же-

лалъ явить тѣмъ самымъ торжественное доказательство Его великодушныхъ намѣреній сохранить и соблюсти ненарушимо религію, законы, конституцію страны, права и привилегіи всѣхъ сословій вообще и каждаго гражданина въ частности").

Слѣдующая ошибка, на которую указываетъ г. Ординъ, заключается въ томъ, что слово „подданные" замѣнено словомъ „inbyggare" (жители). Охотно допускаемъ, что переводъ не точенъ, но, если г. Ординъ желаетъ насъ увѣрить, что удостовѣреніе Государя касалось лишь тѣхъ жителей Финляндіи, которые уже въ предъидущемъ году приняли присягу и такимъ образомъ признали себя русскими подданными, то это прямо противорѣчитъ неоднократнымъ заявленіямъ самого Императора. Въ рѣчи, произнесенной Александромъ I по принесеніи сословіями присяги вѣрности, Императоръ называетъ эту присягу „принесенною Мнѣ жителями Финляндіи" — „les habitans de la Finlande", а затѣмъ относительно своего удостовѣренія онъ говоритъ: „en leur (aux habitans de la Finlande) promettant de maintenir leur religion, leurs loix fondamentales, j'ai voulu" etc.. Въ объявленіи отъ $\frac{\text{23 марта}}{\text{4 апрѣля}}$ Императоръ указываетъ, что въ своемъ удостовѣреніи онъ обѣщалъ „confirmer et assurer — — les droits et les privilèges — — dont tous les habitans de la Finlande ont joui jusqu'à présent".

Въ четвертомъ замѣчаніи г. Ординъ говоритъ о томъ, что слово „конституція" въ шведскомъ текстѣ употреблено въ единственномъ числѣ, въ русскомъ же подлинникѣ во множественномъ. Мы повторяемъ сказанное нами уже ранѣе въ нашей полемикѣ съ г. Ординымъ. Въ рѣчи при открытіи сейма Императоръ выражается слѣдующимъ обра-

зомъ: „J'ai promis de maintenir votre constitution, vos loix fondamentales“ — Я обѣщалъ сохранить вашу конституцію, ваши основные законы; а въ введеніи къ Высочайшимъ предложеніямъ земскимъ чинамъ также сказано, что Императоръ утвердилъ „la constitution du pays“. Мы могли бы привести много другихъ утвержденныхъ Императоромъ актовъ того же времени, въ которыхъ слово „конституція“ встрѣчается въ единственномъ числѣ. Ограничимся однимъ примѣромъ, который доказываетъ, что и земскіе чины такъ понимали дѣло. Въ рѣчи, произнесенной 17/29 марта при принесеніи присяги, тальманъ крестьянскаго сословія выражаетъ благодарность сословія за то, что Императоръ обѣщался сохранить *конституцію Финляндіи*. Во французскомъ переводѣ, который былъ представленъ на утвержденіе Государя, сказано: „Aussi l'ordre des paysans va mettre aux pieds de V. M. I. ses remerciments les plus soumis de l'assurance solemnelle, scellée par la signature de Votre nom auguste, que V. M. I. vient de donner aujourd'hui selon les loix fondamentales de ce pays du maintien très gracieux de la constitution de Finlande“ [1].

Какимъ же образомъ г. Ординъ старается отдѣлаться отъ этихъ удостовѣреній и заявленій, которыя въ отношеніи ясности ничего не оставляютъ желать? Во первыхъ, онъ отводитъ имъ мѣсто въ числѣ приложеній или же слегка скользитъ по нимъ безъ комментаріевъ, а затѣмъ

[1] Крестьянское сословіе также повергаетъ къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества свою всеподданнѣйшую благодарность за торжественное, собственноручно подписанное Вашимъ Величествомъ, удостовѣреніе о всемилостивѣйшемъ сохраненіи конституціи Финляндіи, которое Ваше Императорское Величество дали сегодня согласно основнымъ законамъ сего края.

слово „конституція“ всюду, гдѣ оно встрѣчается въ единственномъ числѣ, переводится имъ — „устройство“, „организація“ (II, 343)[1]. Пусть читатель повѣритъ, если онъ хочетъ и можетъ, что Александръ I, ученикъ Лагарпа, не зналъ значенія слова „конституція“ и не понималъ, какой смыслъ заключался въ обѣщаніяхъ сохранять „votre constitution“, „la constitution du pays“, „la constitution de Finlande“ и т. п.

Въ пятомъ и послѣднемъ замѣчаніи приведено, по мнѣнію г. Ордина, весьма важное различіе: въ русскомъ подлинникѣ манифестъ названъ „грамота“, въ шведскомъ же текстѣ слово „грамота“ переведено употреблявшимся въ Швеціи выраженіемъ „försäkringsakt“ (актъ удостовѣренія). Посмотримъ опять, какъ выражается самъ Императоръ. Въ объявленіи $\frac{\text{23 марта}}{\text{4 апрѣля}}$ Императоръ называетъ манифестъ, объявленный въ святилищѣ Всевышняго „un acte solennelle“ — торжественнымъ актомъ — которымъ онъ хотѣлъ „подтвердить и удостовѣрить“ (confirmer et assurer) сохраненіе религіи и т. д.[2]. Развѣ въ Финляндіи поступали неправильно, называя этотъ манифестъ „актомъ удостовѣренія“[3].

---

[1] Замѣчанія г. Ордина по поводу удостовѣренія Императоровъ Александра II и Александра III (II, 340) будутъ нами разсмотрѣны впослѣдствіи.

[2] Въ своемъ переводѣ г. Ординъ (II, 358) въ двухъ мѣстахъ пропускаетъ слово «acte» (актъ).

[3] Укажемъ кстати на обвиненіе г. Ордина, что „финскіе писатели вопреки очевидности“ сопоставляютъ манифестъ $^{15}/_{27}$ марта съ соотвѣтственными удостовѣреніями, которыя давались шведскими королями въ силу основныхъ законовъ (II, 354). Установившійся въ Фин-

Разсмотрѣвъ всѣ замѣчанія г. Ордина, мы убѣждаемся, что они лишены всякаго основанія. Во время полемики по поводу очерка Мехелина „Précis du droit" онъ еще не высказывался положительно относительно того, какъ слѣдуетъ объяснить появленіе указанныхъ ошибокъ [1]. Теперь онъ, не колеблясь, называетъ этотъ актъ „подложнымъ". Именно это выраженіе употребляетъ г. Ординъ. И это, говоритъ авторъ, въ сочиненіи котораго встрѣчаются безчисленныя искаженія, даже весьма сомнительнаго свойства — укажемъ напр., какъ онъ передаетъ слова Ребиндера о правахъ Государя въ нашей странѣ: онъ рѣшается утверждать, что новыя поколѣнія воспитывались въ Финляндіи и пріобрѣтали свои политическія убѣжденія въ увѣренности, что этотъ „подложный переводъ" является достовѣрнымъ актомъ (II, 340 — 341).

Мы видѣли, что „коренные законы" утверждены манифестомъ 15/27 марта. Фактъ этотъ ставитъ г. Ордина въ весьма неудобное положеніе; ибо къ чему въ такомъ случаѣ ведутъ всѣ попытки отрицать значеніе слова „конституція"? Начавши, надо продолжать, и потому нашъ авторъ смѣло рѣшается также отрицать утвержденіе основныхъ законовъ. Онъ является съ теоріею о различіи, существующемъ будто бы между коренными и основными законами. Политическими являются только основные законы, содержащіе въ себѣ основы государственнаго порядка.

ляндіи взглядъ на этотъ вопросъ вполнѣ согласуется съ толкованіемъ, высказаннымъ при самомъ принесеніи присяги. Выше нами уже приведена выдержка изъ рѣчи тальмана крестьянскаго сословія, въ которой сказано, что удостовѣреніе Государя дано «selon les loix fondamentales du pays» — согласно основнымъ законамъ сего края.

[1] Ср. „Новое Время" 9/21 января 1888 г.

коренные же законы составляютъ „предметъ общаго и давняго, укоренившагося сознанія“, въ данномъ случаѣ они касались, напр., личной свободы крестьянъ, права для всѣхъ владѣть землею, неимѣнія рекрутской повинности [1]. По мнѣнію г. Ордина, Государь, утверждая коренные законы, разумѣется, имѣлъ въ виду лишь положенія послѣдняго рода (II, 336). Но оказывается, что Императоръ неоднократно употребляетъ по французски слова „loix fondamentales“. Необходимо и это выраженіе понимать въ указанномъ смыслѣ и потому заявленіе Императора: „J'ai promis de maintenir votre constitution, vos loix fondamentales“ переводится у г. Ордина такимъ образомъ, какъ будто рѣчь идетъ только о какомъ то болѣе или менѣе неопредѣленномъ административномъ „устройствѣ“ и о нѣкоторыхъ, еще болѣе неопредѣленныхъ „коренныхъ законахъ“, въ родѣ личной свободы и т. п. (II, 344).

Въ виду такихъ произвольныхъ предположеній весьма возможно, что читатель уже потерялъ охоту далѣе останавливаться на комментаріяхъ г. Ордина къ манифесту $^{15}/_{27}$ марта 1809 г. Но мы рѣшились въ болѣе важныхъ вопросахъ слѣдовать за авторомъ во всѣ его лазейки, надѣясь на терпѣніе читателя.

Предположимъ на время, что неразумное разумно и что всѣ соображенія г. Ордина относительно конституціи и основныхъ законовъ правильны. Что остается отъ удостовѣренія Александра I? Остается утвержденіе „правъ и

---

[1] Г. Ординъ умалчиваетъ, что въ Швеціи политическія права народа, законодательныя и финансовыя, по крайней мѣрѣ столь же древни, какъ и его соціальная свобода и что всѣ эти различныя права срослись въ одно органическое цѣлое.

преимуществъ, коими каждое состояніе сего княжества въ особенности и всѣ подданные оное населяющіе отъ мала до велика по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались". Или, выражаясь словами объявленія $\frac{\text{23 марта}}{\text{4 апрѣля}}$, утвержденіе „les droits et les privilèges dont chaque état en particulier et tous les habitans de la Finlande en général ont joui jusqu'à présent". Къ правамъ, которыми населеніе Финляндіи пользовалось во время шведскаго владычества, принадлежало также право въ лицѣ своихъ законныхъ представителей участвовать, вмѣстѣ съ Государемъ, въ рѣшеніи общихъ государственныхъ дѣлъ. Но финско-шведское народное представительство имѣло сословный характеръ и въ числѣ правъ отдѣльныхъ сословій важнѣйшее касалось участіе сословія въ народномъ представительствѣ, въ установленіи законовъ и налоговъ. Слѣдовательно, утверждая права и преимущества, коими каждое сословіе въ особенности и все населеніе вообще до того времени пользовались, Императоръ тѣмъ самымъ утверждалъ политическія права финляндскаго народа, т. е. государственное устройство Финляндіи.

Г. Ординъ указываетъ на слова, которыми начинается актъ удостовѣренія: „произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ обладаніе Великаго Княжества" и продолжаетъ: „въ этихъ словахъ содержался весь принципъ не конституціоннаго, а самодержавнаго Государя, власть котораго признается имѣющею божественное происхожденіе" (II, 335 — 336). Смѣшеніе понятій поразительно! Развѣ г. Ординъ дѣйствительно не знаетъ, что и конституціонные государи признаютъ божественное происхожденіе своей власти и что, въ частности, въ Швеціи короли даже во время „періода свободы" называли себя королями „Божіею Милостію".

Чтобы доказать невозможность утвержденія Александромъ I конституціи Финляндіи, г. Ординъ неоднократно повторяетъ, что это противорѣчило бы существующему въ Россіи образу правленія. Станемъ на точку зрѣнія г. Ордина и предположимъ, — хотя предположеніе это совершенно неправильно и противорѣчитъ фактамъ, — что въ Финляндіи до Боргоскаго сейма дѣйствовали тѣ же законы, что и въ Россіи. Развѣ въ такомъ случаѣ Самодержавный Россійскій Императоръ, власть котораго неограничена, не могъ по благоусмотрѣнію предоставить Финляндіи особое государственное устройство? Развѣ онъ не можетъ, совершенно такъ же, и теперь издать конституцію для всей Имперіи или для нѣкоторой части ея? Отъ предположеній вернемся къ дѣйствительности и вспомнимъ, что въ 1809 г. ни одинъ русскій законъ не имѣлъ силы въ Финляндіи; въ такомъ случаѣ вопросъ ставится такъ: развѣ Самодержавный Россійскій Императоръ не можетъ быть въ то же время конституціоннымъ Государемъ другой страны, неразрывно соединенной съ Имперіею? Такъ какъ мнѣнія г. Ордина заключаютъ въ себѣ отрицаніе этой возможности, то мы совѣтуемъ ему вдуматься въ слѣдующую выдержку изъ ст. I акта Вѣнскаго конгресса отъ 9 іюня 1815 г.: „Le Duché de Varsovie — est réuni à l'Empire de Russie. Il y sera lié irrévocablement par sa Constitution, pour être possédé par Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies, Ses héritiers et Ses successeurs à perpétuité. Sa Majesté Impériale se réserve de donner à cet Etat, jouissant d'une administration distincte, l'extension intérieure qu'Elle jugera convenable. Elle prendra avec Ses autres titres celui de Czar, Roi de Pologne —. Les Polonois, sujets re-

spectifs de la Russie, de l'Autriche et de la Prusse, obtiendront une représentation et des institutions nationales" [1].

Согласно съ этою статьею Императоръ Александръ I подписалъ конституцію Польши, на вѣчныя времена соединенной съ Россіею. Что Польша въ настоящее время составляетъ русскую провинцію, въ которой дѣйствуютъ русскіе законы, это фактъ, который насъ не касается. Но, если бы г. Ординъ пожелалъ вывести отсюда заключенія по отношенію къ Финляндіи, то мы имѣемъ полное право рѣшительно протестовать, пока онъ не можетъ доказать, что въ нашемъ краѣ происходили событія, аналогичныя съ тѣми, которыя повели къ отмѣнѣ польской конституціи.

Первая статья акта Вѣнскаго конгресса поучительна также въ другомъ отношеніи. Герцогство Варшавское положительно признано государствомъ съ особою конституціею и упоминается о титулѣ „Царя (Короля) Польскаго": совершенно такимъ же образомъ Императоръ Александръ I до того призналъ Финляндію государствомъ (état) [2] съ особою конституціею и принялъ титулъ „Великаго Князя Финляндскаго". Тѣмъ не менѣе, актъ Вѣнскаго конгресса на-

---

[1] Герцогство Варшавское навсегда присоединяется къ Россійской Имперіи. Оно въ силу своей конституціи будетъ въ неразрывной съ Россіею связи, и во владѣніи Е. В. Императора Всероссійскаго, наслѣдниковъ Его и преемниковъ на вѣчныя времена. Его Императорское Величество предполагаетъ даровать, по Своему благоусмотрѣнію, внутреннее устройство сему государству, имѣющему состоять подъ особеннымъ управленіемъ. Его Величество присовокупитъ къ прочимъ титуламъ и титулъ Царя (Короля) Польскаго. Поляки, какъ Россійскіе подданные, такъ равномѣрно и Австрійскіе и Прусскіе, будутъ имѣть народныхъ представителей и національныя государственныя учрежденія.

[2] Ср. выше стр. 6.

зываетъ жителей возстановленнаго царства польскаго „sujets de la Russie“ Россійскими подданными, очевидно желая этимъ указать, что въ международныхъ отношеніяхъ Польша являлась частью, провинціею русской державы. Изъ этого видно какое значеніе можно придавать тому обстоятельству, что Александръ въ письмѣ къ Наполеону весною 1808 г. называетъ Финляндію „province russe“ и затѣмъ въ манифестѣ 5/17 іюня 1808 г. о соединеніи Финляндіи съ Россійскою Имперіею говоритъ о Финляндіи, какъ о провинціи. Помимо того, что эти акты относятся къ такому времени, когда Императоръ еще не пришелъ къ окончательному рѣшенію по вопросу объ отношеніяхъ, которыя онъ намѣревался установить между Финляндіею и Россіею, было бы неправильно считать выраженіе „провинція“, по тогдашнимъ понятіямъ, несовмѣстимымъ съ утвержденіемъ особаго государственнаго устройства Финляндіи. Это было бы столь же неправильно, какъ если бы кто нибудь, основываясь на словахъ акта Вѣнскаго конгресса „sujets de la Russie“ рѣшился утверждать, что этотъ актъ не признавалъ Польшу государствомъ и не предоставлялъ полякамъ права на особую конституцію.

Отрицая самый фактъ утвержденія конституціи Финляндіи, г. Ординъ въ тоже время старается доказать, что во всякомъ случаѣ не была утверждена тогдашняя шведская конституція, въ томъ видѣ, въ которомъ она изложена въ формѣ Правленія 1772 г. и въ Актѣ соединенія и безопасности 1789 г. Его аргументація и тутъ не болѣе доказательна, чѣмъ его прежніе софизмы.

Онъ приводитъ разговоръ, который происходилъ наканунѣ принесенія присяги между Сперанскимъ, бывшимъ

председателемъ финляндской депутаціи Маннергеймомъ и другимъ финляндскимъ дворяниномъ, Моріаномъ. Въ запискахъ Маннергейма, цитируемыхъ Кастреномъ, разсказано, что Маннергеймъ и Моріанъ указывали на форму Правленія 1772 г. и на Актъ соединенія и безопасности 1789 г., какъ на „настоящіе основные законы, сохраненіе которыхъ было обѣщано Его Величествомъ“: Сперанскій же при этомъ замѣтилъ, что нѣкоторыя положенія этихъ законодательныхъ актовъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ не представлялись „пригодными“. Г. Ординъ видитъ здѣсь неудавшуюся попытку финляндцевъ добиться включенія въ актъ удостовѣренія положительной ссылки на указанные основные законы (II, 355). Однако Маннергеймъ разсказываетъ далѣе, что вечеромъ того же дня, перепуганный слухомъ будто Императоръ не намѣренъ утвердить форму Правленія 1772 г., онъ отправился къ Сперанскому и здѣсь прочелъ объявленный затѣмъ Государемъ актъ удостовѣренія, въ которомъ въ общихъ выраженіяхъ утверждались основные законы края и права и привилегіи всѣхъ сословій; „обрадованный этимъ“, такъ пишетъ Маннергеймъ, „я спокойно отправился домой“ [1]. Разумѣется, объ этихъ послѣднихъ словахъ г. Ординъ умалчиваетъ.

Въ связи съ замѣчаніемъ Сперанскаго, г. Ординъ приводитъ изъ шведскихъ основныхъ законовъ отдѣльныя положенія, которыя никоимъ образомъ не могли быть утверждены Императоромъ, и въ виду этого онъ заключаетъ, что самые основные законы и въ прочихъ частяхъ не были утверждены. Для облегченія труда онъ при этомъ въ числѣ постановленій, дѣйствовавшихъ въ 1809 г., при-

[1] Castrén, Skildringar. стр. 141.

водитъ и такія, которыя по принятіи Акта соединенія и безопасности совершенно или отчасти потеряли силу. Это касается, напр., напечатанной у г. Ордина формы королевской присяги, которая была принята въ Швеціи на сеймѣ 1778 г. Авторъ указываетъ, что въ ней встрѣчаются унизительныя для русскаго Императора выраженія (II, 352 и приложенія стр. 47); но уже при коронованіи Густава IV Адольфа текстъ этой присяги былъ видоизмѣненъ. Это однако сравнительно неважно, такъ какъ никѣмъ не оспаривается, что въ 1809 г. въ основныхъ законахъ Швеціи заключались положенія, которыя не могли быть примѣняемы въ Финляндіи по соединеніи ея съ Россійскою Имперіею. Сюда относятся опредѣленія § 1 Формы Правленія, насколько ими требуется, чтобы Государь былъ лютеранинъ, а также § 3, который постановляетъ: „въ отношеніи престолонаслѣдія не должно быть учинено ни малой перемѣны противъ условія, составленнаго и одобреннаго въ Стокгольмѣ въ 1743 г.“ — — Разумѣется, уже въ 1809 г. для всѣхъ было ясно, что подобныя опредѣленія отмѣнялись самымъ фактомъ отдѣленія Финляндіи отъ Швеціи и что сословія Финляндіи, присягнувъ Россійскому Императору, какъ Великому Князю Финляндскому, тѣмъ самымъ признали эту отмѣну; но до г. Ордина (II, 315, ср. II, 337) никому не приходило въ голову приводить указанные параграфы въ доказательство того, что шведская конституція являлась возможною или невозможною въ Финляндіи.

Не подобными постановленіями затруднялось рѣшеніе вопроса о томъ, какія нормы слѣдуетъ считать дѣйствующимъ закономъ въ Финляндіи послѣ 1809 г. Причина была другая; законодательные акты, относящіеся къ тому

времени, когда Финляндія была соединена со Швеціею, естественно содержать опредѣленія, которыя не могли быть примѣняемы отдѣльно въ Финляндіи, хотя бы въ виду того, что въ Финляндіи въ 1809 г. не имѣлись и даже впослѣдствіи не были введены всѣ учрежденія, существованіе которыхъ предполагается основными законами. Затрудненія, вызываемыя этимъ обстоятельствомъ, могли быть устранены лишь совмѣстно Государемъ и земскими чинами посредствомъ измѣненія соотвѣтственныхъ постановленій въ порядкѣ, предписанномъ основными законами. Подобныя предположенія возникали какъ въ 1809 г., такъ и позднѣе, но на дѣлѣ они остались безъ послѣдствій и потому не подлежитъ сомнѣнію, что по разнымъ вопросамъ явилась нѣкоторая неопредѣленность. Столь же несомнѣнно и то, что эта неопредѣленность, въ первое время, во многихъ отношеніяхъ расширяла власть Монарха, такъ какъ рѣшеніе фактически зависѣло отъ толкованія, принятаго Государемъ и его совѣтниками. Если бы г. Ординъ указалъ на это обстоятельство, то нельзя было бы ничего возразить. Но онъ идетъ гораздо дальше. Несмотря на всѣ свои отрицанія, онъ соглашается въ минуту слабости допустить въ видѣ предположенія, что Александръ I желалъ утвердить нѣкоторыя законоположенія шведской конституціи, но сейчасъ же спѣшитъ прибавить, что, такъ какъ эти законоположенія не были перечислены въ Высочайшемъ удостовѣреніи, то „все осталось въ произволеніи русскаго Императора“ (II, 337). Другими словами: Государь утверждаетъ права и привилегіи, коими каждое сословіе въ особенности и всѣ жители вообще доселѣ пользовались, „обѣщая хранить оныя въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи“, но это утвержденіе ничтожно, по-

тому что эти права и привилегіи въ удостовѣреніи особо не перечислены. Каково, по мнѣнію г. Ордина, умственное развитіе читателей, которымъ онъ рѣшается преподнести подобную безсмыслицу?

Излишне было бы подробно доказывать, что Высочайшее удостовѣреніе основныхъ законовъ прежде всего касалось Формы Правленія 1772 г. и Акта соединенія и безопасности 1789 г. Именно въ этихъ законахъ заключаются самыя полныя и подробныя опредѣленія правъ и привилегій, которыми жители Финляндіи до того времени пользовались. Вполнѣ достаточнымъ доказательствомъ являются тѣ безчисленныя ссылки на упомянутые законы, которыя встрѣчаются въ позднѣйшихъ правительственныхъ актахъ. Что же касается земскихъ чиновъ, то уже въ протоколахъ 1809 г.[1] неоднократно повторяются ссылки на форму Правленія и Актъ соединенія и безопасности. До приступленія къ обсужденію Высочайшихъ предложеній, въ крестьянскомъ сословіи $\frac{\text{1 апрѣля}}{\text{20 марта}}$ „были прочтены Форма Правленія отъ 21 августа 1772 г., Актъ соединенія и безопасности отъ 21 февраля и 4 апрѣля 1789 г., королевское удостовѣреніе правъ и привилегій крестьянства отъ 4 апрѣля того же года, сеймовый уставъ отъ 24 ян-

[1] Изъ списка литературныхъ пособій, приложеннаго къ первому тому, а также изъ самого содержанія сочиненія г. Ордина можно заключить, что автору эти протоколы извѣстны только по очеркамъ Кастрена. Такъ напр., онъ утверждаетъ (II, 346), что изъ рѣчей, произнесенныхъ тальманами при открытіи сейма, сохранились только рѣчи епископа Тенгстрема и крестьянина Клокара. Въ дѣйствительности же рѣчи ландмаршала и тальмана городскаго сословія напечатаны въ протоколахъ рыцарства и дворянства и сословія горожанъ.

варя 1617 г. и прочія постановленія, которыя должны служить руководствомъ при преніяхъ".

Все съ тѣмъ же намѣреніемъ доказать, что Александръ I не утверждалъ Формы Правленія 1772 г., г. Ординъ указываетъ на то, что записка Егергорна отъ 26 февраля 1809 г., о составленіи новой конституціи для Финляндіи, осталась безъ послѣдствій (II, 387 и сл.). Какъ связана посылка съ заключеніемъ, этого г. Ординъ не объясняетъ, но онъ за то приводитъ письмо Сперанскаго къ Де-Гееру отъ 6 іюня 1809 г., въ которомъ ландмаршалу положительно предписывается слѣдить за тѣмъ, чтобы земскіе чины ограничивались обсужденіемъ Высочайшихъ предложеній. „Ничто постороннее этимъ предложеніямъ не будетъ допущено къ обсужденію; таковы всегда были намѣренія Его Величества, и хотя представляются еще предметы, регулированіе коихъ очень интересно для пользы страны и въ особенности для упроченія ея конституціи, но эти предметы по свойству своему таковы, что требуютъ зрѣлаго ихъ изученія, прежде чѣмъ предложить ихъ на обсужденіе сословій. А такъ какъ ничего еще для сего труда не приготовлено, то этого рода вопросы должны быть на этотъ разъ тщательно устраняемы.

Ваше Превосходительство сами соглашались съ вѣрностію этого замѣчанія при разговорѣ въ Петербургѣ и Борго о проектѣ измѣненій въ конституціи, предположенномъ г. Егергорномъ"[1].

---

[1] «Rien d'étranger à ces propositions ne sera admis à la discussion; telles ont toujours été les intentions de S. M. I. et quoiqu'il se présente encore plusieurs matières très intéressantes à régler pour le bien du pays, et surtout pour la solidité de sa constitution: mais ces matières sont de

Это письмо, замѣчаетъ г.召динъ (II, 390), „служитъ къ истинному пониманію, и значенія боргоскаго сейма, и силы тѣхъ мимолетныхъ (!) словъ, коими какъ будто утверждалась конституція Финляндіи“. Нѣсколько далѣе, онъ прибавляетъ, что комментаріи здѣсь излишни. Дѣйствительно они излишни. Сперанскій объявляетъ волю Государя, чтобы всѣ вопросы касательно реформы финляндской конституціи (la constitution du pays), какъ недостаточно подготовленные, на этотъ разъ (pour le moment) были устранены. Существованіе конституціи признается и указывается на упроченіе ея въ будущемъ; слѣдовательно, эта конституція остается въ томъ же неизмѣнномъ видѣ, въ которомъ она изложена въ прежнихъ законахъ. Изъ этого письма вытекаетъ, что взгляды Императора и Сперанскаго были прямо противоположны заключеніямъ, къ которымъ приходитъ г. Ординъ.

Читателю уже не разъ приходилось знакомиться съ оскорбленіями, которыми г. Ординъ осыпаетъ и русскихъ государственныхъ дѣятелей, не руководившихся въ отношеніи

---

nature à être mûrement approfondies avant que de les proposer à la discussion des états, et comme rien n'est encore préparé pour ce travail, ces sortes de questions doivent être pour le moment soigneusement écartées. V. Exc. est convenue elle même de la justesse de cette observation lorsque j'ai eu l'honneur de l'entretenir à Pétersbourg et à Borgo sur le projet de réforme de la constitution, proposé par Mr Jegerhorn». — Запрещеніе обсуждать вопросы, не заключавшіеся въ Высочайшихъ предложеніяхъ, не отнимало у земскихъ чиновъ предоставленнаго имъ основными законами права представлять по подобнымъ вопросамъ петиціи. Сперанскій даже самъ указывалъ на подобный исходъ въ письмѣ къ ландмаршалу отъ 20 апрѣля; на самомъ дѣлѣ земскіе чины 1809 г., какъ извѣстно, представили правительству цѣлый рядъ какъ общихъ, такъ и отдѣльныхъ петицій по самымъ разнообразнымъ предметамъ.

Финляндіи тою жаждою разрушенія и ненавистью къ свободнымъ учрежденіямъ, которыя мы замѣчаемъ у г. Ордина. Мы также видѣли, что г. Ординъ не останавливается даже передъ особою Монарха. Но всѣ его намеки на политическую неспособность и несамостоятельность Императора Александра I, на его незнакомство со Священнымъ Писаніемъ и т. п., блѣднѣютъ передъ слѣдующимъ обвиненіемъ: „Утвержденіе шведской конституціи какъ основнаго закона для этой страны поставило бы Императора Александра не только въ противорѣчіе съ его священнымъ долгомъ противъ Россіи, — долгомъ торжественно признаннымъ передъ лицомъ Божіимъ при короновании на царство, но и прямо во враждебное къ ней положеніе“ (II, 337).

Г. Ординъ обвиняетъ, слѣдовательно, Императора въ томъ, что онъ нарушилъ клятву, принесенную имъ при коронованіи. Обвиненіе не теряетъ своего значенія, хотя оно и высказано въ условной формѣ. Ибо, какъ мы видѣли, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Императоръ Александръ утвердилъ для Финляндіи конституцію, которая до того была общею конституціею Финляндіи и Швеціи. Эту конституцію Государь также утвердилъ передъ лицомъ Божіимъ или, выражаясь словами самого Императора, въ святилищѣ Всевышняго „dans le sanctuaire de l'Etre Suprême“; онъ ее утвердилъ не только устно, но и собственноручно подписаннымъ имъ актомъ удостовѣренія, переданнымъ земскимъ чинамъ. Въ рѣчахъ, съ которыми онъ обращался къ земскимъ чинамъ, и въ своихъ манифестахъ къ финскому народу, какъ во время Боргоскаго сейма, такъ и гораздо позднѣе, Государь неоднократно признавалъ все значеніе этого дѣйствія и обязательствъ, кото-

рыя онъ при этомъ принялъ на себя. Г. Ордину все это извѣстно и всетаки онъ разсуждаетъ: если Александръ I утвердилъ конституцію Финляндіи, то онъ нарушилъ присягу, принесенную имъ при коронованіи, другими словами, если онъ сдѣлалъ то, что онъ дѣйствительно сдѣлалъ, то онъ клятвопреступникъ. Но мало того, всѣ преемники Александра I, Императоры Николай I, Александръ II и Александръ III утверждали конституцію Финляндіи, слѣдовательно, обвиненіе г. Ордина относится и къ нимъ. Но къ счастію автора, спасеніемъ его является условное „если"! Разумѣется, иначе г. Гофмейстеръ могъ бы попасть подъ судъ за оскорбленіе Величества.

И подобное сочиненіе Императорская Академія Наукъ удостоила преміи!

Пренія, къ которымъ земскіе чины приступили по принесеніи присяги, оказали весьма большое вліяніе на урегулированіе внутреннихъ дѣлъ Финляндіи, но по вопросу объ отношеніяхъ Финляндіи къ Россіи они имѣютъ лишь второстепенное значеніе. Мы поэтому можемъ ограничиться краткимъ замѣчаніемъ по поводу соотвѣтственной главы сочиненія г. Ордина, тѣмъ болѣе, что и авторъ лишь на нѣкоторыхъ частныхъ вопросахъ останавливается подробнѣе.

Г. Ординъ отрицаетъ, чтобы отъ земскихъ чиновъ, по переданнымъ имъ предложеніямъ, требовались обязывающія къ чему нибудь рѣшенія; по его мнѣнію, рѣчь шла лишь о простыхъ заключеніяхъ и въ подтвержденіе своего взгляда онъ ссылается на самыя предложенія и на

письма Сперанскаго, въ которыхъ говорится о заключеніяхъ (avis) земскихъ чиновъ. Замѣтивъ затѣмъ, что Де-Гееръ, во всеподданнѣйшемъ донесеніи отъ 15/27 апрѣля, называетъ рѣшенія земскихъ чиновъ невиннымъ, ничего не доказывающимъ выраженіемъ „décisions“, онъ разражается противъ Де-Геера и сотоварищей, инсинуируя, что они какъ бы мимоходомъ употребили это выраженіе въ бумагѣ, которую „конечно, Императоръ Александръ въ подробности не читалъ“ и цѣль въ извѣстномъ смыслѣ достигалась (II, 367 — 368). Пожалуй этимъ же лицамъ слѣдуетъ приписать въ письмѣ Сперанскаго къ Де-Гееру отъ 21 мая / 2 іюня - слова „conclusions définitives“, а въ письмѣ Сперанскаго къ къ Спренгтпортену отъ 2/14 апрѣля то мѣсто, гдѣ говорится, что составленіе проекта регламента будущаго управленія края поручено коммиссіи изъ членовъ сейма, и указывается, что такимъ образомъ можно вѣрнѣе разсчитывать на *согласіе* сейма (par là son consentement en sera plus sûr)? Однако подобный методъ изслѣдованія не приводитъ насъ къ положительнымъ результатамъ. При Густавѣ III всеподданнѣйшія представленія земскихъ чиновъ сплошь и рядомъ назывались „заключеніями“ (utlåtande, avis), независимо отъ того, имѣлъ ли король по основнымъ законамъ право рѣшить дѣло самостоятельно[1]. Не удиви-

[1] Весьма поучительнымъ примѣромъ можетъ служить § 3 рѣшенія риксдага 1786 г.: „Въ виду постановленій §§ 40, 41, 42 и 43 и 57 Формы Правленія и принимая во вниманіе, что сеймовый уставъ 1617 г. не принятъ къ руководству въ тѣхъ частяхъ, которыя измѣнены Формою Правленія, мы единогласно пришли къ тому мнѣнію, что во всѣхъ дѣлахъ, по которымъ указанными постановленіями основнаго закона требуется *заключеніе* (utlåtande) государственныхъ чиновъ, за исключеніемъ дѣлъ о привилегіяхъ и временныхъ налогахъ, о коихъ

тельно поэтому, что и на Боргоскомъ сеймѣ всѣ отвѣты земскихъ чиновъ на Высочайшія предложенія названы этимъ выраженіемъ, и обстоятельство это не имѣетъ никакого значенія при рѣшеніи вопроса о ихъ правовомъ характерѣ. Императоръ утвердилъ основные законы Финляндіи: отсюда прямо слѣдуетъ, что правовой характеръ отзывовъ земскихъ чиновъ зависѣлъ отъ правъ, которыя, смотря по роду дѣла, принадлежали сейму въ силу основныхъ законовъ. Руководствуясь этимъ принципомъ, мы при детальномъ изслѣдованіи приходимъ къ тому заключенію, что сеймовыя рѣшенія содержали частью такія положенія, которыя, будучи утверждены Государемъ, могли быть отмѣнены не иначе, какъ по воспослѣдовавшему въ законномъ порядкѣ согласію земскихъ чиновъ, частью же спеціальныя опредѣленія, измѣненіе которыхъ по прежнему зависѣло отъ благоусмотрѣнія Монарха.

Вся глава, въ которой говорится о занятіяхъ сейма и излагается содержаніе переписки Сперанскаго съ руководящими на сеймѣ лицами, изобилуетъ инсинуаціями по адресу финляндцевъ, стремившихся, будто бы, всякими тайными ходами присвоить себѣ власть, которую Императоръ не имѣлъ въ виду имъ предоставить. Но послѣ всего,

особо постановлено въ томъ же законѣ, необходимо согласіе большинства трехъ сословій, чтобы состоялось рѣшеніе (röst — голосъ государственныхъ чиновъ; если же два сословія высказались противъ двухъ остальныхъ, то вопросъ остается въ прежнемъ положеніи". Чтобы убѣдиться, что при этомъ дѣйствительно имѣлись въ виду вопросы, по которымъ земскіе чины пользовались одинаковыми правами съ монархомъ, достаточно прочесть хотя бы первый изъ приведенныхъ параграфовъ, § 40 Ф. Пр. 1772 г.: „Король не можетъ издать новый законъ или измѣнить старый безъ вѣдома и согласія государственныхъ чиновъ".

что нами приведено выше, мы не считаемъ себѣ обязанными опровергать искаженія г. Ордина. Укажемъ только, что теперь авторъ слѣдующимъ образомъ объясняетъ поведеніе Сперанскаго: подъ вліяніемъ „лести", которою финляндцы его окружали, онъ старался быть имъ пріятнымъ и, повидимому, мало оглядывался на Россію съ ея интересами (II, 377)!

Торжественное закрытіе сейма воспослѣдовало 19/7 іюля. Императоръ вторично прибылъ въ Борго и по принятіи отзывовъ на Высочайшія предложенія, распуская земскіе чины, произнесъ слѣдующую, часто цитированную рѣчь:

„En réunissant les États de la Finlande en une Diète générale J'ai voulu connoitre les désirs et les sentimens de la nation sur ses véritables intérêts.

J'appelai votre attention sur les objets les plus importans à votre prospérité. Me reposant entièrement sur la loyauté de votre caractère, fort d'ailleurs de la pureté de Mes intentions, J'ai laissé à vos délibérations une parfaite liberté. Aucune influence, aucune autorité étrangère à la vôtre, n'osa franchir le seuil de ces portes. J'ai veillé sur l'indépendance de vos opinions. Absent, Je Me trouvois au milieu de vous par les voeux que Je ne cessois de faire pour le succès de vos travaux.

Les avis que vous venez d'émettre portent le caractère de la sagesse et de l'amour de la patrie. Je les prendrai en considération dans l'oeuvre importante que Je médite pour votre prospérité.

Vos travaux cessent dès ce moment. Mais en vous séparant, vous avez des devoirs essentiels à remplir.

Portez dans le sein de vos provinces, imprimez dans l'esprit de vos compatriotes la même confiance qui a présidé ici à vos délibérations. Inspirez-leur la même conviction, la même assurance sur les objets les plus importans à votre existence politique: le maintien de vos loix, la sûreté personnelle, le respect inviolable à vos propriétés.

Ce peuple brave et loyal bénira la Providence qui a amené l'ordre de choses actuel. Placé désormais au rang des nations, sous l'empire de ses loix, il ne se ressouviendra de la domination passée que pour cultiver des rapports d'amitié lorsqu'ils seront rétablis par la paix.

Et Moi, J'aurai recueilli le plus grand fruit de Mes soins quand Je verrai cette nation tranquille au dehors, libre dans l'intérieur, se livrant sous la protection des loix et des bonnes moeurs à l'agriculture et à l'industrie, par le fait même de sa prospérité rendre justice à Mes intentions et bénir ses destinées".

„Созывая сословія Финляндіи на общій сеймъ, Я желалъ узнать желанія и мысли народа на счетъ истинныхъ его интересовъ.

Я призвалъ ваше вниманіе на предметы наиболѣе важные для вашего преуспѣянія. Вполнѣ полагаясь на лояльность вашего характера, опираясь впрочемъ на чистоту Моихъ намѣреній, Я оставилъ вашимъ сужденіямъ полную свободу. Никакое вліяніе, никакая власть, кромѣ вашей, не осмѣлилась переступить порогъ этой двери. Я охранялъ независимость вашихъ мнѣній. Отсутствуя, Я былъ среди васъ Моими непрестанными желаніями успѣха вашимъ трудамъ.

Мнѣнія, которыя вы теперь изложили, носятъ характеръ мудрости и любви къ отечеству. Я приму ихъ въ соображеніе въ важномъ дѣлѣ, Мною обдумываемомъ въ видахъ вашего преуспѣянія.

Занятія ваши съ этой минуты прекращаются. Но, расходясь, вамъ предстоитъ исполнить существенныя обязанности.

Несите въ глубину вашихъ провинцій, запечатлѣйте въ умахъ вашихъ соотечественниковъ то же довѣріе, которое господствовало здѣсь при вашихъ трудахъ. Внушите имъ то же убѣжденіе, ту же увѣренность въ главнѣйшихъ предметахъ вашего политическаго существованія, въ сохраненіи вашихъ законовъ, личной безопасности, ненарушимомъ уваженіи вашей собственности.

Этотъ храбрый и лояльный народъ благословитъ Провидѣніе, приведшее къ настоящему порядку вещей. Занимая отнынѣ мѣсто въ чредѣ народовъ, подъ властію своихъ законовъ, онъ вспомнитъ о прежнемъ господствѣ лишь для того, чтобы развивать отношенія дружбы, когда миръ ихъ возстановитъ.

Я же соберу лучшіе плоды Моихъ попеченій, когда увижу этотъ народъ спокойнымъ извнѣ, свободнымъ внутри, предающимся подъ покровительствомъ законовъ и добрыхъ нравовъ земледѣлію и промышленности, и самымъ своимъ преуспѣяніемъ воздающимъ справедливость Моимъ намѣреніямъ и благословляющимъ свою судьбу".

Чѣмъ внимательнѣе читаешь рѣчи Александра I на Боргоскомъ сеймѣ, тѣмъ яснѣе становится его истинныя намѣренія въ отношеніи будущности Финляндіи. При открытіи сейма, обѣщая сохранить конституцію и основные законы края, онъ замѣтилъ: „Cette réunion fera époque

dans votre existence politique" - это собраніе составитъ эпоху въ вашемъ политическомъ существованіи. При закрытіи сейма, онъ велитъ сословнымъ представителямъ внушить своимъ соотечественникамъ во всѣхъ провинціяхъ Финляндіи ту же увѣренность, которою они сами воодушевлены, — „sur les objets les plus importans à votre existence politique" — въ главнѣйшихъ предметахъ вашего политическаго существованія. Далѣе онъ говоритъ о финскомъ народѣ: „placé désormais au rang des nations, sous l'empire de ses loix", — занимая отнынѣ мѣсто въ чредѣ народовъ, подъ властью своихъ законовъ. Не отъ человѣческой власти зависѣло предоставить финнамъ мѣсто въ чредѣ народовъ въ этнографическомъ отношеніи, — это мѣсто они занимали уже съ начала среднихъ вѣковъ; но Александръ I могъ создать для этого народа особое политическое существованіе. Именно это Императоръ и имѣлъ въ виду. Онъ объясняетъ, что финскій народъ, подъ властью своихъ законовъ, будетъ „*libre dans l'intérieur*", пользоваться независимостью отъ всякихъ законовъ и властей, кромѣ собственныхъ. Но слѣдуетъ помнить: независимостью лишь въ этомъ отношеніи. Императоръ не предоставляетъ Финляндіи независимости въ отношеніяхъ международныхъ. Во всѣхъ своихъ удостовѣреніяхъ онъ исходитъ изъ того предположенія, что Финляндія состоитъ не въ личной уніи съ Россіею, но неразрывно съ нею соединена, что она составляетъ часть, подраздѣленіе — не Россіи, въ отношеніи законодательства и управленія, — но Россійской Императорской державы въ отношеніи къ другимъ державамъ. Согласно съ симъ земскіе чины Финляндіи присягнули Александру I не только какъ Великому Князю Финляндіи, но и какъ главѣ державы; и когда $^{29}/_{17}$ марта

въ Боргскомъ соборѣ, по принесеніи сословіями присяги вѣрности и послѣ отвѣтной рѣчи Императора, герольдъ приблизился къ трону, онъ привѣтствовалъ новаго монарха края словами: „да здравствуетъ Императоръ Всероссійскій, Великій Князь Финляндскій“.

По поводу рѣчи Императора при закрытіи сейма г. Ординъ говоритъ: „Рѣчь Императора-побѣдителя, рѣчь чувствительная, болѣе соотвѣтствовала доброму сердцу, нежели высокому пониманію государственныхъ интересовъ великой Имперіи. Но то была дань вѣку, дань фразѣ, составлявшей характерную черту эпохи. О любви къ отечеству говорили и писали много и краснорѣчиво, но вѣрнаго опредѣленія истиннаго патріотизма оказывалось мало“ (II, 409). Какъ мы видѣли, эти же мысли, въ еще болѣе рѣзкой формѣ, высказаны г. Ординымъ въ другомъ мѣстѣ, гдѣ онъ утверждаетъ, что Императоръ нарушилъ клятву, данную имъ при коронованіи, если онъ дѣйствительно утвердилъ конституцію Финляндіи. Здѣсь опять повторяется обвиненіе, что Александръ I своею финляндскою политикою причинилъ вредъ интересамъ Россіи. Спрашивается: дѣйствительно ли Финляндія на Боргскомъ сеймѣ исключительно принимала подарокъ и вѣрно ли, что финскій народъ въ лицѣ своихъ представителей ничѣмъ не отплатилъ за богатый даръ Императора Александра I?

Да, это былъ богатый даръ, столь богатый, что даже самые могущественные государи лишь рѣдко въ подобной мѣрѣ могутъ осчастливить цѣлый народъ. Въ теченіе столѣтій жители Финляндіи, въ мирное и военное время, вѣрно стояли на сторонѣ Швеціи; при этомъ они достигли той степени культуры, когда народъ понемногу начинаетъ сознавать свои собственные національные интересы, кото-

рые въ столь многихъ отношеніяхъ отличались отъ шведскихъ. Быть можетъ, при нормальныхъ условіяхъ, Финляндія, съ теченіемъ времени, оставаясь частью шведской державы, могла бы пріобрѣсти внутреннюю независимость, безусловно необходимую для ея преуспѣянія. Но, какъ бы то ни было, при тѣхъ международныхъ политическихъ отношеніяхъ, которыя установились на сѣверѣ со времени войны Петра I съ Карломъ XII, это представлялось невозможнымъ. Россія стремилась къ Ботническому заливу, уже два раза Финляндія была занята русскими войсками и весною 1809 г. весь край, до самой сѣверной границы, опять находился подъ властью русскаго оружія. Въ случаѣ окончательнаго присоединенія Финляндіи къ Россіи, побѣдитель могъ бы стараться насильно разрушить молодые всходы самостоятельной культуры, приспособленной къ нравамъ и образу мыслей финскаго народа, и навязать ему чуждый общественный строй, который неизбѣжно парализовалъ бы его энергію. Но разрушеніе счастія отдѣльныхъ лицъ и уничтоженіе стремленій и надеждъ цѣлаго народа не входили въ царскіе идеалы Александра Благословеннаго. Предоставивъ Финляндіи внутреннюю независимость, онъ далъ просторъ присущимъ народу силамъ и такимъ образомъ подготовилъ почву, на которой Финляндія въ настоящемъ столѣтіи достигла матеріальнаго и духовнаго развитія, по своей быстротѣ едва ли не безпримѣрнаго въ столь сѣверныхъ широтахъ и при тѣхъ скудныхъ средствахъ, коими природа надѣлила нашу страну. Здѣсь, если гдѣ либо, умѣстны слова: по плодамъ слѣдуетъ судить о деревѣ.

Но и непосредственно по присоединеніи Финляндіи къ русской державѣ Россія пожинала плоды политики Александра I.

При открытіи сейма Императоръ заявилъ, что созваніе земскихъ чиновъ имѣло цѣлью укрѣпить узы, привязывающія финляндскій народъ къ новому порядку вещей, и *пополнить* права, предоставленныя ему военнымъ счастіемъ. (Cette réunion — — — est destinée à affermir les noeuds qui vous attachent au nouvel ordre de choses, à compléter les droits que le sort de la guerre M'a déférés). По принесеніи земскими чинами присяги, онъ указалъ, что узы, соединяющія его съ жителями Финляндіи, освящены этимъ торжественнымъ актомъ (consacrés par cet acte solemnel). Въ Высочайшемъ объявленіи отъ $\frac{23\ \text{марта}}{4\ \text{апрѣля}}$ онъ указываетъ, что взираетъ на присягу вѣрности, добровольно и по собственному побужденію принесенную сословіями вообще и представителями отъ крестьянъ въ частности, какъ на обязательную для всѣхъ жителей Финляндіи, — признавая этимъ, что присяга, которая въ предъидущемъ году была принесена населеніемъ по принужденію, не была достаточна. Приведенныя, а также многія другія однородныя выраженія, и вообще все поведеніе Императора доказываютъ, какое значеніе онъ придавалъ тому, чтобы вслѣдъ за вынужденнымъ подчиненіемъ послѣдовало добровольное, обязательная сила котораго сознавалась и признавалась бы самими финляндцами. Фактъ этотъ объясняется столько же великодушнымъ и гуманнымъ образомъ мыслей Александра I, сколько и требованіями военнаго и политическаго положенія.

Уже въ началѣ войны въ Петербургѣ проектировалась экспедиція въ самую Швецію. За нѣсколько дней до открытія сейма произведена была первая, неудачная попытка. Императоръ однако твердо рѣшился не отказываться отъ своего намѣренія и новая экспедиція повела къ

окончанію войны. Что, если бы народныя возстанія минувшаго года возобновились въ такое время, когда почти все руское войско оставило Финляндію? Что, если бы этимъ возстаніямъ была оказана поддержка шведскимъ, а быть можетъ и англійскимъ флотомъ? При самомъ крайнемъ шовинизмѣ нельзя отрицать, что руские отряды въ такомъ случаѣ были бы поставлены въ весьма критическое положеніе: не слѣдуетъ забывать, что война Россіи съ Турціею въ то время еще продолжалась. Но все измѣнялось, коль скоро миръ въ Финляндіи былъ обезпеченъ, и это именно необходимое условіе всѣхъ дальнѣйшихъ мѣропріятій достигалось переданнымъ земскимъ чинамъ удостовѣреніемъ, въ которомъ Императоръ утверждалъ конституцію Финляндіи. Съ того времени соединеніе съ Россійскою державою являлось для финляндскаго народа не уничтоженіемъ драгоцѣннѣйшихъ его правъ, а началомъ новой эпохи высшаго развитія его политическаго существованія.

Замѣтимъ также: коль скоро Финляндія ради собственныхъ интересовъ съ лояльною вѣрностью должна была держаться соединенія съ Россіею, то и въ будущемъ устранялись затрудненія, съ которыми приходилось бы бороться руской политикѣ въ томъ случаѣ, если бы завоеванный край, оставаясь посторонимъ членомъ державы, при первомъ благопріятномъ случаѣ готовъ былъ сбросить свои оковы. Едва ли Александръ I, при возвращеніи изъ Эрфурта, питалъ полное довѣріе къ Наполеону. Въ Іенѣ, на полѣ битвы, гдѣ французы два года тому назадъ гнали передъ собою пруссаковъ, побѣдитель устроилъ охоту на зайцевъ и съ грубою заносчивостью пригласилъ одного изъ членовъ пруского королевскаго дома, съ которымъ руский Императоръ былъ связанъ узами близкаго родства. Наполеонъ не

щадилъ даже самого Александра I. Въ присутствіи русскаго Императора и великаго князя Константина онъ демонстративнымъ образомъ заставилъ своихъ гренадеровъ разсказывать о подвигахъ, совершенныхъ ими въ битвахъ съ русскими, такъ что Константинъ принужденъ былъ удалиться, чтобы сдержать свой гнѣвъ. У Александра I должно было возникнуть предчувствіе, хотя бы на время и заглушенное, что Россіи раньше или позже придется вступить въ борьбу за существованіе съ этимъ деспотомъ, для котораго монархи, какъ и народы являлись лишь игрушками его причудъ.[1] Невозможно было предположить, чтобы Швеція при обыкновенномъ теченіи событій оставалась нейтральною зрительницею подобной борьбы; еще свѣжія раны отъ только-что оконченной войны, при обыкновенныхъ условіяхъ, заставили бы ее перейти на сторону враговъ Россіи и въ такомъ случаѣ нападеніе на Петербургъ, о которомъ помышлялъ уже Густавъ III, могло бы осуществиться въ такое время, когда русскимъ войскамъ приходилось встрѣчать массы, надвигавшіяся на Москву подъ предводительствомъ Наполеона. Но если можно было быть увѣреннымъ,

[1] Татищевъ, печатающій въ настоящее время въ журналѣ La Nouvelle Revue рядъ статей объ отношеніяхъ Александра и Наполеона «Alexandre et Napoléon, d'après leur correspondance inédite», пишетъ (1 сент. 1890 г.):

«L'entrevue d'Erfurt apparut aux yeux des contemporains comme l'apogée de l'entente pacifique et amicale établie entre les deux souverains de Russie et de France. L'histoire doit l'envisager sous un point de vue différent. Elle constate notamment qu'il s'y est déjà produit un certain relâchement des liens formés à Tilsit, et cela pour des raisons diverses dont quelques-unes incombent à Napoleon, les autres à Alexandre. — — —

Dans les réticences de Napoléon, Alexandre voyait percer un germe de défiance qui engendrait des soupçons assez vagues encore dans son propre esprit.»

что финскій народъ не желаетъ возстановленія соединенія со Швеціею, то шведское нападеніе становилось неопаснымъ и даже немыслимымъ, такъ какъ Швеція не могла надѣяться вернуть потерянное безъ содѣйствія финляндцевъ и несмотря на ихъ сопротивленіе; да и самая мысль о непріятельскомъ столкновеніи между шведами и финляндцами въ глазахъ тогдашняго поколѣнія представлялась невозможною. Едва ли стоитъ особо указать, что таковъ именно былъ ходъ событій 1812 г. Наполеонъ старался привлечь Швецію на свою сторону, выставляя на видъ возможность обратнаго завоеванія Финляндіи; но шведское правительство, зная образъ мыслей финскаго народа, напротивъ того, заключило союзъ съ своимъ прежнимъ врагомъ. Россія могла обратить всѣ свои силы противъ непріятельскаго нашествія, тѣмъ болѣе, что Финляндія добровольно предложила съ своей стороны выставить отрядъ для защиты балтійскаго прибрежья. Съ удивленіемъ указано было, что уже по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ послѣ присоединенія Финляндіи къ Россіи, ея всегдашнему врагу, финскія войска подъ начальствомъ финскихъ офицеровъ несли гарнизонную службу въ столицѣ Имперіи, въ то время, когда всѣ силы державы были заняты борьбою съ Европою. Устранивъ всякое риторическое преувеличеніе, нельзя не признать значительную долю правды въ утвержденіи, что исторія едва ли представляетъ другой примѣръ завоеванія, которое принесло бы такіе плоды.[1]

[1] Русскій историкъ Злобинъ, въ статьѣ „Дипломатическія сношенія между Россіею и Швеціею въ первые годы царствованія Императора Александра I“ (Сборникъ русскаго историческаго общества т. II), замѣчаетъ о событіяхъ 1812 г.: „Увѣренные въ чувствахъ финляндцевъ, мы могли направить всѣ силы наши противъ Наполеона“.

Какое значеніе, можетъ имѣть, рядомъ съ приведенными фактами, злобное замѣчаніе г. Ордина, что, если бы Александръ I дѣйствительно имѣлъ въ виду утвердить конституцію Финляндіи, ему слѣдовало бы говорить не о пополненіи правъ, предоставленныхъ ему военнымъ счастіемъ, а объ ихъ ограниченіи (II, 344)!

V. Отъ Боргоскаго сейма по настоящее время.

Манифестомъ $^{5}/_{17}$ іюня 1808 г. Александръ I объявилъ обывателямъ Финляндіи свое твердое намѣреніе на вѣчныя времена соединить ихъ страну съ Россійскою Имперіею. На Боргоскомъ сеймѣ финляндскій народъ въ лицѣ своихъ представителей принялъ участіе въ установленіи этого соединенія и принесъ присягу вѣрноподданства Александру I, какъ Великому Князю Финляндіи и главѣ державы. Требовалось только, чтобы и шведскій король призналъ, что его прежнія права надъ Финляндіею отнынѣ принадлежатъ Россійскому Императору.

Косвенно Швеція, можно сказать, уже наканунѣ Боргоскаго сейма признала фактически воспослѣдовавшее отдѣленіе Финляндіи отъ Швеціи. Вслѣдствіе Стокгольмской революціи 13 марта 1809 г. послѣдній шведскій король, которому жители Финляндіи присягали, лишился престола и временное правительство вовсе не вызывало представителей Великаго Княжества на сеймъ, который былъ созванъ немедленно послѣ государственнаго переворота; такимъ образомъ финляндскому народу была предоставлена свобода дѣйствій. Затѣмъ, когда шведское правительство въ Фридрихсгамскомъ мирномъ договорѣ $^{5}/_{17}$ сентября 1809 г. формально отказалось отъ своихъ правъ, то тѣмъ самымъ всѣ

требованія международнаго права въ отношеніи дѣйствительности, соединенія Финляндіи съ Россіею были удовлетворены.

Мирные переговоры изложены у г. Ордина весьма пространно (II, 434—486), и этотъ отдѣлъ содержитъ поразительно мало тѣхъ наростовъ, которые обезображиваютъ едва ли не всѣ остальныя части сочиненія г. Ордина. Хотя общій ходъ переговоровъ уже раньше былъ изложенъ Злобинымъ по архивному матеріалу, но подробнаго изслѣдованія до настоящаго времени не существовало. Поэтому многочисленныя депеши, хранящіяся въ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, содержаніе которыхъ передано въ послѣдней главѣ сочиненія г. Ордина и часть которыхъ цѣликомъ напечатана въ приложеніяхъ, представляютъ интересъ какъ для изслѣдователей, такъ и для болѣе обширнаго круга читающей публики. Однако, разумѣется, общая тенденція, проходящая черезъ все сочиненіе, наложила свою печать и на послѣднюю главу.

Г. Ординъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ слѣдитъ за ходомъ переговоровъ; онъ торжествуетъ, что въ Фридрихсгамѣ Министръ Иностранныхъ Дѣлъ, гр. Румянцевъ, исправилъ ошибки, допущенныя Сперанскимъ въ Борго и Петербургѣ. Восторгъ г. Ордина вызванъ твердостью, съ которою Румянцевъ поддерживалъ требованія Россіи, и, въ частности, его отказомъ включить въ трактатъ потребованное шведскими представителями обязательство Императора сохранить религію, законы и привилегіи обывателей Финляндіи. Онъ не замѣчаетъ или не хочетъ замѣтить, что окончательное рѣшеніе этого спорнаго вопроса, а также самые мотивы, приводимые Румянцевымъ, указываютъ на то, что и при заключеніи мира Боргоскому акту придава-

лось значеніе, совершенно несогласное съ собственными взглядами автора. Въ письмѣ къ Императору, помѣченномъ $\frac{\text{28 августа}}{\text{9 сентября}}$ въ Фридрихсгамѣ, Румянцевъ пишетъ слѣдующее: „Чтобы окончить эту депешу, я долженъ донести Вашему Величеству, что баронъ Стедингкъ[1] часто и слишкомъ настойчиво указывалъ на необходимость особой статьи, которая обезпечивала бы свободу культа, законы и привилегіи Финляндіи, а также частную собственность. Я не хотѣлъ допустить, чтобы подобная статья была подвергнута обсужденію, выставляя на видъ, что все это относится къ области внутренняго управленія и потому не можетъ быть предметомъ дипломатическаго соглашенія. Г. Стедингкъ ссылался на различные трактаты, въ которыхъ дѣйствительно держава, уступающая провинціи, выговариваетъ извѣстныя условія въ пользу подданныхъ, отъ которыхъ она отказывается. Я не отрицалъ правильности его ссылокъ, но мнѣ легко было доказать, какъ мало аналогіи между всѣми прежними пріобрѣтеніями и теперешнимъ пріобрѣтеніемъ Вашего Величества. Ваше Величество пріобрѣли любовь финляндцевъ, явились среди ихъ въ качествѣ Государя еще до заключенія трактата, лично приняли ихъ вѣрноподданническую присягу, открыли въ качествѣ ихъ Монарха сеймъ Великаго Княжества. Этотъ доводъ сослужилъ мнѣ добрую службу. Послѣ этого г. Шельдебрандтъ[2] отдѣльно передалъ г. Алопеусу[3] составленный имъ проектъ статьи, редактированный, по его словамъ, такимъ образомъ, чтобы согласовать мой принципъ съ ихъ требованіями“.

---

[1] Главный уполномоченный со стороны Швеціи.

[2] Второй уполномоченный съ шведской стороны.

[3] Второй уполномоченный съ русской стороны.

Румянцевъ прибавляетъ, что онъ считаетъ возможнымъ принять проектъ Шельдебрандта, подвергнувъ его незначительному измѣненію. „Онъ не подрываетъ, а напротивъ подтверждаетъ силу моего принципа, которымъ указывалось, что Ваше Величество стали Государемъ Финляндіи до заключенія трактата.“ [1]

Гр. Румянцевъ, какъ извѣстно, относился вовсе не дружелюбно къ уступкамъ, сдѣланнымъ Государемъ финляндцамъ; — въ этомъ именно и заключается причина, по-

---

[1] »Pour terminer cette dépêche je dois rendre compte à V. M. que monsieur Stedingk ayant souvent et d'une manière trop réitérée parlé de la nécessité de faire un article qui assurât à la Finlande la liberté de son culte, ses loix, ses privileges, et garantit la propriété d'un chacun, je ne voulus pas, Sire, admettre qu'un pareil article fut mis en discussion, mettant en avant que tout cela étant objet d'administration interne, ne devait pas être le sujet d'un engagement diplomatique. Monsieur de Stedingk citoit en sa faveur l'exemple de divers traités où il se trouve en effet que la Puissance qui cède des provinces, stipule toujours en faveur des sujets auxquels elle renonce. Je ne disconvins pas de ce qu'il etoit juste, mais il me fut aisé de lui montrer le peu d'analogie de toutes les acquisitions precédentes à celle que venait de faire Votre Majesté Impériale. Elle avoit conquis l'amour des Finlandais: Elle s'est présentée parmi eux comme leur Maitre, avant le traité; Elle a reçu Elle-même le serment de leur fidélité; Elle a ouvert, comme leur Souverain, les états de leur Grand-Duché. Cet argument m'a bien servi. Monsieur Sköldebrandt seul a remis depuis à monsieur d'Alopeus un projet qu'il venoit de faire de cet article, croyant, disoit-il, l'avoir rédigé de manière à pouvoir concilier mon principe et leurs instances.

Ce projet est sous la lettre C. Je n'ai rien répondu encore, mais je previens V. M. qu'avec un très leger changement je me propose de l'admettre. Il n'affoiblit en rien, au contraire il donne force et valeur à la dignité de mon principe qui étoit de montrer V. M. comme Maitre de la Finlande avant le traite. Приложения къ сочиненію г. Ордина. II, 143.

чему г. Ордин восхваляетъ его, какъ единственнаго русскаго патріота среди всѣхъ совѣтниковъ Александра I. Но даже Румянцевъ, не колеблясь, указываетъ, что способъ, которымъ Императоръ пріобрѣлъ Финляндію, отличается отъ обыкновенныхъ завоеваній. Онъ настаиваетъ на томъ, что еще до заключенія мира Императору принадлежали не только права завоевателя, но и права законнаго монарха. И въ подтвержденіе своего взгляда онъ прямо ссылается на событія Боргоскаго сейма: присутствіе на немъ Императора и принесеніе ему присяги вѣрности сословіями Финляндіи. Съ этой точки зрѣнія, дѣйствительно, представлялось вполнѣ послѣдовательнымъ не включать въ трактатъ статьи, которая гарантировала бы сохраненіе законовъ Финляндіи, а ограничиться указаніемъ на воспослѣдовавшее уже удостовѣреніе Государя.

Окончательная редакція статьи VI договора имѣетъ слѣдующее содержаніе: „Поелику Его Величество Императоръ Всероссійскій самыми несомнѣнными опытами милосердія и правосудія ознаменовалъ уже образъ правленія своего жителямъ пріобрѣтенныхъ имъ нынѣ областей, обезпечивъ, по единственнымъ побужденіямъ великодушнаго своего соизволенія, свободное отправленіе ихъ вѣры, права собственности и преимущества, то Его Шведское Величество тѣмъ самымъ освобождается отъ священнаго впрочемъ долга чинить о томъ въ пользу прежнихъ своихъ подданныхъ какія либо условія.“

Изъ числа правительственныхъ распоряженій, находившихся въ связи съ сеймомъ и воспослѣдовавшихъ отчасти до заключенія мира, отчасти же вскорѣ затѣмъ, г.

Ординъ подробно останавливается на учрежденіи въ тогдашнемъ главномъ городѣ Финляндіи „Правительствующаго Совѣта.“ Онъ напечаталъ въ числѣ приложеній собственноручно подписанный Государемъ регламентъ совѣта, отъ $^{6}/_{18}$ августа 1809 г., и кромѣ того въ самомъ текстѣ сочиненія приводитъ важныя выдержки, между прочимъ, начало введенія (II, 422—423). Въ подлинномъ, французскомъ текстѣ этого введенія говорится слѣдующее:

Nous ALEXANDRE PREMIER, Empereur et Autocrateur de toutes les Russies etc. etc. etc., Grand Duc de Finlande. Salut.

Parmi les moyens d'assurer la prospérité de la Finlande, l'établissement d'une administration générale NOUS a paru d'une nécessité urgente. Il importoit au bien-être de l'État que les administrations provinciales eussent un point central, un tribunal suprême qui pût les diriger, maintenir l'unité de principes, assurer la force et l'action de la loi, veiller à la distribution de la Justice et imprimer un mouvement salutaire à la propagation des lumières et aux progrès de l'industrie.

Une commission spéciale formée de citoyens de la Finlande distingués par leurs lumières et leurs vues patriotiques fut appellée à combiner les élémens de cette institution d'après les principes que NOUS lui avons prescrit. Ayant examiné ce travail et après lui avoir donné toute l'étendue d'utilité dont il étoit susceptible, NOUS l'avons proposé à la délibération de la Diète.

Ayant entendu les avis des États et considérant qu'une administration générale, revêtue d'une autorité suffisante pour le maintien des loix et basée sur des principes libéraux, ne

manquera pas d'exercer la plus salutaire influence sur le bien-être de l'État, NOUS avons décrété et décrétons ce qui suit.

Въ русскомъ оффиціальномъ переводѣ, составленномъ значительно позже, сказано:

Божіею Милостію

МЫ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и Великій Князь Финляндіи, и проч. и проч. и проч.

Между способами къ утвержденію блага Финляндіи, учрежденіе мѣста для главнаго Управленія представилось НАМЪ главнѣйшею необходимостію. Благосостояніе края (de l'état) сего требовало, чтобы Правительственныя мѣста Провинцій сосредоточивались въ одномъ мѣстѣ, или въ верховномъ судилищѣ, которое могло бы ими управлять, сохранять единство въ началахъ, ограждать силу и дѣйствіе закона, имѣть бдѣніе надъ отправленіемъ правосудія, и дать благотворное движеніе распространенію просвѣщенія и успѣхамъ промышленности.

Особенный Комитетъ, составленный изъ гражданъ Финляндіи, отличившихся познаніями и преданностію къ отечеству, имѣлъ порученіе сдѣлать начертаніе сего учрежденія, согласно съ началами НАМИ постановленными. По разсмотрѣніи сего труда, давъ оному возможное направленіе къ достиженію общественнаго блага, МЫ предложили оный на дальнѣйшее разсужденіе сейма.

Выслушавъ мнѣніе Чиновъ сейма и находя, что верховное Правительственное мѣсто, облеченное довлѣющею властію къ сохраненію законовъ, и основанное на благо-

родныхъ началахъ, несомнѣнно будетъ имѣть благотворное вліяніе на благосостояніе края (de l'état), МЫ постановили и постановляемъ къ общему исполненію слѣдующее.

На этотъ разъ г. Ординъ воздерживается отъ всякихъ комментаріевъ и читатель оставляется въ невѣдѣніи, какъ согласовать мнѣніе, будто Финляндія есть ничто иное, какъ русская провинція съ изложенными въ этомъ актѣ взглядами и, въ частности, съ выраженіемъ „état", употребленнымъ для обозначенія всей Финляндіи въ отличіе отъ отдѣльныхъ ея провинцій, какъ это нами указывалось уже ранѣе въ полемикѣ съ г. Ординымъ. Въ еще болѣе затруднительное положеніе ставитъ г. Ордина манифестъ $^{15}/_{27}$ марта 1810 г., которымъ окончательно разрѣшенъ также обсуждавшійся на сеймѣ вопросъ о финляндскомъ войскѣ. Онъ предпочелъ поэтому ни въ текстѣ, ни въ приложеніяхъ не упоминать о слѣдующихъ знаменательныхъ словахъ, которыми начинается этотъ манифестъ:

Du moment que la Providence NOUS a remis le sort de la Finlande, NOUS résolûmes de gouverner ce pays comme une nation libre et jouissant des droits que sa constitution lui garantit.

Les preuves de dévouement que les habitans NOUS ont donné depuis le serment de fidélité qu'ils NOUS ont offert de leur plein gré par leurs représentans réunis en Diète, n'ont pu que NOUS raffermir dans cette résolution.

Tous les actes émanés jusqu'ici, pour l'administration intérieure de ce pays, ne sont qu'une suite et une application de ce principe. Le maintien de la religion et des lois, la réunion de la Diète, la formation du Conseil de Régence au sein de la nation, la conservation intacte de l'ordre judi-

ciaire et administratif, en sont des preuves qui doivent assurer à la nation finnoise les droits de son existence politique.[1]

„Съ тѣхъ поръ, какъ Провидѣніе вручило Намъ судьбу Финляндіи, Мы рѣшились управлять этою страною, какъ свободнымъ народомъ, пользующимся правами, обезпеченными за нимъ его конституціею.

Преданность, доказанная Намъ жителями, послѣ того какъ они добровольно принесли Намъ присягу на вѣрноподданство черезъ своихъ представителей, собравшихся на Сеймъ, могла только укрѣпить насъ въ этой рѣшимости.

---

[1] Читатель вѣроятно помнитъ, что уже при открытіи Боргоскаго сейма Императоръ замѣтилъ: cette réunion fera époque dans votre existence politique; при закрытіи сейма 7/19 іюля 1809 г. онъ упоминалъ о предметахъ les plus importants à votre existence politique. Важное значеніе, которое Императоръ придавалъ своимъ неоднократнымъ выраженіямъ о политическомъ существованіи Финляндіи, видно изъ Высочайшаго рескрипта генералъ-маіору, барону, впослѣдствіи графу, Аминову. Рескриптъ является отвѣтомъ на благодарственный адресъ финскихъ офицеровъ по поводу льготъ, предоставленныхъ имъ манифестомъ 15/27 марта 1810 г. Подлинникъ, собственноручно подписанный и помѣченный Императоромъ, хранится въ родовомъ имѣніи Аминовыхъ, Рилаксъ, въ Финляндіи; содержаніе его слѣдующее:

Monsieur le général major Baron d'Aminof, j'agrée avec beaucoup de plaisir les sentimens de reconnoissance que vous venez d'exprimer au nom des braves officiers de l'armée finoise. En fixant leur sort, j'ai voulu prouver combien il m'est agréable de voir cimenter les liens qui les attachent à leur patrie. Mon but est rempli du moment qu'ils reconnoissent le motif qui me fait agir: c'est de voir se consolider l'existence politique de la nation finoise et d'accroître les moyens de sa prospérité. Sur ce je prie Dieu qu'il vous ait, Monsieur le Baron d'Aminof, en sa sainte garde.

St. Petersbourg
ce 26 Avril
1810.

Alexandre.

Всѣ акты, изданные до сего времени для внутренняго управленія края, являются лишь послѣдствіемъ и примѣненіемъ этого принципа. Сохраненіе религіи и законовъ, созваніе Сейма, учрежденіе Правительствующаго Совѣта среди націи, неприкосновенность судебнаго и административнаго порядка, суть доказательства, которыя должны обезпечить за финскимъ народомъ права политическаго существованія.“

Кромѣ этого подлиннаго и яснаго разъясненія намѣреній Александра I, имѣются также другіе позднѣйшіе акты, въ которыхъ Императоръ выражается въ томъ же смыслѣ. Мы считаемъ необходимымъ указать на нѣкоторые изъ числа важнѣйшихъ.

Въ Высочайшей инструкціи учрежденной въ С. Петербургѣ коммисіи финляндскихъ дѣлъ, отъ $\frac{25 \text{ октября}}{6 \text{ ноября}}$ 1811 г., мы читаемъ: „Желая, чтобы дѣла по Управленію Финляндіи, на разрѣшеніе Наше поступающія, были разсматриваемы и уважаемы на основаніи тѣхъ самыхъ законовъ, кои сей странѣ свойственны и Нами ей удостовѣрены“ и т. д. Въ § 1 инструкціи сказано; „Коммисія Финляндская учреждается къ разсмотрѣнію и пріуготовленію дѣлъ, кои, по кореннымъ законамъ сей страны и по Учрежденію Финляндскаго Совѣта, принадлежатъ къ непосредственному рѣшенію Верховной власти.“ Обращаемъ вниманіе читателей на слова: „коренные законы“. Комментируя актъ удостовѣренія Императора Александра I. г. Ординъ не признавалъ за этимъ выраженіемъ значенія политическихъ основныхъ законовъ и утверждалъ, что эти коренные законы относились лишь до личной свободы крестьянъ, до права всѣхъ владѣть землею и т. д. Толкованіе это опровергается объясненіемъ Го-

сударя, что „коренные законы“ опредѣляютъ, какія дѣла принадлежатъ къ непосредственному рѣшенію Верховной власти, и установляютъ, слѣдовательно, права и обязанности Монарха.

Соединивъ Выборгскую губернію съ остальною Финляндіею, послѣ того какъ эта часть края со времени Нюштадскаго и Абоскаго мира принадлежала къ Россіи, Александръ I исполнилъ желаніе, которое представители партіи независимости Финляндіи высказывали уже во время Екатерины II. Такимъ образомъ возвращеніе къ законамъ и учрежденіямъ, коренившимся въ прежней исторіи этой области, дало Выборгской губерніи возможность оправиться послѣ того замѣшательства, въ которомъ она находилась вслѣдствіе введенія въ XVIII ст. совершенно чуждаго управленія. Что же касается всей Финляндіи, то она этою мѣрою еще крѣпче была соединена съ Россіею узами благодарности и собственной выгоды; и это случилось какъ разъ въ такое время, когда предстоялъ разрывъ съ Франціею. Въ одномъ изъ постановленій, вызванныхъ присоединеніемъ Выборгской губерніи къ Великому Княжеству, а именно въ Высочайшемъ постановленіи отъ $\frac{\text{31 декабря 1811 г.}}{\text{12 января 1812 г.}}$, Императоръ собственноручно приписалъ слѣдующее опредѣленіе, разъясняющее вопросъ объ отношеніи Императора къ конституціи Финляндіи: „Порядокъ представленія всѣхъ сословій на Сеймѣ Государственныхъ Чиновъ учреждается въ Выборгской Губерніи на общихъ правилахъ въ конституціи Великаго Княжества Финляндіи опредѣленныхъ.“

Наконецъ, изъ числа постановленій, изданныхъ въ царствованіе Александра I, мы рѣшаемся напечатать весь текстъ Высочайшаго манифеста отъ $^{9}/_{21}$ февраля 1816 г.,

значеніе котораго читателю отчасти уже извѣстно изъ введенія:

Божіею Милостію

МЫ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и Великій Князь Финляндіи, и прочая, и прочая, и прочая,

Объявляемъ всенародно:

Съ самаго присоединенія Великаго Княжества Финляндіи къ Имперіи НАШЕЙ, благоденствіе края сего всегда составляло одинъ изъ пріятнѣйшихъ предметовъ НАШИХЪ желаній и попеченій. Соображаясь съ симъ, всѣ НАШИ старанія, при каждомъ случаѣ, обращали МЫ къ той цѣли, чтобы Финляндскихъ подданныхъ, НАШИМИ дѣйствіями, единственно къ общему благу клонившимися, расположить къ вѣрности и приверженности, каковыхъ МЫ, яко облеченные отъ Провидѣнія Верховною надъ ними властію, ожидать были въ правѣ, и которыхъ вмѣстѣ, къ особенному удовольствію НАШЕМУ, многія и непремѣнныя видѣли доказательства.

Бывъ удостовѣрены, что конституція и законы, къ обычаямъ, образованію и духу Финляндскаго народа примѣненные и съ давнихъ временъ положившіе основаніе гражданской его свободѣ и устройству, — не могли бы быть ограничиваемы и отмѣняемы, безъ нарушенія оныхъ, МЫ, при воспріятіи царствованія надъ симъ краемъ, не только торжественнѣйше утвердили Конституцію и законы сіи съ принадлежащими, на основаніи оныхъ, каждому Финляндскому согражданину особенными правами и преимуществами, но по предварительномъ разсужденіи о семъ съ собравши-

мися земскими края сего чинами, и учредили особенное Правительство, подъ названіемъ Правительствующаго Совѣта, составленнаго изъ коренныхъ Финляндцевъ, который доселѣ управлялъ гражданскою частію края сего и рѣшилъ судебныя дѣла, въ качествѣ послѣдней инстанціи, не завися ни отъ какой другой власти, кромѣ власти законовъ и сообразующейся съ оными МОНАРШЕЙ НАШЕЙ воли. Таковыми мѣрами оказавъ НАШЕ доброе расположеніе, которое имѣли, и впредь будемъ имѣть къ Финляндскимъ вѣрноподданнымъ НАШИМЪ, надѣемся МЫ, что довольно утвердили на всегдашнія времена данное НАМИ обѣщаніе о святомъ сохраненіи особенной конституціи края сего подъ Державою НАШЕЮ и Наслѣдниковъ НАШИХЪ. Нынѣ же по благополучномъ окончаніи, въ купѣ съ союзными НАМЪ Державами, помощію Всевышняго, дѣлъ до безопасности Имперіи НАШЕЙ и спокойствія всей Европы относящихся и достигши ожиданнаго давно случая, безъ препятствія отъ попеченій внѣшнихъ, посвятить занятія на управленіе внутренними дѣлами Государства НАШЕГО, а въ числѣ оныхъ и касающимися особенно до Финляндіи, находимъ МЫ, для вящшаго ознаменованія намѣренія НАШЕГО о упомянутомъ Мѣстномъ Управленіи края сего и непосредственнаго отношенія онаго къ лицу НАШЕМУ, удобнѣйшимъ, согласно съ наименованіемъ Вышняго Правительства въ Государствѣ НАШЕМЪ и въ присоединенномъ къ оному съ недавняго времени Царствѣ Польскомъ, дать и Финляндскому Вышнему Правительству названіе: Финляндскаго Сената НАШЕГО, безъ отмѣны однакожъ въ настоящемъ его составѣ, а еще менѣе того въ Конституціи и законахъ НАМИ для Финляндіи утвержденныхъ и силою сего во всѣхъ отношеніяхъ паки утверж-

даемыхъ. При торжественнѣйшемъ обѣщаніи НАШЕМЪ, избирать впредъ въ члены сего Финляндскаго Сената НАШЕГО, какъ и до сего времени было, одинхъ токмо коренныхъ Финляндцевъ или водворившихся тамъ и Финляндское Гражданское право пріобрѣвшихъ. Повелѣваемъ: всѣмъ Финляндскимъ вѣрноподданнымъ НАШИМЪ, равно какъ и прочимъ, до кого сіе касается, исполнять всѣ тѣ предписанія, какія именемъ НАШИМЪ, и со стороны НАШЕЙ, изданы будутъ отъ ИМПЕРАТОРСКАГО Финляндскаго Сената. что до селѣ былъ Правительствующій Совѣтъ, и съ симъ постановленіемъ НАШИМЪ въ точности сообразоваться. Въ подтвержденіе всего вышеизъясненнаго, благоволили МЫ подписать сіе собственноручно.

Данъ въ С. Петербургѣ Февраля 9-го въ лѣто отъ Рождества Христова 1816-го, царствованія НАШЕГО въ пятоенадесятъ.

АЛЕКСАНДРЪ.

Мы не считаемъ нужнымъ особо указать на знаменательныя удостовѣренія, которыми изобилуетъ этотъ актъ. Спросимъ только: могъ ли Императоръ болѣе яснымъ и положительнымъ образомъ признать. что онъ за себя и за своихъ наслѣдниковъ утвердилъ конституцію Финляндіи? и развѣ по вопросу о внутренней автономіи Финляндіи не имѣетъ огромнаго значенія объясненіе. что Правительствующій Совѣтъ переименовывается „согласно съ наименованіемъ Вышняго Правительства въ государствѣ Нашемъ и въ присоединенномъ къ оному съ недавняго времени Царствѣ Польскомъ“. Очевидно, Императоръ хотѣлъ дать ясное указаніе, что упомянутый Правительствующій Совѣтъ независимъ, и однороденъ съ высшими правительственными

мѣстами въ двухъ остальныхъ государствахъ, подвластныхъ его державѣ.

На Боргоскомъ актѣ Императоръ Александръ объявилъ свое удостовѣреніе въ качествѣ носителя и представителя верховной власти въ соединенныхъ государствахъ. Земскіе чины съ своей стороны принесли Императору и Великому Князю присягу вѣрности въ качествѣ представителей тогдашняго и всѣхъ будущихъ поколѣній финскаго народа. Поэтому позднѣйшія Высочайшія удостовѣренія и вѣрноподданническія присяги, которыми затѣмъ обмѣнивались государи и финскій народъ, не могутъ имѣть опредѣлительнаго значенія по вопросу о характерѣ соединенія Финляндіи и Россіи или касательно отношеній монарха къ конституціи Финляндіи. Въ нихъ только выражаются положенія, которыя и безъ того имѣли бы силу, какъ утвержденныя на вѣчныя времена при самомъ соединеніи Финляндіи съ Имперіею. Однако, утвержденная разъ навсегда конституція не только предписываетъ, чтобы финскій народъ приносилъ присягу вѣрности каждому новому монарху, но обязываетъ также государей давать удостовѣреніе о сохраненіи законовъ края; дѣйствительно, какъ уже выше упомянуто, подобныя удостовѣренія даны всѣми преемниками Александра I.

Удостовѣреніе Императора Николая, отъ 12/24 декабря 1825 г., совершенно тождественно съ удостовѣреніемъ Александра I, лишь съ тѣмъ, весьма естественнымъ различіемъ, что вступительныя слова: „Произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ обладаніе Великаго Княжества Финляндіи“,

замѣнены словами: „Произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ наслѣдственное обладаніе Великаго Княжества Финляндіи". Для развитія конституціи Финляндіи въ прогрессивномъ направленіи царствованіе Императора Николая оказалось далеко не благопріятнымъ; однако и Николай Павловичъ безъ оговорокъ признавалъ, что Финляндія не есть русская губернія и что здѣсь его власть подлежала законнымъ ограниченіямъ. Напомнимъ, что въ его царствованіе утверждена была ст. 4 основныхъ законовъ Россійской Имперіи: „Съ Императорскимъ Всероссійскимъ престоломъ нераздѣльны суть престолы: Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго".

Замѣтимъ далѣе, что манифестъ 17/29 марта 1826 г., объ упраздненіи коммиссіи финляндскихъ дѣлъ, учрежденной въ Петербургѣ въ 1811 г., содержитъ слѣдующія слова: „желая при томъ установить для Финляндіи сообразный съ утвержденными коренными законами и основными постановленіями сего края порядокъ по докладу Намъ дѣлъ, зависящихъ отъ разрѣшенія Высочайшей власти, Мы сохраняемъ званіе статсъ-секретаря Великаго Княжества Финляндіи". Въ § 1 отд. II того же манифеста постановлено, что къ статсъ-секретарю поступаютъ всѣ дѣла, „кои по кореннымъ законамъ и основнымъ постановленіямъ онаго края подлежатъ разсмотрѣнію и разрѣшенію Высочайшей власти".

Заявляя, что удостовѣреніе Императора Александра I не содержитъ утвержденія конституціи Финляндіи, г. Ординъ, какъ читателямъ извѣстно, основывался при этомъ на томъ обстоятельствѣ, что въ этомъ удостовѣреніи употреблены слова „коренные законы", а не „основные законы". Теперь однако оказывается, что Императоръ Нико-

лай, удостовѣреніе котораго редактировано въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и удостовѣреніе Императора Александра I. положительно и неоднократно объясняетъ, что онъ утвердилъ какъ „коренные“ такъ и „основные“ законы края. Надо сознаться, что нашему автору поразительно не везетъ. Уже сейчасъ по выходѣ въ свѣтъ сочиненія г. Ордина одинъ рецензентъ, не безъ основанія, замѣтилъ, что Александръ I въ свои устныя и письменныя удостовѣренія вносилъ все новыя объясненія, какъ будто предвидя, что въ будущемъ какой нибудь г. Ординъ станетъ перетолковывать самыя ясныя его выраженія. Замѣчаніе это вполнѣ примѣнимо и къ актамъ Императора Николая.

Въ связи съ указаніемъ, что слово „конституція“ въ удостовѣреніи Александра I употреблено въ единственномъ числѣ, мы у г. Ордина читаемъ слѣдующее: „Дабы не давать впредь возможности злоупотреблять мало замѣтнымъ различіемъ словъ „по конституціямъ ихъ“ и „по конституціи“, Императоръ Александръ II, издавая въ 1855 г., при восшествіи на престолъ, такое же какъ Александръ I обѣщаніе финляндцамъ сохранить ихъ религію и привилегіи, нашелъ лучшимъ вовсе исключить это слово, и замѣнить чисто русскими словами „по прежнимъ установленіямъ“. Затѣмъ уже и по шведски пришлось переводить это мѣсто словами, соотвѣтственными видоизмѣненному русскому выраженію, что далеко не означаетъ прежней конституціи. Въ этой же точно редакціи изданъ манифестъ и при восшествіи на престолъ Императора Александра III“.

Г. Ординъ положительно ослѣпленъ; иначе онъ не осмѣлился бы даже упомянуть объ Императорѣ Алексан-

дрѣ II. Ему извѣстно, что Александру II Финляндія обязана пробужденіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ своей конституціонной политической жизни, что Александръ II положительнымъ закономъ утвердилъ періодичность финляндскихъ сеймовъ и предоставилъ земскимъ чинамъ по разнымъ вопросамъ болѣе обширныя права, нежели они имѣли до того. Переводчикъ очерка Мехелина „Précis du droit public du Grand-Duché de Finlande“ самъ былъ принужденъ ознакомить своихъ читателей съ русскимъ переводомъ нижеслѣдующей французской рѣчи, которую Императоръ произнесъ 18 сентября 1863 г., лично открывая сеймъ въ Гельсингфорсѣ:

„Représentants du Grand-Duché de Finlande!

En Vous voyant réunis autour de Moi, Je suis heureux d'avoir pu accomplir Mes voeux et vos espérances.

Mon attention s'est dès longtems portée sur un certain nombre de questions successivement soulevées et qui touchent aux intérêts les plus sérieux du pays. Elles sont restées en suspens vu que leur solution demandait la coopération des États. Des considérations majeures, dont l'appréciation M'est reservée, ne M'avoient pas permis de réunir les représentants des quatre ordres du Grand-Duché durant les premières années de Mon règne. Néanmoins, J'ai pris à tems des mesures préparatoires pour arriver à ce but, et aujourd'hui que les circonstances ne sont plus de nature à motiver un plus long ajournement, Je Vous ai convoqués, afin de Vous faire part, après avoir préalablement entendu Mon Sénat de Finlande, des projets de loi et de quelques affaires administratives, dont Vous aurez à Vous occuper durant la session actuelle. Considérant leur gravité, Je les ai d'abord fait examiner par une commission, composée de personnes inve-

sties de la confiance de la nation. La publicité accordée aux débats de cette commission Vous a fait connaître d'avance l'objet de vos délibérations et Vous avez été à même d'approfondir ces projets de loi en consultant les opinions et les besoins du pays. Malgré leur nombre et leur importance il Vous sera en conséquence possible d'en terminer l'examen définitif dans le délai fixé par la loi.

L'exposé financier qui Vous sera communiqué, Vous prouvera que les revenus de l'État ont toujours suffi pour couvrir les dépenses courantes et que l'accroissement considérable des impôts indirects, témoignage de la prospérité publique, a permis d'appliquer des ressources plus étendues au développement matériel et moral du pays.

J'ai autorisé le gouvernement du Grand-Duché à contracter des emprunts uniquement pour faire face aux besoins de la dernière guerre et pour couvrir les frais de construction du chemin de fer entre Helsingfors et Tavastehus.

Le compte-rendu de l'emploi de ces emprunts, qui Vous sera également communiqué, Vous fera voir que les revenus actuels de l'Etat suffisent pour amortir cette dette avec ses intérêts. Mon désir est toutefois qu'à l'avenir aucun nouvel emprunt ne soit fait sans la participation des États du Grand-Duché, à moins qu'une invasion inopinée de l'ennemi ou quelque autre malheur public imprévu ne Nous en fasse une nécessité.

Les nouvelles contributions que Je fais proposer à la Diète tendent à réaliser différentes mesures destinées à augmenter le bien-être du pays et à faire prospérer l'enseignement du peuple. C'est à Vous à décider de l'urgence et de l'étendue de ces mesures.

Plusieurs des stipulations des lois fondamentales du Grand-Duché ne sont plus applicables à l'état des choses survenu depuis sa réunion à l'Empire; d'autres manquent de clarté et de précision. Désirant remédier à ces imperfections, Mon intention est de faire élaborer un projet de loi qui contiendra des explications et des supplémens à ces stipulations pour être soumis à l'examen des États lors de la prochaine Diète, que Je pense convoquer dans trois ans. En maintenant le principe Monarchique constitutionel inhérent aux moeurs du peuple Finlandois et dont toutes ses lois et ses institutions portent le caractère, Je veux faire admettre dans ce projet un droit plus étendu que celui que possèdent déjà les États quant au règlement de l'assiette des impôts, ainsi que le droit de motion qu'ils ont anciennement possédé, Me réservant toutefois celui de prendre l'initiative dans toutes les questions qui touchent au changement de la loi fondamentale.

Vous connoissez Mes sentimens et Mes voeux pour le bonheur et la prospérité des peuples confiés à Ma sollicitude. Aucun de Mes actes n'a pu troubler l'entente qui doit régner entre le Souverain et la nation. Je désire que cette entente continue à être, comme par le passé, le gage des bons rapports qui M'unissent au brave et loyal peuple Finlandois. Elle contribuera puissamment à la prospérité d'un pays bien cher à Mon coeur et Me fournira un nouveau motif pour Vous rassembler périodiquement.

C'est à Vous, Représentants du Grand-Duché, à prouver, par la dignité, la modération et le calme de Vos discussions qu'entre les mains d'un peuple sage, décidé à travailler, d'accord avec le Souverain, dans un esprit pratique au développement de son bien-être, les institutions libérales

loin d'être un danger, deviennent une garantie d'ordre et de prospérité.

Je déclare ouverte la présente Diète".

„Представители Великаго Княжества Финляндскаго!

Видя васъ собранными вокругъ Меня, считаю Себя счастливымъ, что могу осуществить Мои желанія и ваши надежды.

Я давно уже обращалъ вниманіе на рядъ вопросовъ, которые послѣдовательно были возбуждаемы, и касались самыхъ существенныхъ интересовъ края. Рѣшеніе этихъ вопросовъ отлагалось, такъ какъ для того требовалось участіе сейма. Высшія соображенія, оцѣнка которыхъ принадлежитъ Мнѣ, не дозволили Мнѣ собрать представителей четырехъ сословій Великаго Княжества въ первые годы Моего царствованія. Тѣмъ не менѣе, Я принялъ во время нѣкоторыя приготовительныя мѣры, ведущія къ этой цѣли, и такъ какъ нынѣ обстоятельства не требуютъ дальнѣйшей отсрочки, то Я созвалъ васъ, для соучастія въ дѣлѣ, выслушавъ предварительно мнѣніе Финляндскаго Моего Сената о проектахъ законовъ и нѣкоторыхъ административныхъ мѣрахъ, которыми вы займетесь въ теченіе нынѣшней сессіи. Имѣя въ виду важность этихъ законовъ и мѣръ, Я поручилъ коммисіи, составленной изъ лицъ, облеченныхъ довѣріемъ народа, разсмотрѣть ихъ предварительно. Гласность, которая была допущена относительно преній коммисіи, могла уже заранѣе ознакомить васъ съ тѣмъ, что составитъ предметъ вашихъ сужденій, и вы могли обдумать вполнѣ эти проекты, сообразуясь съ общественнымъ мнѣніемъ и потребностями края. По этой причинѣ, несмотря на значительное число и важность проек-

товъ, вы будете имѣть возможность разсмотрѣть ихъ окончательно въ установленное закономъ время.

Отчетъ о положеніи Финансовъ, который будетъ вамъ сообщенъ, докажетъ, что государственные доходы всегда были достаточны для покрытія текущихъ расходовъ, и что значительное увеличеніе косвенныхъ налоговъ, свидѣтельствующее объ общественномъ благосостояніи, дозволило приложить болѣе значительныя средства къ развитію матеріальныхъ и нравственныхъ силъ края. Я разрѣшилъ правительству Великаго Княжества Финляндскаго заключить займы единственно для того, чтобы удовлетворить потребностямъ, выказавшимся въ послѣднюю войну, и покрыть издержки по сооруженію желѣзной дороги между Гельсингфорсомъ и Тавастгусомъ.

Отчетъ о расходованіи этихъ займовъ, который также будетъ сообщенъ вамъ, покажетъ, что нынѣшніе доходы государства достаточны для погашенія этого долга съ процентами. При всемъ томъ, Я желаю, чтобы впредь ни одинъ заемъ не былъ заключенъ безъ участія сейма Великаго Княжества, исключая только внезапнаго нашествія враговъ или другаго непредвидѣннаго общественнаго бѣдствія, которыя побудили бы Насъ уклониться отъ этого.

Новые налоги, предлагаемые Мною сейму, клонятся къ тому, чтобы осуществить различныя мѣры, предназначенныя къ умноженію благосостоянія края и къ процвѣтанію народнаго образованія. Вамъ предстоитъ рѣшить вопросъ о томъ, въ какой степени эти мѣры настоятельны и въ какихъ размѣрахъ онѣ должны быть осуществлены.

Многія постановленія коренныхъ законовъ Великаго Княжества оказываются несовмѣстными съ положеніемъ дѣлъ, возникшимъ послѣ присоединенія этого княжества

къ Имперіи: другія страдаютъ недостаткомъ ясности и опредѣлительности. Желая исправить эти недостатки, Я имѣю намѣреніе поручить составленіе проекта закона, который, заключая въ себѣ поясненія и дополненія къ этимъ постановленіямъ, предложенъ будетъ на разсмотрѣніе послѣдующаго сейма, который Я предполагаю созвать черезъ три года. Оставляя неприкосновеннымъ принципъ конституціонной монархіи, вошедшій въ нравы финляндскаго народа и запечатлѣвшій всѣ законы его и учрежденія, Я желаю расширить въ этомъ проектѣ право, принадлежащее уже сейму — опредѣлять размѣръ и количество налоговъ, равно какъ и право предлагать проекты законовъ, которымъ пользовался сеймъ въ прежнее время, причемъ Я оставляю за собой иниціативу во всѣхъ тѣхъ вопросахъ, которые будутъ касаться измѣненій кореннаго закона.

Вамъ извѣстны Мои чувства, вы знаете, какъ желаю Я счастія и благоденствія народовъ, ввѣренныхъ Моему попеченію. Съ Моей стороны не было сдѣлано ничего, что могло бы нарушить согласіе, которое должно существовать между Государемъ и народомъ.

Я желаю, чтобы это согласіе послужило и впредь залогомъ благопріятныхъ отношеній, установившихся между Мною и честнымъ и вѣрнымъ финляндскимъ народомъ. Оно будетъ могущественно содѣйствовать благосостоянію края, столь близкаго Моему сердцу, и послужитъ для Меня новымъ побужденіемъ созывать васъ въ опредѣленные сроки. Вамъ, представители Великаго Княжества, предстоитъ доказать достоинствомъ, умѣренностью и спокойствіемъ при сужденіяхъ, что въ рукахъ народа мудраго, готоваго дѣйствовать за одно съ Государемъ, съ практическимъ смысломъ для развитія своего благосостоянія, ли-

беральныя учрежденія не только не опасны, но составляють залогъ порядка и благоденствія.

Объявляю засѣданія сейма открытыми".

Вмѣсто всякихъ комментаріевъ къ этой рѣчи, въ которой великодушный благодѣтель Финляндіи совершенно справедливо замѣтилъ: „съ моей стороны не было сдѣлано ничего, что могло бы нарушить согласіе, которое должно существовать между Государемъ и народомъ", приведемъ подлинный текстъ Высочайшаго утвержденія сеймоваго устава, принятаго земскими чинами Финляндіи на сеймѣ 1867 г.:

„Сохраняя за Собою принадлежащее НАМЪ право въ томъ видѣ, какъ оно установлено въ Формѣ Правленія отъ 21 Августа 1772 года и въ Актѣ Соединенія и Охраненія отъ 21-го Февраля и 3-го Апрѣля 1789 года и не измѣнено точными словами въ вышеизложенномъ Сеймовомъ Уставѣ, МЫ Высочайше одобряемъ и утверждаемъ сей Уставъ какъ ненарушимый основный законъ. Для вящщаго же удостовѣренія подписали МЫ сіе Собственноручно. Въ С.-Петербургѣ 3/15 Апрѣля 1869 года".

Намъ остается привести Высочайшее утвержденіе всѣмъ жителямъ Финляндіи, данное нынѣ царствующимъ Императоромъ и Великимъ Княземъ Александромъ III въ Петербургѣ 2/14 марта 1882 г.:

Божіею Милостію

МЫ АЛЕКСАНДРЪ ТРЕТІЙ, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Великій Князь Финляндскій и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ чрезъ сіе: что, произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ наслѣдственное обладаніе Великимъ

Княжествомъ Финляндскимъ, признали МЫ за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить религію, основные законы, права и преимущества, которыми каждое сословіе сего Великаго Княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика по установленіямъ этого края до нынѣ пользовались, обѣщая хранить оные въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи.

С. Петербургъ, 2/14 Марта 1881 года.

АЛЕКСАНДРЪ.

Слова „коренные законы" теперь въ русскомъ текстѣ акта удостовѣренія замѣнены болѣе употребительнымъ выраженіемъ „основные законы", какъ это отчасти замѣчается уже въ актахъ Императоровъ Николая и Александра II [1]. Такимъ образомъ и въ этомъ отношеніи устранены всякіе поводы къ неправильнымъ толкованіямъ.

Въ связи съ утвержденіемъ Императора Александра III, въ Сборникѣ Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго обнародованъ слѣдующій рескриптъ, также публикованный во всѣхъ церквахъ страны:

НАШЕМУ Генералъ-Губернатору Финляндіи.

Утвердивъ Высочайшимъ Манифестомъ отъ сего числа установленія, дарованныя Великому Княжеству Финляндскому Блаженныя памяти Императоромъ Александромъ Павловичемъ и, съ согласія Земскихъ Чиновъ

---

[1] Слѣдуетъ замѣтить, что и русскій основный законъ отъ 5 апрѣля 1797 г., о Императорской Фамиліи, въ нѣкоторыхъ постановленіяхъ названъ кореннымъ (ср. ссылку подъ I ст. Свода Основныхъ Законовъ и манифестъ 22 августа 1826 г.).

Финляндіи, развитыя въ Бозѣ почившимъ возлюбленнымъ Родителемъ НАШИМЪ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ, МЫ исполнили сіе съ душевнымъ удовольствіемъ, памятуя многочисленныя доказательства неизмѣнной преданности и признательности жителей этого края къ Своему Государю и Благодѣтелю, которыми они услаждали царствованіе НАШЕГО незабвеннаго Родителя, всегда нѣжно заботившагося о ихъ благѣ.

Повелѣваю вамъ объявить сіе всѣмъ Финляндскимъ НАШИМЪ вѣрноподданнымъ.

С. Петербургъ 2/14-го Марта 1881 года.

Мы считаемъ нужнымъ привести еще вступительныя слова рѣчи Императора при открытіи 24/12 января 1882 г. перваго по восшествіи Его на престолъ финляндскаго сейма, такъ какъ въ нихъ указаны принципы, которыми нынѣ царствующій Всемилостивѣйшій нашъ Императоръ и Великій Князь рѣшился руководиться въ управленіи Финляндіею:

Представители Великаго Княжества Финляндскаго!

Призвавъ васъ, на основаніи Сеймоваго Устава, къ обсужденію многихъ важныхъ для края вопросовъ, Я руководствовался твердымъ рѣшеніемъ неуклонно слѣдовать примѣру въ Бозѣ почившаго возлюбленнаго и незабвеннаго МОЕГО Родителя, который неусыпно заботился о благосостояніи Финляндіи и этимъ стяжалъ Себѣ искреннюю ея любовь и признательность. Молю Всевышняго помочь МНѢ въ стараніи упрочить счастіе МОЕГО вѣрнаго финскаго народа, въ добрыхъ качествахъ котораго Я еще болѣе убѣдился при посѣщеніяхъ МНОЮ страны вмѣстѣ съ МОИМЪ СЕМЕЙСТВОМЪ, храня самое отрадное воспоминаніе о чувствахъ, НАМЪ въ то время выраженныхъ.

Непосредственно послѣ этого Высочайшаго объявленія воспослѣдовало событіе, вѣчно памятное во внутренней исторіи Финляндіи. Императору Александру II не суждено было осуществить выраженное въ тронной рѣчи 1883 г. намѣреніе возвратить земскимъ чинамъ право предлагать проекты законовъ, котораго они лишились въ 1789 г. Однако преемникъ Его исполнилъ данное обѣщаніе и такимъ образомъ Его Величество Императоръ Александръ III, подобно Своему въ Бозѣ почившему Родителю, упрочилъ и расширилъ значеніе сеймовъ въ Финляндіи. Такимъ образомъ и Онъ далъ жителямъ Финляндіи залогъ своего намѣренія не только поддерживать, но и далѣе развить конституцію края, „оставляя неприкосновеннымъ“ — цитируемъ слова Императора Александра II — „принципъ конституціонной монархіи, вошедшій въ нравы финляндскаго народа и запечатлѣвшій всѣ законы его и учрежденія“.

Этимъ мы заканчиваемъ разборъ сочиненія г. Ордина и нашъ очеркъ соединенія Финляндіи съ Россійскою Державою.

Оканчивая свое описаніе, г. Ординъ даетъ понять, что оно содержитъ „всю истинную сущность отношеній Россіи и Финляндіи, какъ создала ихъ исторія“. Читателямъ однако теперь уже извѣстно, въ какой мѣрѣ разсмотрѣнный нами историческій трудъ г. Гофмейстера соотвѣтствуетъ истинѣ и дѣйствительности.

2007112005